

ЮЛИЯ ЦЕЗАРЬ

СВЕТ ГАСИ
И ПРИХОДИ

От него не осталось ничего, кроме воспоминаний, ни единой ниточки нет в руках у Алисы. Он нарушил запрет, спас ее — и был наказан. Она отправляется в сложное и опасное путешествие, чтобы отыскать призрака, которого любит, не подозревая пока, что ввязалась в игру таинственных и древних сил.

Глава 1: Обещаю не умирать

Имя человека — это имя его судьбы. Возможно, потому на свете так много пустых и обыкновенных имен, столь много раз повторенных, что они утратили и силу и значение — родители подсознательно пытаются уберечь своих детей от потрясений судьбы и странностей.

Таких, какие бывают у тех, чьи мама с папой не были столь осторожными и назвали ребенка Алисой.

Городок, в котором она родилась, был похож на другие — та же отставшая на десятилетия от столярной Москвы провинциальная деревня, застроенная зданиями не выше пяти этажей, вперемешку с солидными домами частного сектора. Обычным делом были немощеные улицы, замусоренные и разбитые дороги. Люди здесь никуда не спешили и имели добродушный нрав.

Поселение огибала река, не шире двадцати шагов. Летом она цвела, к осени начинала вонять. В самом узком ее месте росла старая ива, а на дне лежали обмотанные цепями каменные гробы. В них, проклятые еще в стародавние времена, когда о городе не шло и речи, томились неуспокоенные грешники. Подальше от того места, на другом берегу, была пещера. Там жила и коптила небо злоющая ведьма, все ее боялись, пока пещеру не затопило. Ведьма захлебнулась в своей постели грязной талой водой. И еще десятки необычных дел и смертей помнили те места, но мы, читатель, вернемся к иве.

В один из первых весенних дней, там, в самом сердце кроны дерева, похожего на колышущийся зеленый водопад, из воздуха соткалась призрачная фигурка мальчика не старше двенадцати лет.

Он внимательно рассмотрел свои руки и смутное отражение в бегущей воде и удивленно пожал плечами. Призрак привык к тому, что его форма меняется, но ребенком еще не бывал. Он недолго удивлялся этому преобразению: какая разница кем, главное быть.

Мальчик выбрал ветку потолще, сел и стал страдать. Когда долго живешь в невыносимом положении и выхода из него нет, черная меланхолия становится твоим верным спутником и соседом.

Таким Алиса впервые его встретила.

Ей только исполнилось двенадцать. Да, эта история начинается с детской дружбы, но терпение, читатель, — эти дети быстро повзрослеют.

Алиса увидела у реки незнакомого мальчика и решила, что он плачет. Она остановилась посреди дороги и не заметила, что ее резиновые сапоги жизнерадостного болотного цвета утонули в грязи.

Долго Алиса не рассуждала, все ведь ясно — нужно прийти на помощь!

С энтузиазмом разрывной бомбы она ворвалась в мрачные думы призрака и умудрилась напугать его внезапным появлением. Он вздрогнул от неожиданности, чего с ним давным-давно не случалось. Как глупо пугаться, когда сам — привидение!

— Ты разве не знаешь, что мальчики не плачут? — строго спросила незнакомая, взъерошенная, как воробей девочка. В воздухе висела мокрая мелкая морось, отчего ее темные волосы кудрявились и пушились.

Призрак так растерялся, что почти нагрубил в ответ:

— Глупость какая! Ничего я не плачу.

Алиса изучила его лицо и согласилась:

— И правда, не плачешь. — и выставила обвиняющий палец, едва не коснувшись кончика его носа, — Но ты был к этому близок, если бы не я, ты бы заплакал!

До призрака, наконец, дошло: случилось чудо — девочка его видит!

Нелегко быть призраком в мире живых. Приходится вечность терпеть, что тебя никто не замечает, хоть голышом на обеденном столе пляши, распевая похабные песни. Но и это развлекает лишь до первого приступа одиночества. Вот почему он очень обрадовался неожиданной собеседнице.

— Может заплакал бы, а может и нет. Когда никто не видит, и мальчику можно поплакать. Когда тебя никто не видит, неважно, кто ты такой, — ответил он и спросил:

— Как тебя зовут?

— Я — Алиса. А ты?

Призрак решил, что той единственной, кто может его видеть, нужно отвечать только правду и ответил честно:

— Я не помню.

— Как так? Разве можно забыть свое имя? Тебя ведь мама с папой наверняка как-то зовут?

— Некому меня звать, — ответил он и добавил, — Я ведь не по-настоящему здесь.

Алиса посмотрела на него недоверчиво, и тот, кто казался мальчиком, протянул ей руку:

— А ты попробуй, коснись.

Она была храброй и не испугалась, даже не вскрикнула, когда ее пальцы прошли сквозь его ладонь. Ее зеленые глаза загорелись любопытством:

— А ты что-нибудь чувствуешь?

— Как будто ветер.

— А почему ты не проваливался сквозь иву?

Он пожал плечами. О таких вещах ему как-то и не приходилось задумываться.

— Наверное, потому что она стоит на земле. Через нее-то я тоже не проваливаюсь.

— А через стены ты умеешь проходить?

— Нет... — он подавил улыбку, начиная чувствовать себя призраком-самозванцем. Вон даже через стену пройти не может, неудачник. — Но если открыта дверь или окно, я могу просочиться и в маленькую щелочку.

— Ты не расстраивайся, — ободрила его девочка. — Я вон тоже через стены не прохожу, и ничего, не грущу! А где ты, если не здесь?

По лицу призрака пробежала тень. "То место" имело над ним огромную власть. Одно воспоминание о нем могло затянуть его обратно, под замок, вот почему он скомкал описание в одно предложение:

— Там, откуда нельзя уйти. Но иногда у меня получается сбежать — не целиком, так хотя бы привидением.

— Ты в тюрьме! — глаза Алисы округлились от восхищения. Этим заявлением он раз и навсегда завоевал место в ее сердце.

— Значит, ты преступник! Не бойся, я тебя никому не выдам! — гордо заявила она, — Я — могила! Послушай, раз ты не помнишь своего имени, могу я придумать тебе имя?

Призрак кивнул. Девочка размышляла недолго:

— Ты будешь Джентльмен.

— Это почему? — искренне удивился он.

— Ты похож на картинку в книжке, — она указала на его жилетку и брюки, — Будешь Джентльменом. Не Васей же тебя называть, это недостойное имя для сбежавшего преступника!

Он признал, что Вася, конечно, хорошее имя, но совсем не то что нужно.

— Ты придешь завтра? — спросила она, поправляя свою сумку, — Если тетя узнает, что я прогуляла музыку, она мне голову открутит.

— Не знаю. Я не смогу убежать каждый день. Давай сделаем так — если я смогу прийти, я буду ждать тебя тут. Ты часто ходишь мимо?

— Эта дорога ведет к моему дому, — Алиса махнула рукой на широкую полосу грязюки, кое-где присыпанной гравием, — и я хожу здесь каждый день, иногда и по два-три раза. Договорились! До встречи, Джентльмен!

Алиса помахала ему и побежала прочь. Она все делала стремительно, порывом, похожая на лихой ветер больше, чем на живую девочку.

Призрак смотрел ей вслед. В его бесплотной груди шевельнулась надежда: может, теперь что-то изменится. Ведь она дала ему имя. А с новым именем приходит новая судьба.

***

Как долго может продлиться дружба бойкой девочки и печального призрака? Правильный ответ — вечность. Эти двое были неразлучны. Между встречами Алиса нетерпеливо подгоняла время, под любыми предлогами ходила мимо ивы, высматривая Джентльмена, десятками придумывала приключения, в какие можно было бы ввязаться с новым другом. А когда он приходил, она заполняла эти часы под завязку, стараясь заставить их течь помедленней, ведь столько хотелось успеть сделать и рассказать.

Джентльмен и надеяться не смел, что после всего, что он натворил со своей жизнью, у него будет такой друг, как Алиса. С ней все казалось по плечу. Сколько можно было бы избежать, встретить он ее раньше! Но все сложилось именно так, как сложилось и бессмысленно рассуждать о том прошлом, которое уже не случилось.

Летом они носились по городку и окрестным скалам и лесам, а с наступлением холодов и ранней темноты, перебирались в квартиру, где Алиса жила вместе с тетей.

Все немногочисленные метры этой двухкомнатной берлоги на пятом этаже, под самым чердаком, были завалены хламом. Для прохода оставались узкие дорожки между завалами, которые придавали жилью сходство с заколдованным лабиринтом.

Алисин дядя увлекался электрикой. Его необыкновенные и неприменимые в практической жизни изобретения занимали уйму места на столах и полках, вперемешку с книгами и журналами, каковых тут были сотни, старыми Алисиными игрушками и рисунками тети — она была художницей. Даже в туалете можно было отыскать какие-то инструменты и лампочки с припаянными к ним разноцветными проводами, похожие на каких-то диковинных насекомых.

Порядок царил только в одном месте — на полке с фотографиями, с которой еженедельно по пятницам бережно стирали пыль.

На самой старой карточке, в центр композиции была помещена маленькая сердитая девочка в голубых ползунках. Причина ее недовольства крылась в том, что в ползунки ее нарядили против воли.

В то время как все подростки в их городке носили джинсы разной степени узкости, Алиса наотрезотказывалась от любых штанов, предпочитая самую страшную и колючую

шерстяную юбку самым распрекрасным джинсам. «Девочки одеваются в платья, мальчики в брюки — что в этом непонятного?» — вопрошала она. «И как принц узнает, что я принцесса, если я буду, как мальчишка в брюках?!». Поэтому Алиса носила платья. Точка.

Алису держала на руках девушка, такая же темноволосая, как и дочь, смотрела на нее с широкой, счастливой улыбкой, словно она — центр и величайшее чудо Вселенной.

Противоположное впечатление производил третий. Его почти не было видно, половина фото утопала в тени. Его рука покоилась на плече девушки. Этот жест предостерегал. В очень светлых жутковатых глазах, направленных на молодую мать, читалась тревога.

Это было единственное фото с ним. На двух следующих карточках девушка все еще была счастливой, но все больше бледнела и худела. Потом ее место рядом с Алисой заняла белокурая женщина с растерянной улыбкой — ее тетя.

Отец Алисы жил напротив ее пятиэтажки в большом доме из потемневших от времени бревен. Дом выглядел нежилым, окна всегда оставались темными. Он почти никогда не покидал его.

Алиса говорила про отца охотно, не испытывая отторжения. Он редко общался с дочерью, она плохо его знала, но и это не мешало ей его любить.

Первая, случайная встреча с ним напомнила Джентльмену "то место". Мальчик готов был поклясться, что между отцом Алисы и "тюремщиками", было много общего.

Они с Алисой играли в монополию на лавочке рядом с ее домом. Джентльмен как раз продумывал стратегию — дать ли взятку или пересидеть пару ходов в тюрьме.

Алиса подняла голову и радостно замахала кому-то с таким энтузиазмом, что скамейка зашаталась.

— Это папа, — сказала она, — привет, папа!

Джентльмен ощутил холодок между лопатками, и одно это было удивительно, ведь, будучи призраком, чувствовал он мало. Он медленно обернулся и увидел кого-то на крыльце дома через дорогу. Разглядеть человека, как следует не получалось — на том крыльце было сумрачно, будто на дворе ноябрь, а не середина лета.

Силуэт поднял руку и сдержанно помахал в ответ дочери.

Призрака окатила волна холода. Он почувствовал: существо на крыльце — не человек и оно прекрасно знает: он только притворяется мальчиком. Существо знало кто он такой, на самом деле.

Это длилось всего мгновение. Потом силуэт отступил в темноту, а Алиса сказала, ужасно довольная:

— Ты ему понравился.

Мальчик повел плечами, совсем как живой, пытаясь избавиться от неприятных ощущений. Казалось, будто бы на него по-прежнему смотрят и этот взгляд как раздражающая щекотка, поднимающая армии мурашек.

— Почему ты так решила?

— Если бы ты ему не понравился, он бы велел тебе уходить, — сказала она. — Ага, сейчас я выкуплю у тебя эту гостиницу!

— Не дели шкуру неубитого медведя! — ответил Джентльмен, возвращаясь к игре.

Во второй раз отец Алисы фигурировал в том случае с рекой.

Появившись в тот день под ивой, Джентльмен увидел длинную веревку, дохлым червем свисающую с верхней ветки. В первую минуту он решил, что ее привязал какой-то излишне романтичный самоубийца. Вероятно, бедолага решил, что его тело будет хорошо смотреться,

болтаясь в петле над рекой. Но оказалось, что это новая придумка Алисы, которую ей не терпелось испытать.

— Привет! Вовремя ты пришел! — сказала она, появляясь откуда-то сбоку, — Гляди какая классная тарзанка получилась! Вжух, и на том берегу.

Джентльмен посмотрел на реку, которая вовсе не выглядела безопасной и спокойной. Здесь было самое узкое место и поток несся с такой скоростью, что тот, кто присел бы тут с целью подождать труп врага, запросто мог бы его пропустить, разок моргнув.

— Уверена что это хорошая идея?

— Совсем невесело быть таким трусишкой! — сказала Алиса, — Ну давай попробуем!

Она разбежалась и птицей пролетела над рекой, прочертив по воде длинную полосу кончиком ботинка.

— Ух ты! — крикнула она с другого берега, — Здорово! Давай, попробуй!

Джентльмен попытался ухватить палку, но его ладони поймали только воздух. Он развел руками.

— Не получается? Я надеялась ты сможешь за нее взяться, она ведь к иве привязана, — огорчилась Алиса.

— Зато я умею по-другому, — сказал Джентльмен и вошел в воду.

Дышать призракам нет никакой нужды, поэтому идя пешком по дну реки, он не испытывал неудобств, только разок чуть не споткнулся обо что-то, похожее на цепь.

Если он был живым, течение закрутило бы его, швырнуло об острые корни ивы, торчащие подобно щупальцам неведомого монстра и унесло бы так далеко как угодно дикой стихии. Джентльмен чувствовал жадную силу реки, она не имела над ним власти, но следила равнодушно и пристально, как хищная рыба.

Джентльмен поспешно выбрался на берег к Алисе.

— И совсем не мокрый. Здорово, мне бы так уметь! — восхитилась она.

— Должно же находиться что-то хорошее в том, чтобы быть привидением.

— И то верно. Ну что, еще раз? — длинной веткой Алиса подцепила тарзанку и притянула ее к себе. Джентльмен почувствовал тревогу, будто смерть дохнула в затылок, предупреждая о своем приближении.

— Мне кажется это плохая идея. — сказал он.

— Ну надо же мне как-то попасть обратно, а до моста идти и идти! — возразила она, — Да ничего страшного, смотри!

Он не успел ее остановить: Алиса полетела на другой берег. Ее ноги почти коснулись земли, когда узел решил что самое время ему развязаться.

Девочка не успела даже крикнуть, и камнем упала в центр бурлящего потока.

Джентльмен бросился к ней со всей быстротой на какую был способен, он протянул к Алисе обе руки и ему удалось бы схватить ее и вытащить, будь он живым. Но ее пальцы прошли сквозь его прозрачные ладони, как и всегда, когда она пыталась к нему прикоснуться. Он не мог удержать ее ни на секунду.

Мальчика сковал ужас. Алиса захлебывалась, не могла даже крикнуть, а он не смог бы позвать на помощь — его никто, кроме Алисы, не видел.

И что же ему суждено смотреть, как его единственный друг умирает? "Ну уж нет. Не в этот раз!" — решил Джентльмен и исчез.

Течение швыряло Алису из стороны в сторону, играя с ней, как сытый зверь с беспомощной добычей. Бурлящие волны не давали ни вдохнуть, ни схватиться за что-то и

удержаться на плаву. Она барахталась изо всех сил, не понимая уже, где верх, где низ, борясь за каждый крохотный глоток воздуха. Глаза ослепли, залитые мутной водой, легкие разрывались от жгучей боли, руки и ноги быстро замерзли в ледяной воде, наливаясь свинцом, отказываясь повиноваться. Разум мутился, в глазах темнело.

Алиса тонула.

"Вот бы стать призраком" — подумала она, — "Призраком, как Джентльмен. Нельзя оставлять его одного". Ей показалось что ее тело уже коснулось дна, когда кто-то схватил ее за шиворот и потянул вверх.

Алиса ударилась боком о твердую землю, ледяной ветер обжег лицо. Она закашлялась, изо рта полился целый водопад грязной воды, но наконец-то она могла дышать! Кто-то похлопал ее по спине. Ладонь была горячей, как утюг и Алиса сразу догадалась кто ее спас. Она подняла голову и посмотрела в неподвижные, жуткие глаза.

— Папа! — выдохнула она и снова закашлялась.

— Погоди говорить. Нужно чтобы вся вода вышла, — ответил он. Его голос шелестел, как ветер в ветвях ивы.

Наконец вода внутри Алисы кончилась. Она все еще кашляла, горло саднило, но как же хорошо снова было дышать!

— Как ты так быстро тут оказался? — спросила она. До дома отца отсюда было минут пятнадцать даже очень быстрым шагом.

— Прилетел, — коротко ответил он, снял пальто и укутал дочь, что было очень кстати: ее колотило от озноба, а папино пальто было горячим, как с батареи.

— А как ты узнал, что со мной беда?

— Твой друг мне сказал, — он взял Алису на руки, и она не стала протестовать, что дескать уже совсем взрослая. Она чувствовала что без посторонней помощи сейчас и шагу не сделает. Река забрала у нее все силы, до донца.

— А где же он теперь? — Алиса огляделась по сторонам, но Джентльмена нигде не было. Папа только пожал плечами и понес ее к дому.

Теперь мы можем как следует рассмотреть того, кто до сих пор оставался в тени:

Внешне он мало чем отличался от человека. Высокий, с крупными руками. Кожа серая, гладкая, как у мраморной статуи и такое же как у каменных истуканов неподвижное лицо. В том, как он двигался видна была мягкая грация хищника, и он был, несомненно очень красивым — но излучал что-то, что сильнее пугало, чем притягивало. Так красив смерч, так красив пожар, смертоносная волна цунами.

Но Алиса ничуть не боялась. Она любила папу, но знала что они слишком разные, чтобы жить вместе — один из них неминуемо начал бы тянуть силу другого. А учитывая возраст и мощь отца, можно и не сомневаться, у кого больше шансов выйти из такого соседства живым.

Потому Алиса жила с тетей, и виделась с отцом редко.

— Это я сама упала, Джентльмен не виноват, — сказала она, — он пытался меня остановить, но я не слушала.

— Я знаю, — он поставил дочь на землю и присел, чтобы их глаза были на одном уровне.

— "Играя с призраками, знай — однажды тебе придется к ним присоединиться". Помнишь кто это сказал?

— Мама.

— Хорошо запомни эти слова, Алиса. Я этого хочу.

Он произнес имя дочери, как будто оно причиняло ему боль. Алиса тоже почувствовала это, вспомнив маму. Они помолчали, думая о той, кто ушла.

— Но ты не запретишь мне дружить с ним? — переспросила Алиса на всякий случай.

— Нет, запрещать я тебе ничего не стану. Пойдем.

Встретив на пороге вдовца сестры тетя вздрогнула, будто за шиворот ей бросили кубик льда. Она потянулась к крестику на груди, потом увидела насквозь мокрую Алису, всплеснула руками и полностью переключилась на нее.

Никто и не заметил, как отец девочки ушел, позволяя другим заботиться о своем ребенке.

К вечеру у Алисы поднялась температура. Ее упрятали под гору одеял, с горчичником на груди, а перед тем долго растирали и поили всякой гадостью. Наконец ее оставили в покое. Алиса ужасно беспокоилась за Джентльмена, которого не видела еще с реки. Он наверняка переживает. Хоть бы он не успел еще исчезнуть туда, откуда сложно сбежать, хоть бы она успела сказать ему что с ней все хорошо!

Она прождала целую вечность. Он пришел, когда она уже почти уснула: просочился в щель приоткрытого окна — даже больного ребенка никто бы не рискнул запирать в душной комнате безо всякого доступа кислорода. Проще еще одно одеяло накинуть.

Заметив краем глаза знакомую тень, девочка так обрадовалась, что почти закричала:

— Ты пришел! Какой ты молодец, что пришел!

Она решила, что Джентльмена задержали обстоятельства, но на самом деле он все это время был где-то рядом. Подойти к Алисе ему мешал стыд.

По его поникшим плечам, понуро опущенной голове и по тому как он старательно прятал взгляд, Алиса догадалась что что-то не так.

— Как ты? — спросил он деревянным голосом.

— Да я отлично! Не обращай внимания на весь этот кокон, ты же знаешь, взрослые вечно раздувают из мухи слона. Ты почему такой грустный? Прости я не хотела тебя пугать своей выходкой!

— Ты ведь не виновата. Я очень рад, что ты в порядке.

Он замолчал, глядя в пол.

— Но ты не все сказал, — догадалась девочка.

Он пожал плечами.

— Но все же хорошо кончилось, — огорчилась Алиса, — ну хочешь, я пообещаю, что больше никогда не буду с тарзанки прыгать? Я ведь почти не испугалась, папа меня сразу спас.

— А я не смог тебя спасти, — глухо сказал Джентльмен.

— Ты потому грустный. — догадалась Алиса, — это не страшно, ты же не виноват, что не мог...

— Но я мог! — перебил ее Джентльмен. Он нахмурился и сжал кулаки, но девочка поняла, что его ярость направлена не на нее. Джентльмен злился на себя.

— Помнишь, я говорил что на самом деле я не здесь и сбегаю из другого места чтобы быть с тобой?

Алиса кивнула.

— Я мог тебя спасти, но тогда мой побег бы заметили... и после этого я бы уже не смог к тебе вернуться.

— Никогда-никогда? — испугалась Алиса.

— Никогда-никогда.

— Тогда ты все правильно сделал. Умереть плохо...но никогда больше тебя не увидеть

— намного хуже. Хорошо, что не пришлось выбирать.

Она пожала плечами стряхивая заглянувшее к ним похоронное настроение:

— Ну, хватит дуться! Все кончилось хорошо, хуже было бы если бы тебе пришлось исчезнуть, ты ведь мой лучший друг!

Он улыбнулся:

— А ты — мой. Как же тут исчезать, тебя страшно одну оставить, вдруг еще в какую переделку попадешь!

— Ну уж нет! Теперь я буду очень очень беречься. И тебе не придется меня спасать. Договорились?

— Договорились.

Алисе удавалось держать слово и избегать смертельной опасности еще четыре года. В том, что это обещание было нарушено, не было ее вины.

Глава 2: Не уходи

Алиса решила сбежать.

А все потому, что в тот самый день одной из ее подруг — насколько могут быть подруги у девочки поглощенной дружбой с приведением, — исполнялось восемнадцать. Чтобы отметить эту знаменательную дату, виновница торжества позвала подружек отпраздновать в огромной дядиной квартире. Добровольно ли упомянутый дядя согласился организовать на своей территории шабаш, или же на него оказали давление — истории неизвестно. Располагались трофейные хоромы в городе в трехстах километрах от их родного поселения. За день до этого, компания девочек, шумная и веселая ровно настолько, насколько могут быть шумными и веселыми, опьяневшие от духа свободы подростки, погрузилась в поезд и к утру они были на месте.

Проведя в обществе нормальных живых людей вечер и ночь и еще большую часть дня, Алиса почувствовала себя смертельно уставшей от нормального безоблачного веселья. Вот почему она так обрадовалась, почувствовав, что Джентльмен где-то рядом, и воспользовалась первым же шансом чтобы поговорить с ним наедине.

Чувствуя себя шпионом из популярных фильмов, она, никем не замеченная, выскользнула из квартиры и вышла во двор.

Пейзаж был довольно безрадостен: живописная конструкция детской площадки, когда-то яркой, а теперь с облупившейся хлопьями краской, вполне сошла бы декорацией для какого-нибудь постапокалипсиса; добавляли колорита и болотистые весенние лужи и сугробы, похожие на клочки грязной пены, застрявшей в сливе раковины. Начало весны как переходный возраст: невинная белизна сугробов уже пропала, а настоящее тепло еще не наступило, зато в воздухе щедро разлита надежда, ведь какой бы весна ни была, все равно, в конце концов, наступит лето.

Пока до этого было далеко: по ночам морозило, да и днем дул ледяной ветер. Алиса спрятала руки подмышки и запахла короткую курточку. Ее друг-призрак был близко. За шесть лет их дружбы, она научилась безошибочно угадывать его присутствие. Рядом с ним её накрывало особенное настроение: делалось спокойно и радостно, как будто она становилась целой.

— Ну, выходи! Я знаю что ты где-то здесь. — сказала она пустому двору.

— Какая пронизательность, — довольно улыбаясь, мальчик шагнул ей навстречу из тени. Ему было приятно, что Алиса его почувствовала.

— Не далеко ли ты забралась от дома? — спросил он.

— Не так далеко как могла бы. Всю жизнь сидеть в одной и той же дыре — ну уж нет. Мое путешествие только начинается! — заявила Алиса, присела на наименее ржавое и грязное сиденье старой карусели и добавила:

— Это все здорово, праздник, девочки, я рада, что поехала, но мне подлогу с ними почему-то не по себе делается... хоть и нехорошо так говорить. Потому и сбежала, веришь?

— Что я тебя не знаю? Я так и догадался, что ты воспользовалась хорошим шансом вырваться из города. И как тебе поездка?

— Кажется я влюбилась в поезда, — сказала мечтательно Алиса, наклонив голову так, что будь Джентльмен материальным, она бы коснулась его плеча. — Все это ожидание, вот-вот еще немного и ты отправишься в какое-то неизведанное и несомненно прекрасное

далеко. Прекрасно оно уже потому что "там" будет как угодно — но точно не как "здесь". А ты любишь поезда?

— Я люблю дорогу, — ответил он, — сам процесс, когда ты едешь и едешь... и хоть бы на самом деле не приехать никуда и никогда.

— Хочешь как Одиссей?

— Как Одиссей, как Агасфер или даже Снусмумрик. Жизнь, даже жизнь призрака, это путешествие, значит надо путешествовать как можно больше!

— А меня с собой возьмешь?

— Конечно. Для тебя это все и говорится.

Алиса лукаво посмотрела на Джентльмена из-под челки:

— А у меня есть кое-что для тебя. Но сначала ты ответишь на один вопрос!

— Хоть на три.

Она вдруг разволновалась, отвела глаза, слегка покраснела и принялась разглаживать юбку. За прошедшие годы Алиса не изменила своей привычке носить платья. Сегодня на ней был нарядный белый сарафан в крупных маках.

— Ты ведь на самом деле не так выглядишь? Ты немножко притворяешься, да?

Еще несколько лет назад этот вопрос напугал бы Джентльмена до икоты. Он бы наверняка постарался сменить тему или вовсе не отвечать. Но те дни прошли, Алиса выросла, и он, признаться, даже ждал этого разговора. Сколько можно в самом деле притворяться мальчишкой-подростком?

— А как ты догадалась? — полюбопытствовал. Надо же знать, в чем прокололся.

— Ты разный, — она взглянула на него из-под челки, — Даже за какой-то час в твоей внешности может что-то измениться. То совсем мальчик, а потом как будто на несколько лет старше. То цепочку к жилету приделаешь, то волосы у тебя то короче, то длиннее, как будто ты забыл как было и по памяти восстановил. Плохо притворяешься! Упускаешь детали!

— Хорошо, Шерлок, ты меня поймала. Хочешь увидеть, как я на самом деле выгляжу? А не боишься? Вдруг я серо-буро-малиновый одноглазый монстр с щупальцами?

Алиса притворно вздохнула:

— Что ж, придется любить тебя со всеми твоими щупальцами и глазом. Ну давай. Пока я храбрая.

Джентльмен пожал плечами и спрыгнул с карусели.

— Помни! Ты сама этого захотела, — мальчик подмигнул Алисе, спрыгнул с карусели и бежал в открытую дверь подъезда.

Алиса привстала. Куда это он собрался? Она услышала как за ее спиной скрипнули старые качели и обернулась, решив, что это кто-то из прохожих.

Рядом качелями действительно стоял высокий незнакомец. Вернее, глаза-то говорили Алисе что она видит его впервые, а сердце, напротив, забилося быстрее от узнавания.

— Ой, — оторопела Алиса. По правде сказать она сама не знала чего ждать от его превращения, но не думала что Джентльмен окажется высоким красавцем.

— Что, страшный? Могу все обратно вернуть.

— Нет! — Алиса почувствовала как щеки заливают румянец, — Ты такой взрослый...

— Могу и за это извиниться. — он подшучивал, но Алиса его раскусила: он был смущен не меньше ее. Алиса даже немножко рассердилась на свою неуверенность. В конце концов это был ее друг, которого она знала как облупленного, нашла кого стесняться!

Она подошла поближе. Это было его лицо и те же бесшабашные глаза и добрая улыбка, которую она хорошо знала.

— Ты всегда был таким взрослым? — спросила она. — на сколько же ты старше меня?

— Я же призрак. А мы, милая моя, не стареем. Значит я тебя древней лет на сто по меньшей мере. — гордо заявил он.

Она тряхнула головой и рассмеялась.

— А я-то готовилась к тому что ты окажешься монстром или разлагающимся трупом, а ты такой...

— Старый? — подсказал он.

— Красивый. — ответила Алиса и залилась румянцем. Хорошо что вовремя вспомнила зачем все это затеяла: — Раз уж ты повзрослел, самое время поздравить тебя с днем рождения.

Джентльмен удивленно посмотрел на нее. Память таких призраков как он, дырявая штука. Он не помнил как его звали до того как он стал призраком и дата рождения так же осталась для него за завесой небытия, а значит он точно не мог назвать ее Алисе.

— В этот же день, шесть лет назад я дала тебе новое имя. — пояснила она.

— Я хорошо помню этот день, — Джентльмен тепло улыбнулся.

— И по этому поводу у меня для тебя подарок.

Алиса достала из кармана перевязанную атласной лентой коробочку. Призрак с любопытством смотрел как она разворачивает для него подарок — сам он не смог бы его коснуться.

Внутри лежал синий галстук-бабочка. Джентльмен протянул к ней бесплотные пальцы, почти касаясь неощутимой для него гладкой ткани.

— Очень красивая. Так жаль, что я не смогу ее надеть.

— Хорошо, что я обдумала это заранее, — спокойно ответила Алиса, — Слушай мой великий план: раз ты можешь менять внешность, ты можешь представить что уже надел ее.

Джентльмен немного сосредоточился, и у него на шее почти сразу появилась точная копия подарка.

— Вот видишь! Я же говорила, что сработает! — сказала Алиса, ужасно довольная, что все получилось.

— Ты умна не по годам. Спасибо. — сказал Джентльмен. Как описать чувство полного доверия к человеку? Когда ты для другого, как открытая книга для самого внимательного читателя? Джентльмен, сколь бы "древним" призраком он ни был, не знал, как описать это чувство. К счастью, этого и не требовалось: Алиса понимала его без слов.

— Мне восемнадцать исполнится через полгода, — вдруг сказала она, глядя на окна наверху, где остались подружки. — А сколько тебе было, когда ты... стал призраком?

— Не помню, — ответил он. — Наверное чуть больше двадцати.

Алиса помолчала все еще не глядя на него.

— Если бы ты был человеком, Джентльмен, я бы сейчас взяла тебя за руку.

— А я бы тебя не отпустил, — с грустью ответил он.

Она посмотрела на него и в ее глазах он увидел точное отражение своих собственных сожалений.

Их дружба умерла в тот день. Тогда же, дружбе на смену, родилось иное чувство, куда более жестокое.

— Глупо. Праздник, а мы сидим, грустим, — пробормотала Алиса.

— Тогда иди и развеселись. Подружки тебя ждут, — Джентльмен улынулся легко, будто и не было печали. Ради Алисы, он спрятал свою тоску поглубже. Зачем расстраивать ее, если изменить что-то — невозможно?

— А как же ты?

— А я за тобой присмотрю. Чтобы я и пропустил как ты в первый раз будешь плясать на столе?

— Я не буду! — немедленно заявила она.

— Это ты сейчас говоришь!

— Нет, — она рассмеялась и вскочила. — Вот увидишь, я стану веселиться прилично. А ты придешь поболтать вечером?

— Если у тебя будут силы. В чем я сомневаюсь, танцы — энергозатратное занятие.

— Ничего не будет! — расхохоталась Алиса, уже исчезая в подъезде.

— Спасибо за подарок! — крикнул он вслед.

Если бы он был человеком...

Если бы Алиса не была живой...

***

Алиса проснулась, почувствовав сильный запах гари. Сквозь приоткрытую дверь в коридоре тревожно сияли оранжевые сполохи. Алиса вскочила с дивана выглянула в коридор и увидела что все вокруг превратилось в пылающий ад.

Горели обои, горели засушенные цветы в вазах, плача лаковыми слезами горела мебель.

Путь к выходу был перекрыт, там пламя горело ярко, не оставляя и крошечной лазейки. В лицо бил жар, грозя поджечь ресницы и волосы и Алиса шагнула обратно в комнату. Мысли в тяжелой от недостатка кислорода голове заметались со скоростью молнии. Может вылезти в окно, найти какой-нибудь карниз?

И где же девочки?

— Алиса, сюда! — услышала она голос, который узнала бы из тысячи, звук которого сразу успокоил ее, как лошадиная доза снотворного.

— Джентльмен! — воскликнула она. Ее переполнила горячая благодарность. Он был призраком, ненадежным, как ветер, он сам никогда не знал, когда он появится, а когда исчезнет, и все же, она была в опасности, и он не подвел ее. Он был рядом.

— Здесь можно еще пройти! — поторопил он.

И Алиса, которая всю жизнь боялась ожогов и ни за что не могла бы заставить себя подойти близко к горящему костру, последовала за ним в огненную преисподнюю. Ей приходилось низко пригибаться чтобы дышать — наверху воздух был невыносимо горяч. Алиса закрывала то нос то глаза, пытаясь защитить их от ожогов.

Джентльмен быстро шел сквозь огонь и пламя, и они не причиняли ему никакого вреда, в отличие от Алисы. Совсем рядом с ней, от жара с грохотом распахнулись, как жадная пасть, дверцы шкафа, осыпав ее искрами. Алиса вскрикнула, огненные брызги прожгли ее ночнушку в нескольких местах и оставили ожоги на руках, но она не остановилась, упрямо продолжая идти вперед, за Джентльменом. Когда он остановился Алиса увидела, что они стоят напротив балкона. Не похоже на выход!

— Тупик?

Джентльмен покачал головой:

— Балкон проходной, через него ты попадешь в соседнюю квартиру.

Почувствовав надежду, Алиса распахнула дверь. От притока кислорода огонь за спиной

заревел и разгорелся ярче, потянулся к девочке сотней жгучих языков, но Алиса этого уже не видела — она побежала по длинному балкону, с ходу перелезла через перегородку и ворвалась на чужую территорию. Здесь дверь была закрыта изнутри. Алиса огляделась, увидела старый тяжеленный автомобильный аккумулятор. Адреналин придал ей сил и она с размаху впечатала свой снаряд в стекло. С жалобным звоном, окно разбилось, осыпав ковер дождем осколков.

Взломщица поневоле просунула руку внутрь, открыла замок и очутилась в гостиной зеркально отражающей комнату из которой она только что выбралась. Алиса смущенно прикидывала как в двух словах объяснить жителям квартиры зачем она вломилась, но быстро поняла, что объяснять ничего не понадобится: пожар был уже здесь, судя по запаху дыма.

— Куда дальше?

— Выход перекрыт, — ответил Джентльмен, — И пожар уже на лестничной клетке, но я нашел безопасное место.

Маленькая темная кладовая была оснащена железной дверью, которая не пустила бы внутрь огонь, вот только у убежища был и недостаток — сквозь щель между дверью и полом быстро просачивался дым. Джентльмену это не понравилось.

— Тут скоро будет нечем дышать, — Алиса тоже это поняла.

— Подожди здесь. И ничего не бойся. — голос Джентльмена звучал уверенно и Алиса безоговорочно ему поверила.

Хотел бы он в самом деле чувствовать такую уверенность.

Он исчез и появился на крыльце, за много километров отсюда.

Он ничуть не изменился за годы, этот мрачный дом, где всегда было темно, и даже в самое жаркое лето на крыльце царил холод. Четыре года прошло с тех пор как Джентльмен переступил порог этого дома по схожей причине.

— Алиса в беде! — сказал он.

Дверь распахнулась. Из крошечной темноты отделилась высокая крупная тень со светящимися белесыми зрачками. Джентльмен быстро заговорил:

— В доме пожар, Алиса укрывшись в кладовой, но если ее не вытащить, она задохнется.

Существо подняло голову и посмотрело на ясное звездное небо. Ночь была темной и безлунной.

— Далеко. Мне понадобится не меньше десяти минут.

— У нее может их и не быть.

Белые глаза сверкнули яростно и зло. Он не терпел оправданий.

— Сделай так, чтобы были!

Джентльмен вернулся к Алисе. Пока его не было, она отыскала бутылку с водой, намочила подол ночнушки и старалась дышать через нее, но эта немудреная хитрость уже не спасала. Маленькая комната наполовину заполнилась дымом.

— Скоро здесь будет твой отец, — сказал Джентльмен. Собственная беспомощность его бесила. Он ничего не мог, даже обнять ее, ободрить ласковым прикосновением. — Держись.

Она кивнула и закашлялась. Дым валил все быстрее и Джентльмену стало ясно — совсем скоро Алиса задохнется.

Тогда в его голову пробралась темная, но восхитительная мысль: Алиса умрет, если будет дышать, а что если ей не придется?

У него родился план, жуткий и чудовищно рискованный. Только поэтому он решил

сперва подождать, ее отец должен успеть.

Алиса прошептала:

— Не уходи.

— Ни за что.

Прошло три минуты. Четыре. Алиса задыхалась. Джентльмен, считал каждый хриплый вдох, видел как постепенно тускнеет свет в ее глазах. Был бы человеком — сошел бы с ума, глядя как смысл всей его жизни затухает у него на глазах. Но он был привидением и знал о смерти побольше живого.

Алиса почти потеряла сознание.

Джентльмен исчез и оказался высоко в небе, под самыми звездами. Ее отец, обратившись в рваный клочок черного дыма, летел со скоростью истребителя, но все еще был далеко.

— Она не выдержит. — сказал Джентльмен, — Но я могу ее спасти.

— Что бы ты не задумал, даже не пытайся...

Джентльмен не дослушал. У Алисы не было времени на споры.

Он возник в задымленной каморке и понял что теперь у него действительно нет другого выхода. Алиса едва дышала, уронив голову на грудь.

— Алиса! Алиса, проснись! — ласково позвал он.

Она открыла тяжелые веки. В горле все горело.

— Ты мне веришь? — спросил Джентльмен.

— Больше чем себе, — не задумываясь ответила она едва слышным хриплым шепотом.

— Тогда дай руку.

— Но я же не смогу...

— Просто поверь мне.

И случилось чудо — она смогла коснуться его, смогла ощутить тепло его ладони. Алиса встала и как будто сбросила с плеч тяжелую шубу, ее тело стало легким и невесомым.

Сразу стало легче дышать, но Алиса думала не об этом. Она протянула руки к лицу Джентльмена и оказалась в его объятьях.

— Привет, — сказала она, проводя пальцами по его губам.

— Привет, — ответил он.

Как много значит для живого человека прикосновение — Алиса любила Джентльмена и до того, как впервые смогла взять его за руку. Но в тот момент, когда она почувствовала его по-настоящему рядом, его руки на своей талии, его грудь близко к ее, его губы, целующие ее висок и радостно и целомудренно и печально, в тот момент она ощутила, что они — одно. И это было не просто прекрасно, это было правильно.

— Надо уходить, — сказал Джентльмен.

Алиса зачем-то обернулась. Увидела свое бездыханное тело, остекленевшие глаза, и почти совсем не испугалась. Рядом с Джентльменом она ничего не боялась.

— Давай уйдем, — согласилась, равнодушно отворачиваясь от себя, — Что тут еще делать?

***

Тень пронеслась через заграждение пожарных, пролетела над собравшейся толпой, раньше всех ворвалась в крохотную каморку.

Увидев дочь мертвой он низко и тоскливо зарычал. Но нет, он не сдался так просто.

Когда из густого мрака, освещенного лишь тревожными всполохами пожара, появилось

чудовище с безжалостными белесыми глазами и трупом девочки на руках, бывалые врачи скорой почувствовали, будто смерть, в лицо которой они так часто заглядывали, на этот раз пришла за ними.

— Ее время еще не закончилось, — прошептал голос монстра, — Что вы встали? Спасайте ее.

Его приказ словно повернул выключатель — врачи вспомнили, что они профессионалы, а не дети, напуганные до колик страшной сказкой. Они принялись за работу, а монстр отступил, — больше он ничего не мог сделать для дочери. Оставалось ждать.

***

Алиса и Джентльмен сидели на ветке ивы. Эта ива была совсем как дерево из их детства, но не было ни реки ни города, только молочный светящийся туман вокруг.

Алиса как ни в чем ни бывало болтала ногами, прижимаясь к Джентльмену. Ни за какие сокровища мира она бы не согласилась выпустить его.

— Теперь я тоже привидение? Я ведь умерла, правда?

— Да. Я забрал тебя. — сказал он. Живым он не был, а с ума от счастья все-таки сошел. Ничего не имело больше значения, кроме Алисы. Он был так счастлив, что с трудом соображал.

— Ты меня спас, — она положила голову ему плечо, уткнулась холодным носиком в шею, и вздохнула: всегда бы так. — И неважно как. Теперь мы вместе. Теперь я пойду за тобой куда угодно. Теперь мы сможем путешествовать, как ты и мечтал, увидеть страны и города! Бессмертные, вернее уже умершие. Разве это не прекрасно?

И только тогда Джентльмен, наконец, вспомнил, что ему некуда идти. Туда куда ведут все его дороги вести Алису нельзя ни в коем случае. Его как будто из ведра холодной водой облили, как размяукавшегося мартовского кота.

Только тогда Джентльмен догадался, что мысль спасти ее была ему навязана. Перекресток пробрался в его разум настолько, что был способен и на это.

Он почувствовал как будто хладная рука ложится на голову и давит на темя. Это был Перекресток, его тюрьма, его ад, место которое сделало его своим слугой и пленником. Это место было разумным и очень жадным. Перекресток смотрел на Алису через глаза Джентльмена и хотел ее.

Отчаяние захлестнуло было Джентльмена, но он взял себя в руки, ради Алисы. Он еще поборется, он не отдаст ее Перекрестку. Пусть с ним все кончено, пусть, но Алиса будет жить, еще есть время отпустить ее и вернуть в тело, совсем немного, но есть.

И тогда он потеряет ее навсегда, зато она не станет марионеткой и пленницей Перекрестка.

— Алиса... — какая боль прозвучала в его голосе и все равно это была даже не треть той боли, которую он испытывал.

Она сразу все поняла.

— Пожалуйста, не уходи, — прошептала побелевшими губами. — Не отпускай меня, возьми меня с собой. Мы ведь с чем угодно справимся вместе, помнишь?

— Ты не понимаешь. — с отчаянием сказал Джентльмен, отрывая от себя ее молящие руки, — Это место хуже, чем все что ты можешь представить. Оно уничтожит тебя, извратит все чем ты была. Я тебя ему не отдам.

— Нет, — прошептала она.

— Я отпускаю тебя, Алиса.

Его последние слова прозвучали как страшное, мрачное заклинание. Мир вокруг стал меняться, повеяло холодом.

— Но... Ты однажды говорил, что если спасёшь меня, то больше не вернешься... это ведь неправда? Ты вернёшься?

Туман стал чернеть, ива исчезла и они оказались одни в крошечной темноте. Перекресток торопился забрать то, что принадлежит ему.

— Прости меня. — с болью сказал Джентльмен.

— Нет! Не смей! Не бросай меня!

Его лицо покрылось глубокими чёрными трещинами и он исчез, а она, потеряв опору падала, падала во мрак.

Алису ослепил яркий белый свет. Ей в лицо светила операционная лампа, а вокруг собралась толпа хирургов. Они вернули ее к жизни.

— Нет, — хрипло прошептала она.

— Стабильно. — сказал кто-то, читая кардиограмму.

— Нет! — она сорвала дыхательную маску, и забилась в руках врачей. — верните! Верните обратно! Нет!

Ей ввели транквилизатор и мир померк.

***

В том доме целиком сгорели два этажа. Их обугленный скелет показывали в новостях. Все, кто не успел покинуть квартиры в самом начале пожара, сгорели или задохнулись в дыму. Но не Алиса.

Она ждала. Она не пыталась наложить на себя руки, как боялись врачи. Она не была дурой и знала, что это ей не поможет, но что делать дальше, не знала.

Из больницы ее забрал отец, раньше времени, но никто не посмел ему возражать. Медсестры и врачи шарахались от него, боясь даже глаза поднять.

Поезд не порадовал Алису так как в первый раз, напротив, ей казалось что из рая она попала в чистилище.

Она не плакала. Не разговаривала. Практически не шевелилась. Ей казалось что даже воздух вокруг нее болит от ее горя.

Тётя решила, что Алиса в шоке и сперва пыталась ее ободрить, развеселить, затем отступила напуганная пустотой в ее глазах и почти перестала ее беспокоить.

На четвертый день после пожара к ней в комнату пришёл отец и велел:

— Спрашивай.

Алиса спросила о единственном кто имел для нее значение:

— Он жив?

— Не меньше, чем обычно.

Она медленно выдохнула. По крайней мере, не самое худшее.

— Он вернётся?

— Нет. — короткий ответ ранил ее, как удар ножом. Алиса не удержалась, из ее глаз брызнули слезы, а ей казалось — это жизнь утекает.

— Ты собираешься всю жизнь проплакать? — холодно поинтересовался отец спустя пару минут.

— Да. Прямо как ты, — Алиса понимала, что это грубо, но ничего не могла с собой поделать. Но он нисколько не обиделся. Он хорошо знал, что она чувствует.

— Есть разница. Я не могу последовать за ней, мне остается только ждать. —

возразил, — А ты за ним можешь. Можешь его найти.

Она удивленно посмотрела на отца. Вспыхнувшая надежда была оттеснена здравым смыслом и Алиса покачала головой:

— Как? Я лишь человек. И я ничего не знаю о духах об их мире, но... ты хочешь сказать что есть способ?

— Есть. Сначала ты должна научиться видеть. Потом ты или поймешь, что делать или не поймешь и останешься навсегда одна. Плачь тогда сколько влезет, но сперва будь добра, сделай все что в твоих силах.

— Видеть?...

— Мир духов.

Алиса помрачнела.

— И как же? Я ведь не призрак.

— Ты моя дочь. Идём.

Он отвел Алису к иве. Как часто она проходила мимо этого дерева, мечтая что Джентльмен придет. Как часто она замечала его силуэт в ветвях и бежала к нему так, что в ушах шумело.

Больше он не придет.

Отец встал за ее спиной, положил ей руки на плечи и сказал:

— Не сожалей — действуй. Раз я могу, и ты сможешь. Смотри.

Сначала ничего не происходило. Затем Алиса увидела как сквозь знакомую ей реальность стало просвечивать что то ещё.

Она увидела мрачный Мир, наполненный движением. Этот мир был ущербным, темным, наполненный следами горя и тоски. Только ствол родной ей ивы, здесь был еще шире и выше, и светился благородным мягким белым свечением.

А у берега стояли мрачные мертвецы в цепях, такие же настоящие как отец за ее спиной. Алиса отшатнулась от неожиданности, и видение стало таять.

— Что это было? Кто это?

— Призраки этого места. Ты еще успеешь познакомиться с ними. Ты видела мир каким его вижу я. Сегодня я помог тебе. Но учиться ты будешь сама.

Боль никуда не делась, но теперь она не обессиливала, а гнала ее вперед, в бой.

Джентльмен мало говорил про то место, что имело над ним власть, он боялся его и тех кто его там держал. Теперь Алиса жалела что не расспросила его об этом месте больше.

— Он в беде? — спросила она.

— Мне известно только, что твой друг в плену у сил, которым людям лучше не попадаться на глаза. Теперь, когда он тебя спас, они его больше не выпустят. И будут внимательно следить за тобой, а значит, ты найдёшь его. Один раз ты от них ушла, а они такого не забывают и очень постараются заманить тебя в ловушку.

— Пускай! — Алиса почувствовала как застывшая в венах кровь снова закипает от ее решимости и азарта, — я найду их, покажу им кузькину мать и спасу Джентльмена. Вот увидишь!

И она правда в это поверила. Так началось путешествие Алисы.

Глава 3: Ведьмина наука

Охотник за привидениями — достойная профессия для девушки из хорошей семьи.

Отсутствие необходимых навыков Алису ничуть не смущало, навыки это дело наживное. Начала она с тренировок видения, правильно рассудив, что для того чтобы как-то взаимодействовать с миром духов, надо сперва научиться его видеть.

Следующим же утром Алиса пришла к иве, поздоровалась с любимым деревом и начала.

Она приступила к делу со свойственным ей энтузиазмом и азартом, но в первый день, у нее ничего не вышло. Сколько Алиса ни напрягала зрение, у нее не получалось увидеть ничего чего бы она не видела раньше. Бесплодные попытки вызвали армию сомнений. Они ободранными стервятниками кружили вокруг и повторяли: ничего не выйдет. Где это в самом деле видано, чтобы люди видели какой-то там мир духов?! Чушь, выдумка, галлюцинация. Время от времени к сомнениям присоединялась горькая тоска, дочка отчаяния. Ворочалась в груди, отдавая тупой болью, шептала: перестань, не пытайся, все кончено, имей мужество смириться. Пойдем лучше пожалеем себя, поплачем, повоем. Однажды и это пройдет.

Без помощи отца увидеть хоть что-то оказалось очень нелегко.

Папа не участвовал в ее тренировках, и Алиса вскоре поняла почему: пытаясь увидеть больше, она нечаянно обрела и большую чуткость. Она понимала теперь, что отцу нелегко оставаться в мире людей, потому что он не человек. Спасая дочь, он потратил почти все силы, какие у него остались после смерти мамы. Теперь он был беспомощен, как умирающий старик, и опасен, как черная дыра.

Подойди он к Алисе слишком близко его природа взяла бы свое и он, сам того не желая, проглотил бы всю ее жизнь за один раз, как аппетитное канапе.

Алиса пыталась одна. Не единожды она падала без сил у ивы, прижималась к шершавому стволу лбом, едва сдерживая рвущиеся наружу слезы. В такие моменты она не чувствовала себя ни сильной, ни способной спасти кого-то.

Но потом она поднималась и пыталась снова. Сама не подозревала сколько в ней, оказывается, упорства.

К середине второго дня, спустя тысячу неудач, пейзаж стал время от времени менять цвет, как неисправный телевизор. Проступали очертания теней — то ли мираж перенапряженных глаз, то ли предвестник успеха. Достижения были смешны и сомнения не отступали, но к Алисе по капле стала прибывать уверенность.

А спустя недели упорных попыток, она добилась своего. Теперь она могла призывать видение изнанки мира на целых несколько секунд: не такую яркую картинку, какую показывал ей отец, но кое-что разглядеть удавалось.

У одной ивы много не разглядишь и Алиса стала бродить по городу, чтобы отыскать призраков и спросить их: что может быть тюрьмой для привидений, и как ей найти это место.

Ее родной город не оказался популярным курортом для нечисти. Только на третий день поисков ей удалось отыскать у кладбища настоящее привидение.

Тень высокого широкоплечего мужчины в лаптях и рубахе торжественно колыхалась, глядя на ворота кладбища. К груди он прижимал мятую шапку. На появление Алисы он никак не отреагировал, как и на заявление, что она его видит. Никакого впечатления на него

не произвела и речь Алисы о ее друге, и просьбы о помощи он так же проигнорировал. Его серые прозрачные глаза неотрывно и печально смотрели на ворота кладбища, как будто он ждал чего-то. Этот взгляд напомнил Алисе взгляд отца, и она отступила ни с чем.

Та же история повторилась с двумя другими привидениями, которых ей удалось встретить. Женщина в сером пальто ушла от ее вопросов в стену соседнего дома, а призрак мальчика, так и продолжал смотреть на колодец, сунув палец в рот и не обращая на нее внимания.

В поисках следов чертовщины, Алиса облазила все самые мистические места города а затем расширила зону своих поисков пригородом и, в конце концов, вернулась к иве.

В первый раз, с отцом, она видела здесь духов, которые ее напугали. Но мертвецы в цепях появлялись не каждый день. На берег они выходили на два-три дня каждый месяц и Алиса решила, что это как-то связано с полнолунием. Она стала терпеливо дожидаться дня, когда мертвецы снова поднимутся на берег из своих каменных гробов, о которых рассказывала местная легенда. В один из дней в конце мая они вернулись.

Их было четверо. Тела их были изуродованы шрамами и страшными ранами, вместо глаз — черные выжженные дыры, но все четверо внимательно следили за Алисой, когда она подошла ближе.

Она села на землю под ивой, собрала всю храбрость в кулак, рассказала призракам свою историю и спросила:

— Вы можете мне помочь? Может, вы знаете, куда пропал Джентльмен?

Слепые повернули головы к самому высокому и уродливому из них.

— Ты знаешь, кто мы? — спросил он. Его голос шептал, как морская волна, как ледяное дуновение воздуха. Он вызывал армии мурашек.

— Я только слышала историю, что на дне реки лежат проклятые злодеи. — ответила Алиса.

Мертвецы ощерились, как стая хищных собак. Зубы у них были крупные и острые.

— Мы генералы четырех армий, которые шли здесь, чтобы уничтожить эту землю и людей, что на ней живут. Мы проиграли. Победители привязали наши души здесь, чтобы мы не могли возродиться и вернуться за тем, что принадлежит нам.

— Это жестоко, — ответила Алиса.

— Не так жестоко, как то, что мы сделаем с ними, когда вырвемся из этого плена. Может, твоего друга приковали так же как нас?

— Нет, — Алиса даже вздрогнула, представив Джентльмена, ослепленного, прикованного где-то, — Он никому не делал зла и мстить никому не собирался.

— Мы здесь со дня смерти и знаем лишь об одной участи — нашей. — сказал тот, кого Алиса про себя назвала "главарем". Мы тебе не поможем. А вот она многое знает.

— Кто она? — насторожилась Алиса.

— Та, что жила в пещере ниже по течению. Она говорила с нами как и ты. Потом она умерла, но мы чувствуем — она все еще там.

Алиса вспомнила еще одну легенду — о злой ведьме, которая утонула в собственном доме.

— Спасибо, — сказала она, поднимаясь, но духи все, как по команде покачали головой.

— Призракам ни к чему "спасибо", — прошелестели они. — За помощь принято платить.

— Можно не сегодня, — сказал один из слепцев, ласково и хитро звучал его голос, —

Тогда ты просто будешь нам должна.

— Ну уж нет. Не люблю быть должной. Что вы хотите? — спросила Алиса.

— У тебя одной два глаза, а у нас у четверых ни одного. Дай нам один свой глаз. — невинно заявил слепец.

Алиса почувствовала холодок в груди. Пожертвовать глазом за простой совет?

— Не дорого ли вы свою помощь оценили? За два слова, глазом не платят.

— Тогда дай нам его хоть ненадолго, — сказал другой, — Мы взглянем на мир разок и вернем.

Алиса посмотрела в их хитрые рожи и поняла — глаз ей не вернут. А даже если вернут, ни один хирург не вставит его на место. Тогда ей в голову пришла мысль. Она внимательно посмотрела под ноги подыскивая подходящий предмет. Слепые тревожно прислушались.

— Что ты делаешь?

— Ищу, чем бы поддеть глаз, — невозмутимо ответила Алиса, — не руками же его доставать. Здесь бы хорошо подошла чайная ложка, вы знаете как она идеально ложится в глазницу?... да вы и что такое ложка не знаете.

Алиса подняла с земли крупный желудь. Как его занесло под иву — загадка. Алиса погрела его в ладонях, чтобы был теплый и сказала:

— Ну вот. Протяните кто-нибудь, руку.

Слепцы подались вперед, вслепую протягивая ладони. Едва Алиса опустила желудь в одну из них, мертвец крепко сжал пальцы и все четверо быстро отступили к реке.

— Вы соврали! — крикнула Алиса, едва сдерживая смех. Природа его была нервной — а что бы она делала, если бы и правда отдала им глаз? — Куда же вы?

Но мертвецы уже пропали, а Алиса пошла вниз по течению к пещере ведьмы.

Пещерой местные называли глубокую расселину в скалистом берегу у самой кромки воды. В давнюю пору, река текла намного ниже, и к пещере вела опасная, но вполне посильная тропа. А в одну весну в реку произошло крупное вливание из подземного источника. Уровень воды в одну ночь поднялся, берег размыло и от тропы остались одни воспоминания, причем не слишком приятные: спуск по почти отвесному склону походил на квест на выживание. Схватится не за что, кругом скользкая грязь, тысячи возможностей поскользнуться и переломать важные части тела. Но Алиса справилась.

Внутри пещера оказалась широкой и глубокой, много больше, чем думала Алиса. В конце пещеры влево отходило ответвление как у буквы "Г". Пол по колено затопила речная вода, за годы течение снесло сюда кучу сгнившего мусора. Пахло сыростью. Алиса шла в мутной зеленоватой воде, поднимая облачка ила, и молясь не наступить на труп или что похуже. Как ни странно, никаких следов жизни она не нашла — ни древней мебели, ничего. Если бы не мертвецы, Алиса бы решила, что сказка оказалась враньем и пещера всегда была пустой. Но холодок по коже, словно кто-то смотрел на нее из темноты, не давал усомниться в том, что здесь что-то есть.

Она свернула в ответвление, посветила фонариком и обнаружила в тупике практически плоскую стену. На стене было темное, но очень четкое овальное пятно, явно не природного происхождения. Алиса почувствовала волнение, как будто пятно что-то значило и попробовала взглянуть на стену особенным зрением. После нескольких неудачных попыток, сквозь зеленоватый туман стали все ярче проступать очертания предмета, которого не было наяву, но в мире духов он существовал. На стене висело что-то, закрытое рваной черной тряпкой, которая слегка колыхалась от неосязательного ветра.

Алисе посмотрела достаточно фильмов ужасов, чтобы уяснить простые техники безопасности: держись подальше от чердака, где в полночь раздаётся шум и вой, голоса в голове не приводят ни к чему хорошему, в загадочном месте ни в коем случае не тяни руки к незнакомым вещам. Но в реальности черная ткань влекла ее. Зачем она пришла в самом деле как не для того, чтобы влезать в неприятности?

Сердце стучало как бешеное, когда она сжала край тряпки и одним резким движением сдернула ее.

Под тканью было зеркало. Просто очень старое мутное зеркало в позеленевшей оправе. Несколько секунд Алиса вглядывалась в свое расплывчатое отражение, унимая сердцебиение. Ну и чего бояться? Ничего же не случилось.

Она обернулась и как будто все ее органы решили разом эвакуироваться из тела: она нос к носу столкнулась с утопленницей.

Чтобы установить причину давней смерти не было нужды звать врача: кожа на вздувшемся теле посинела и кое-где обнажала черные гнилые мускулы. Челюсть утопленницы отвалилась, огромный лиловый язык свисал, как дохлая рыбина. Слепые глаза под тяжелыми веками смотрели на Алису.

Как будто омерзительного образа было недостаточно чтобы довести до сердечного приступа, она протянула руку к Алисе. Полуразложившийся влажный палец коснулся ее лица около глаза:

— Ты видишь меня, чертова дочь.

Алиса услышала ее слова у себя в голове, как будто телепатия наоборот. У призрака не было другого способа общаться: ее отвалившаяся челюсть и прогнившее горло были не способны производить человеческую речь.

Первый шок спал и Алиса вполне могла убежать, как подсказывал инстинкт самосохранения. Ноги сами собой напряглись, тело изготовилось к побегу. И так бы она и поступила, не проснись внутри упрямство, которое растолкав инстинкты заверещало: "Черта с два ты уйдешь теперь, когда хоть один призрак тебя, наконец, заметил!"

— Уходи, — сказала утопленница. — Тебе тут нечего делать.

— Не уйду, пока не ответишь на мои вопросы, — возразила Алиса, почувствовав себя нахальным персонажем страшной сказки. Интересно, в сказках герои тоже храбрые только внешне?

На Алису не опустилась милосердная пелена забвения, невероятные события не казались ей нереальными, будто происходили во сне. Напротив, она ощущала себя живой, мысли были ясными и четкими, цели — понятными. Она прекрасно понимала что находится в мрачной темной пещере, по колено в воде, и беседует с ужасающей мертвой женщиной и это было чертовски, безумно жутко, но она заставила себя говорить дальше, как будто ей все нипочем.

Утопленница отмахнулась от нее:

— Да какие у тебя могут быть вопросы? Любит ли тебя соседский мальчик? Когда замуж выйдешь? У маленьких девочек вроде тебя нет настоящих вопросов, одни глупости. Не вопросы, а пена на волне, снежинка на ладони, глянь и ее уже нет. Уходи.

- У меня был друг, — заговорила Алиса. — Он не человек, он призрак. Мы дружили много лет. Потом он спас меня и исчез. Я должна найти его.

— И зачем же? — спросила утопленница. Пока Алиса говорила она подошла поближе. Ужасно хотелось отклониться, или хоть шагнуть в сторону, ближе к выходу из пещеры, но Алиса заставила себя стоять смирно и не показывать страха и отвращения.

— Он мой друг и он в беде. Я должна спасти его.

— Ты говоришь "друг", а твое сердце сжимается от боли, и тревоги, и надежды. Кровь приливает к щекам, ты дышишь чаще. Ты дура или врешь мне? Ты любишь его. Это плохая новость.

— Почему?

— Ты от меня не отстанешь, вот почему. Мысли о дружбе я бы вытрясла быстро, не так уж это и сложно. Но вот любовь пускает корни глубоко, от нее не отделаешься. Одна радость — тебе с ней жить и мучится дольше, чем мне с тобой.

Алиса слышала ее с трудом. Минуту назад она поставила рекорд: ей еще не удавалось удерживать взгляд в мире духов так долго. В глаза как будто песка насыпали, нещадно болела голова, облик утопленницы размывался, ее голос звучал как из-под подушки. Алиса держалась из последних сил, боясь упустить ходячий труп из виду, мало ли что она задумает, пока Алиса ее не видит.

— Что, тяжело? Глотни-ка. — утопленница зачерпнула мутной стоялой воды и протянула Алисе. Та посмотрела дико и помотала головой.

Она прекрасно могла себе представить, что в этой жиже плавало. Даже если бы вода была чистая, пить ее из полуразложившихся рук...да ни за что!

Утопленница нахмурилась и сказала голосом, жестким, как наждак:

— Ты хочешь найти своего хахаля? Тогда тебе придется слушать меня подольше, чем три минуты. Давай же!

Алиса подставила ладони. Удивительно, они почти не дрожали. Она приняла горсть зеленоватой воды, зажмурилась и выпила одним глотком, ощутив вкус гнили и водорослей. Вода оставила горький соленый привкус во рту, но зрение сразу улучшилось.

Образ утопленницы перестал расплываться, теперь Алиса могла разглядеть каждый жиденький волос прилипший к черепу. Она увидела и что вокруг не развалины. Стояли сундуки с вещами, широкий стол, висело на стене зеркало.

— Вот и молодец. Брезгливая, но смелая.

— Научи меня, — попросила Алиса, — как беседовать с духами, как узнать у них то что нужно, как просить их о помощи, как читать следы в мире духов: я вижу много, но мало понимаю. Научи как найти Джентльмена!

— С чего мне тебя учить? — отозвалась ведьма, — покойник это от слова "покой". Вот и оставь меня в покое.

— Научишь — оставлю!

— Торгуешься уже? — прищурилась ведьма.

— А ты назови свою цену — и поторгуюсь!

Ведьма задумалась, наклонив голову.

— Я буду думать. Приходи завтра.

Алиса была готова спорить и дальше, но почувствовала, что делать этого не стоит: иначе ведьма вообще откажется с ней разговаривать. На пороге Алиса оглянулась и увидела, что все по-прежнему — пустая пещера и мусор плавает в зеленой воде.

***

Ночью она пришла к отцу и села на крыльце у двери.

— Папа? — она знала, что в темноте ему дышиться легче и не сложно будет ей ответить. Его голос прозвучал почти сразу, но открывать дверь он не стал:

— Да, Алиса.

— Есть какие-то правила? Знаешь, в сказках всегда есть правила: не продавай душу, не соглашайся поддержать за них небосвод минутку...

— Правило существует, и касается оно не только сказок, — ответил отец. — Оно гласит: "Думай, перед тем как на что-то соглашаться". У тебя пока неплохо получается.

***

На следующий день ведьма ждала ее.

— Я не знаю, где заперт твой друг и в какую переделку попал. Но кое-чему я тебя научу. — сказала она вместо приветствия.

— А взамен? — сразу спросила Алиса, не желая, как с мертвяками, в самом конце узнать, что цена слишком высока.

— Взамен тебе придется принять часть моей силы. — ведьма пристально посмотрела на нее. — Можешь не соглашаться. Ведьмин дар не принесет тебе ни счастья, ни удачи, одни обязанности. Так с каждым даром

— Я согласна, — ответила Алиса. Ей нужно было все, чтобы найти Джентльмена. Попроси у нее кто руку или ногу в обмен на его свободу, она бы согласилась, не раздумывая.

— Тогда садись за стол, — проворчала ведьма, — и сосредоточься. Вечно мысли у тебя где-то летают.

Алиса провела в пещере все лето: уходила из дома утром, приходила поздно вечером. Это была нелегкая учеба.

Она училась угадывать историю вещей, приманивать духов и узнавать что им нужно, просить помощи у разных существ и узнавать чем им платить. Много нового и важного узнала Алиса и, несмотря на то, что с каждым днем задания становились все сложнее, она со всем справилась — с чем-то лучше, с чем-то хуже.

Войдя во вкус, она не ждала конца учебы. В то утро, она как обычно она спустилась к пещере и увидела ведьму, ждущую ее за столом. Но кое-что в комнате изменилось — с зеркала исчезло покрывало.

Алиса вся подобралась. Не раз и не два она спрашивала ведьму про зеркало, и всякий раз так отвечала — не время. Теперь видимо, время настало.

— Подойди, — велела ведьма. — Сегодня я учу тебя последний день. Я успела передать тебе основы, остальному ты научишься сама. Мое время подошло, а значит пора передать тебе то, что поможет тебе в твоих поисках, хоть и гиблое это дело, искать заблудшего призрака.

— Гиблое или нет, решать мне, — ответила Алиса, невольно научившаяся копировать стиль речи своей учительницы, — А ты не произноси таких слов, пока дело не сделано, у слов есть сила.

Ведьма покачала головой:

— Все верно говоришь, но мои слова уже силы не имеют. Подойди.

Она подвела Алису к зеркалу.

— Это старое зеркало. Оно помнит и видит. Посмотри в него как я учила.

Алиса послушалась. Зеркало изменилось, выгнулось и перестало что-либо отражать. Теперь это был прозрачный глаз без зрачка, глаз существа более древнего, чем земля вокруг.

— Эта магия сложнее всего чему я тебя учила. Запомни — зеркала знают и видят все, и способны указать тебе путь. Врать они не станут, но путать и исказить — могут. Для этого колдовства тебе понадобится мертвец. Помогать тебе он должен добровольно и не иметь темных мыслей о тебе. Сегодня тебе помогу я, но на будущее, осмотрительно выбирай

помощника. Смотри в зеркало и задавай свой вопрос.

— Что мне сделать, чтобы найти Джентльмена? — сказала Алиса вслух.

Зеркало пошло рябью.

— Закатай рукав и вытяни руку. — велела ведьма. — Будет больно, но ты смотри внимательно. Второго шанса не будет.

Алиса закатала рукав и ведьма впиалась острыми зубами в ее предплечье, перекусив вены. Девушка вскрикнула и попыталась одернуть руку, но мертвая держала крепко.

Кровь хлынула ручьем. Ведьма впечатала окровавленную ладонь в зеркало приказала:

— Смотри же!

Перед глазами Алисы замелькал калейдоскоп картинок. Они менялись так быстро, что она не успевала ничего разглядеть:

— Пожалуйста, помедленней, — прошептала она, и зеркало выполнило ее просьбу.

Калейдоскоп замедлился и Алиса смогла разделить видения:

Красная кирпичная стена с зубцами, огромные часы на башне, старое приземистое здание, нарисованное на стене дерево, черная вода идет рябью, трое людей растворяются в воздухе, знакомый силуэт, промелькнувший всего на мгновение. Джентльмен! Увидев его, Алиса вскрикнула, забыла, что перед ней видение и протянула руки, но поймала лишь холодную пустоту: зеркало снова стало зеркалом.

Рана пульсировала, медленно капала в воду темная кровь.

— Запомни подсказки. Хорошенько запомни. — сказала ведьма. — Зеркало теперь твое. И моя сила теперь твоя. Делай с ней что пожелаешь, но постарайся не умирать до того так передашь ее. Я ждала слишком долго. А теперь я ухожу.

— Спасибо, — только и сказала Алиса. Что еще? Мертвая ведьма не была ей другом и исполняла условия сделки. Но за прошедшие месяцы Алиса начала испытывать к ней сочувствие. Быть живым мертвецом — то еще удовольствие.

Ведьма пошла к выходу из пещеры. Шагнув за порог она вздохнула, губы скривились в улыбке и ее тело рассыпалось серым песком, который ветер развеял по воде.

Учеба Алисы закончилась.

***

Ночью Алиса пришла к отцу и села на крыльце.

— Мне нужно ехать в Москву. Там я найду Джентльмена. И мне кажется я должна буду там помочь еще кому-то.

Иначе к чему она видела тех исчезнувших людей? Они растворились в воздухе, как призраки, а ведь Алиса чувствовала, что они живые люди. Во всем этом, и в образах была какая-то загадка, которая связывала все воедино. Алису не оставляло чувство, что в Москве начнется какая-то история.

Дверь распахнулась. Алиса поднялась на ноги и неуверенно шагнула внутрь в темную пустую прихожую, но никого не увидела.

— В Москве есть люди, которые немало знают о призраках. Они тебе помогут если ты поможешь им. — голос отца звучал отовсюду, шелестел, как иссохшая трава на ветру.

— Ты говоришь...не о том ли Страже, который позволил тебе остаться из-за мамы?

— О нем, — согласился отец и Алиса услышала его голос рядом, из-за спины. Она обернулась. Ее глаза все еще видели мир духов и Алиса увидела отца таким, какой он был на самом деле.

Черная кожа, испещренная уродливыми шрамами, очень широкий рот, полный острых

клыков, горящие безжалостным белым пламенем глаза. Его облик пугал и наводил ужас, но не на Алису. За всей этой страшной оболочкой она видела и чувствовала бесконечную грусть и боль потери.

— Как ты будешь один? — сказала она и отец улыбнулся. Алиса не могла вспомнить, видела ли она хоть когда-нибудь, как он улыбается.

— Ты молодец, — только и сказал он.

На следующий день Алиса уже сидела в поезде, который вез ее в Москву.

Глава 4: Напарник

Страж Москвы был драконом. Ему было очень много лет, но он был не стар. Старость, как и молодость живет в голове, а не в прожитых годах и означает не что иное, как ожидание неизбежного конца. А смерти дракон не ждал, хоть и бессмертным не был — о чем напоминал ему шрам, пересекающий шею ровно там, куда в прошлой жизни пришелся удар топора, отделивший голову его от тела. Иногда, довольно часто, следы наших смертей приходят к нам из прошлого, чтобы напомнить — все может кончиться вовсе не так как ты планировал, дорогой.

Он посмотрел на часы — нужный ему поезд уже прибыл, а значит девочка вот-вот будет здесь. Дракон отпустил свое зрение от тела чтоб окинуть взглядом всю вокзальную площадь и подошедшие поезда. Зло он чуял задолго до того, как оно приблизится. Сейчас он не чувствовал опасности — а сперва, признаться, опасался, что Падший решил воспользоваться дочерью, чтобы пробраться в Москву.

Но Падшим на вокзале и не пахло. Страж заключил, что девочка куда больше похожа на мать, чем на отца, раз на первый взгляд ничем не отличалась от обычных людей.

Вот, кстати, и она. Дракон отметил материнские черты — темные волосы, миниатюрное хрупкое телосложение. От отца ей досталось особенное выражение лица — невинное и вместе с тем лукавое. На дне ее глаз как будто притаились чертики. Красивые кстати, глаза, зеленые, это страж отметил еще издалека.

Девочка заметила его и уверенно направилась к нему сквозь толпу волоча за собой небольшой чемодан в темно-синюю клетку. Дракон мысленно отметил пункт "интуиция" двумя галочками.

Восемнадцать лет, подумал страж, совсем ребенок. С одной стороны, слишком молода, чтобы быть хорошей заменой временно вышедшему из строя медиуму, а для стража не было секретом то, что девочка попросится на это место. С другой — сила духа и воля вполне могут уравновесить юный возраст и отсутствие опыта. Задумавшись, он по рассеянности выпустил из ноздрей дым, который сошел бы за сигаретный. План сложился: это будет испытание терпения и воли, которое продолжится, пока девочка не достигнет своей цели, или не сдастся.

— А я и не ждала что меня будут встречать! — жизнерадостно заговорила она, — Я Алиса, ну это вы и так знаете. Как поживаете? Вам папа сказал что я приеду?

Алиса с любопытством разглядывала его. Страж был очень бледен, но бледность эта не выглядела болезненной — напротив казалось, что его фарфоровая кожа будто бы светится изнутри. У него были призрачные серые глаза, белые брови и ресницы и такие же белоснежные волосы. Он был красив, как мраморная статуя, разве что жизни в его лице и жестах было много больше. Правда голос у этого ангела был хриплый, как у старого шансонье.

— Меня зовут Ян. Приятно познакомится. Никто мне не говорил о тебе, знать кто пересекает границу моя обязанность. Теперь я вижу что ты не опасна для города и моя миссия закончена. С тем откланяюсь, — сказал, отвесил церемонный поклон и, кажется собрался уходить.

Алиса опешила и испугалась.

— Погодите! — крикнула, увлекая за собой неповоротливый чемодан. — Да постойте

же, куда вы так быстро идете.

— Я иду нормально, — невозмутимо ответил страж. — Просто мои ноги длиннее твоих и двигаюсь я быстрее, никакой мистики.

— Вы видно торопитесь.

— Верно. — ответил он, ничуть не сбавляя шага.

— Я ведь еще не говорила зачем приехала?

— Это меня не касается.

— Как раз-таки касается, ведь я здесь чтобы просить вас о помощи.

— Неужели? — страж сбежал вниз по ступенькам метро. Алиса, чертыхаясь про себя, за ним, подхватив неудобный чемодан.

— Верно! Не соблаговолите ли постоять немного на месте, чтобы я могла изложить свою историю?

— Я собирался позавтракать. — ответил он. — Можешь составить мне компанию.

— С удовольствием, — процедила запыхавшаяся Алиса. Прибыл поезд. Он был полон и трудно было предположить, что он может стать еще полнее. Тем не менее страж как-то ловко просочился внутрь и Алисе пришлось следовать за ним чтобы не потерять и протискиваться в то микроскопическое пространство, которое оставляли прижатые друг к другу человеческие тела.

Короткая поездка принесла Алисе массу новых впечатлений о Москве. Трудно было поверить что где-то люди могу с такой страстью рваться на работу. А в Москве — обычное дело.

Страж вынырнул из людского потока через несколько станций, ничуть не помятый и такой же невозмутимый. Алиса вырвалась с трудом. Всю поездку толпа то пыталась вытолкнуть ее из вагона, то заталкивала глубже.

Она ожидала что и в кафе будет аншлаг, но в зале было пусто, не считая скучающих официантов, чрезвычайно возбужденных при виде посетителей.

— Ты еще здесь, — простодушно обрадовался страж.

— Да, — сказала Алиса, — я как раз хотела рассказать...

— Готовы заказать? — перед ними возникла официантка вооруженная телефоном и устрашающим маникюром.

— Кофе, пожалуйста. — аппетита у нее не было.

Страж отбарабанил названий десять, не заглядывая в священный талмуд называемый здесь меню и, когда официантка упорхнула с их заказом, перевел наконец сияющий взгляд на Алису.

Добившись его внимания, Алиса рассказала свою историю. Когда она закончила, вернулась официантка и устала маленький столик тарелками с едой.

Она ушла и страж задумчиво сказал:

— Интересно, — и занялся кашей. Алиса посмотрела в чашку. Оттуда на нее глядело ее искаженное отражение, изрядно прифигевшее от происходящего.

Закончив с кашей страж сказал:

— Значит, ты видишь призраков?

— Да. Призраков, сущностей, духов. Но что вы думаете на счет того что я рассказала? Вы знаете где заточен мой друг?

Страж пожал плечами и принялся за блинчики с шоколадом. Алиса терпеливо ждала, хотя очень хотелось придушить стража или начать бегать по ресторану кругами от бессилия.

Ее останавливало только осознание, что и это не поможет стражу ускориться.

— Вариантов масса, — сказал он наконец, — Дух может быть заперт поработен и управляем множеством способов.

Разочарование стало иголкой, которая выпустила из нее все силы, как воздух из воздушного шарика. Она надеялась, что после ее рассказа страж хлопнет себя по лбу и скажет что точно знает где находится Джентльмен и как его спасти. Все оказалось сложнее.

— Но ведь отыскать его можно?

— Вероятно, — ответил страж, — На данный момент у отдела другие приоритеты. Я отправляюсь по делам, если ты не возражаешь.

— Вы ведь можете мне помочь!

— Сейчас это невозможно, — повторил страж, — приятно было познакомиться, теперь я спешу.

— Постойте, — вскочила Алиса, — я ведь тоже могу быть полезной. Я вижу мир духов, я умею общаться с ними, могу узнать что угодно!

— Медиум у нас в штате есть, — ответил страж и слегка наклонил голову. — При всем уважении, Алиса... ты слишком молода. Лет через пять-шесть, когда у тебя будто достаточный опыт, мы можем поговорим об этом, если ты все еще захочешь быть в отделе, в чем я сомневаюсь. Наша работа подходит не всем.

— Через пять-шесть лет с моим другом может случится много ужасного, — сказала Алиса, — Это все равно что бросить его в беде!

Лицо стража ничего не выражало кроме вежливого, но равнодушного сочувствия. Алиса поняла что никакими мольбами и упрашиваниями его не убедить. Все пропало. Пропало... Или нет? На ум пришли видения, которое показало ей ведьмино зеркало. Они указали ей путь в Москву, и они же показали ей кое-что еще...

— Вы торопитесь потому что в вашем отделе произошла катастрофа. — начала она говорить не зная, имеют ли ее выводы какой-то смысл, или же она придумывает на ходу, но ведь видения в зеркале что-то значили. Что если не это?

Выражение лица стража ничуть не изменилось, не дало ей никакой подсказки, и Алиса продолжала на свой страх и риск.

— Три человека из группы пропали. Просто растворились в воздухе и вы не знаете где они. Я приехала помочь вам, чтобы вы помогли мне, — закончила Алиса. В глубине души она была уверена, что страж пожмет плечами и уйдет, про себя думая что за бред она тут несла.

— Оплатите карточкой или наличными? — пропела официантка, переводя взгляд с одного на другого участника сцены, сверлящих друг друга странными взглядами. Ей было не привыкать, здесь недалеко был театральный.

— Карточкой, пожалуйста, — вежливо ответил страж, оплатил заказ, вместе Алисиным кофе и аккуратно положил чек в карман. Алиса стояла неподвижно, сжимая ручку чемодана.

— Здесь недалеко, — сказал страж, — и нас уже, полагаю, ждут.

— Простите? — не поверила своим ушам Алиса.

— Ты ведь хотела помочь? Я готов дать тебе шанс, и лучше бы тебе меня не разочаровать.

***

Это было самое мерзкое утро в карьере Матвея, следующее сразу за самым отвратительным вечером. Сто ему открыть глаза и весь этот кошмар навалился на него как

многотонный пароход. Ему не приснилось: его перевели в самый шизоидный отдел, за день до того как он раскрыл дело, над которым бился еще с тех пор как был стажером.

Невероятно.

Так хреново ему еще не было. Столкнувшись с трудностями Матвей, как правило, закусывал удила и во что бы то ни стало доводил дело до конца. А сегодня он не мог придумать никакого выхода из этой дебильной, по сути, ситуации.

Матвей не становился полицейским, он им родился. Свою работу он видел в наведении порядка и любил это больше всего на свете. Эта страсть и привлекла его к безнадежному "висяку" о пропавших людях, кажущаяся неразрешимость дела только раззадорила его и он вцепился в это дело как клещ. Ночами не спал, просиживал то в архиве, то в хранилище вещественных доказательств, перетряс все ниточки, и нашел то, чего не заметили все остальные! Матвей представил блестящий доклад начальству и, вместо того, чтобы дать ему закончить дело, его перевели в отдел расследования паранормальных явлений.

К "ведьмам" как его снисходительно называли остальные. "Экстрасексам". Господи боже, за что?

Матвей сопротивлялся как лев, рвал и метал, но все начальники, хорошие знакомые и добрые друзья, только разводили руками и многозначительно показывали взглядом в потолок, для убедительности еще и тыча туда же пальцем — распоряжение сверху, друг, рады бы что поделать, да ничего не сделаешь.

"Лучше бы уволили", — думал Матвей, пробираясь по забитой пробками утренней Москве. В другое время он бы и уборщиком согласился быть, лишь бы в полиции. Но этот перевод был еще хуже чем разжалование.

Из всех отделений отправить его в самое бессмысленное и унижительное.

В сухом вежливом сообщении, которое пришло к нему на электронную почту в конце дня, сотрудник отдела кадров передала просьбу Яна Погодина (которого между собой часто называли "Белый" за седые волосы и светлые глаза), в которой он просил "неприменно явится к 10 часам по указанному адресу". Так и написал "неприменно". Матвей уже по сообщению понял, что будущий начальник — чудик каких мало. Это только больше злило.

Матвей приехал на место раньше всех и не обнаружил никаких привычных символов расследования — не сустились спецы, не было фотографов не шуршали пакетиками сборщики вещественных улик. Было пусто как в склепе, только заградительная лента была на месте и охранник стоял, чтобы никого не пущать. И все. Расследование блин.

У словоохотливого охранника Матвей выяснил, что огороженное здание — театр, уже шесть лет как находился на реставрации и здесь вроде бы как пропали три человека. Ветхий храм драмы снаружи выглядел заброшенным и ничуть не загадочным. Старичка было жаль, как смутно жаль бывает заросшую сорняками могилку и покосившийся ржавый крест за кривой оградкой.

По старой привычке, опасаясь затоптать следы, Матвей не стал заходить в здание, пока не прибыли двое. Первым шел Белый — при виде нового начальника Матвей не испытал ничего кроме смутной тоски. Не похож он был на нормальных полицейских. Слишком высокий и тонкий, слишком лощеный. Кукла, а не человек, статуя. Следом за ним шла маленькая девушка зачем-то волочашая за собой чемодан на колесиках. Ее Матвей никогда не видел прежде в полиции и решил, что Белый прихватил свидетеля.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Белый, — Калинин, верно?

Матвей кивнул.

Девочка с интересом посмотрела на него и приветливо кивнула.

Белый больше ничего не сказал: не прозвучало ни короткой реплики о погоде, ни монолога для введения в курс дела. Они втроем молча зашли в театр.

Фонарь-прожектор в руках Белого выхватывал из мрака картинки: осыпающаяся лепнина, остатки плитки на полу и запустение наводили на печальные мысли. В зале было все что положено иметь театру: ряды серых от пыли кресел, сцена, с остатками декораций, которые уже никому не пригодятся, оркестровая яма (туда Матвей заглянул на всякий случай — мало ли, вдруг "исчезнувшие" просто упали туда и переломали шеи, — но не увидел ничего кроме дирижерского помоста, мусора и клочков первобытной тьмы в углах).

У ямы Белый остановился и спросил девочку:

— Где, как думаешь?

У Матвея сложилось странное впечатление, будто бы Белый прекрасно знает ответ на свой вопрос, а девочку проверяет. Но тогда она вовсе не свидетель, и Матвей потерялся в догадках что же она тогда делает на месте преступления.

— Туда, — девочка оставила свой чемоданчик и взлетела по лесенке на сцену. Там она наклонила голову и пошла аккуратно, будто бы обходя что-то, хотя видимых препятствий Матвей не увидел.

"Ну начались обезьяньи пляски" — обреченно подумал он. Похожее он уже видел по телевизору — нелепо одетые люди с пафосными и тревожными выражениями на лицах, неубедительно делали вид что соприкасаются с какими-то "потусторонними" силами.

Девочка указала на разрисованный задник, ограничивающий сцену от закулисья. На ней было небрежно, но не без изящества изображено черным голое дерево.

— Здесь, — сказала она, — Я видела как они пропали перед этим.

Матвей не ослышался, девочка сказала "пропали". Это было неправильно. В его понимании люди исчезали определенными способами: сбегали сами, их похищали с автостоянок, некоторых убивали, и прятали трупы в труднодоступных местах, и все это означало что нельзя было назвать конкретного места где человек "исчезает".

Это противоречило здравому смыслу.

Очевидно, картина мира этих двоих сильно отличалась от его, поскольку Белый не стал возражать, а наоборот, спросил:

— Как это было?

— Они растворились. Как дым, — ответила девочка. — Только не пойму как и... здесь что-то странное творится с духами.

"Духи", — тупо повторил про себя Матвей. Она сказала "с духами". Прелестно. Интересно, когда в дело пойдет бубен?

— Объясни?

— Здесь просто никого нет. Стерильно как в операционной.

— И отчего оно так, как думаешь?

— Не знаю. Может это никак не связано с происшествием, может они ушли раньше. А может пропали вместе с теми людьми.

Матвей не сдержался и громко фыркнул. Принятая им доза абсурда была слишком велика чтобы продолжать это терпеть молча.

Девочка бросила на него удивленный взгляд, а Белый посмотрел с большим интересом:

— Тебе есть что добавить? — живо спросил он.

— Ох ну что вы. Куда уж мне. У меня фантазии не хватит, — ответил Матвей, изрядно

доведенный до точки. Вообще он никогда не грубил ни коллегам ни начальству, субординацию понимал как следует, но этот цирк просто вывел его из себя. Сегодня им были пройдены все невиданные ранее границы терпения и клокотавшие внутри злость и досада искали немедленного выхода. Неужели правительство правда оплачивает "работу" этих ненормальных?

— Ты полагаешь, что она фантазирует? — дружелюбно поинтересовался Белый.

— Понятия не имею, что думает она, а я уверен, что так дела не ведутся. Вы тут черти чем занимаетесь вместо того чтобы все сделать как надо.

— А как надо, не мог бы ты рассказать? Девочка совсем новичок, уверен ей будет интересно послушать.

— Вы... — Матвей даже подавился внезапной догадкой, — Вы что хотите сказать что она здесь работает?!

Девочка насупилась, но не ответила. Понятно, задел за живое сомнением в ее талантах.

Белый простодушно пожал плечами.

— Пока не знаю.

— Ты хоть школу-то закончила? — обратился Матвей к девочке и, не дав ей договорить, продолжил, — Я не знаю что ты там видела, но к твоему сведению, люди в воздухе не растворяются. Обычно их бьют по голове и швыряют в машину, или же они сбегают сами, но и в этом случае вряд ли кому то под силу "исчезнуть как дым" или как ты там сказала.

Девочка посмотрела на Белого. Поддержки значит ищет. Матвей старался говорить помягче, но по-видимому не работало.

— Понимаешь, пропали три человека. И нам тут не ведьмины пляски нужны, а нормальная версия. Специалисты. Следователи, — это уже относилось в Белому. Что он в самом деле дурью мается, — А не одна девочка которая что-то видела во сне.

— Это не то дело, которое вы привыкли расследовать, — ответила она. — Оно не решается привычными вам способами.

— Детка... Поверь моему опыту, я видел достаточно чтобы понять что передо мной. А ты — явно нет. Здесь сказкам не место, понимаешь?

— Нет, это вы не понимаете, — на ее скулах заиграл румянец, глаза опасно заблестели, и Матвей понял что девушка похоже вот-вот расплачется. Или по-настоящему разозлится.

Белый в разговор не вмешивался, с благожелательным интересом наблюдая за тем как накаляется обстановка.

— Давай не будем спорить. Просто ты пойдешь на выход, а мы с дядей обговорим как взрослые люди, как следует вести расследование. Уверен ты большая умница, но здесь это не помог... — договорить Матвей не успел — девочка шагнула вперед и взяла его за руку.

Пальцы, сжавшие запястье Матвея были ледяными и в первую секунду он инстинктивно попытался вырвать руку. А потом Мир обрушился на него и стало не до того.

Все заволкло зеленым туманом. На полу, в шаге от своей ноги Матвей увидел темный след, как будто по полу волокни что-то обильно истекающее кровью. Вот что обходила девочка, когда поднялась на сцену. Черное дерево, на которое она указала, танцевало. Это был завораживающий медленный танец хищника, гремучей змеи. Мгновение — и проглотит. Матвей испытал утробный, первобытный ужас, какого никогда в своей жизни не испытывал. Древний страх темноты и опасной неизвестности накрыл его с головой, заставив волосы шевелиться на голове.

Девочка выпустила его руку и морок развеялся. Старый театр снова был просто ветхим

зданием и больше ничем, но Матвей верил своим глазами и знал что видел. Он был не из тех, кто просто отмахивается от того, что не может объяснить. То что он увидел существовало в реальности, а значит, та картина мира, которую он для себя выстраивал двадцать восемь лет своей замечательной жизни, рухнула. Он стоял, как громом пораженный, глядя как из ее останков восстает что-то новое, незнакомое и пугающее.

Белый присвистнул.

— А так, между прочим, даже наш медиум не умеет. Лихо. Алиса — это Матвей. Матвей — Алиса. Из вас получатся хорошие напарники, жду ваш отчет к вечеру. Мне, к несчастью, пора.

Улыбнулся ласково и исчез — не то растворился в воздухе не то просто вышел бесшумно через дверь, кто его знает.

Глава 5: Дом-людоед

Алиса искоса наблюдала за новым напарником. На второй взгляд, не затуманенный праведным гневом, он оказался вполне симпатичным. Одет по погоде, рубашка под расстегнутой курткой мятая, но чистая.

Волосы светло-русые волосы, взъерошены в трогательном беспорядке, лицо казалось юным, до тех пор пока он не начинал говорить. Манера речи выдавала в нем человека очень уверенного в себе и жестко закрепившегося в своей позиции — молодые ребята редко такими бывают. Алиса сделала вывод что перед ней неплохой парень: не злой, честный, аккуратный в значимом и небрежный во всем остальном. Часто и широко, а значит искренне, улыбается.

Сейчас, правда, выражение лица у него было как у инквизитора получившего на рождество четырехлистный клевер: недоуменное и подозрительное. Внутри у него шла нешуточная борьба, поскольку какая-то партизанская часть его сознания решила, что все увиденное можно вполне списать на переутомление, стресс, галлюцинации, гипноз, подозрительные грибы в утреннем омлете. Другая часть говорила: ты видел то, что видел, а значит это есть. Слова этой части были значимей, но сомнения кричали громче.

— Что ты мне показала? — спросил он, спустя целую вечность, когда Алиса уже подумывала, не пора ли начать искать где у него располагается кнопка экстренной перезагрузки. Она ответила:

— Это по-разному называют. Изнанка мира. Мир духов. Астральный слой.

— Это... реально существует?

— Ну ты же видел, — пожала плечами Алиса. Она немного сочувствовала Матвею, но не могла представить каково ему: она-то с детства дружила с призраком, вера в сверхъестественное была в ней сильнее чем вера в реальный мир. Он то и дело ей казался слишком уж абсурдным. — Потому я и говорила что раскрыть это преступление нельзя привычными тебе способами. В твоём мире люди не исчезают, а в этом — пожалуйста!

Матвей глубоко вздохнул и потер лицо руками.

— Я, наверное, сплю и мне снится сон, — пробормотал он.

— Ну, если тебе так проще, — Алиса отвернулась: признаков помешательства напарник не демонстрировал, а у нее было дело. Страж ясно дал понять что ее судьба решается сейчас, если она не покажет себя как специалист уровня их штатного медиума, то он отправит ее домой и точка, финита, Джентльмен проведет в загадочной тюрьме сотни лет и окончательно убедится, что друзей у него нет. Значит ей во что бы то ни стало нужно показать класс, чтобы все упали и в зубах приволочь пропавших домой.

Но Алиса читала слишком много мрачных сказок и смотрела слишком мало сериалов про детективов и теперь не знала откуда начать? Люди пропали, но как, куда и почему? Нарисованное дерево издевательские колыхалось на невидимом ветру, как будто вид ее замешательства его забавлял. Да еще мешало что-то, смутное в животе, на что Алиса старалась не обращать внимания.

— У тебя живот урчит, — сказал напарник. — Извини за вопрос но... в каком году ты в последний раз ела?

"Наша песня хороша, начинай сначала", — печально подумала Алиса. Если вы когданибудь пробовали делать что-то на глазах у человека, который уверен, что это невозможно,

вы знаете — большинство попыток провалятся. Чужие сомнения истончают магию, убивают удачу, усложняют работу, а если он еще и начнет самоутверждаться за счет ехидства, то вообще можно прямо остюда заказывать обратный билет домой. Удружил шеф с напарником, ничего не скажешь.

Ноздрей коснулся приятный запах. Так могла пахнуть только...

Алиса обернулась. Ее голодные глаза хищно сверкнули.

...Еда!

Матвей удобно устроился в первом ряду партера и открывал большой контейнер. Там, лежали, прижавшись друг к другу румяными боками, булочки. Они издавали потрясающий аромат выпечки и сыра, какой свойственен вкусной еде.

— Давай, иди сюда, — проворчал Матвей, — Нет сил слушать, как твой желудок воет. А дерево твое никуда не убежит.

Алиса не заставила просить себя дважды. Первую булочку она проглотила почти целиком, и вторую ела с такой скоростью, будто кто-то за ней гнался. Наконец она почувствовала как внутри прокатывается приятное тепло.

— Вкусно! Это ты где взял? — спросила Алиса.

— Сам испек. Мужчина должен уметь о себе позаботиться, — сказал он назидательно, убирая полегчавший контейнер обратно в рюкзак. Сам Матвей пока не хотел есть, у него была полезная привычка хорошо завтракать. Он бы и не стал затевать этот пикник на обочине, если бы ему не требовалось позарез успокоить совесть, которая настойчиво шептала ему, что он несправедливо отнесся к девушке:

— Ты извини, что я на тебя накричал.

— Случается, — благодушно ответила Алиса, добрая после вкусной еды. — Ты же не знал что и так бывает.

Матвей кивнул, невольно присматриваясь к ней: теперь она казалась ему существом из совершенно другого измерения, того в котором существовала загадочная мрачная магия и жуткая "изнанка мира".

— Так ты получается... специалист по этому... туману, астралу? Как это называть?

— Я вижу мир духов, могу кое-что в нем сделать, только вот если честно, не очень понимаю с какого конца за это дело браться. — неожиданно призналась Алиса, здраво рассудив, что помощь опытного детектива лишней совсем не будет. — Все вижу, но картинка не складывается и не пойму куда дальше двигаться.

Для Матвея это как раз не было для него непосильной задачей. Он даже невольно расправил плечи:

— Могу помочь. Анализировать и делать выводы — моя работа. Думаю, таков и был план Белого: мы прикрываем слабые стороны друг друга.

— Попробуем, — согласилась Алиса. Она крупно сомневалась в том, что Белый планировал хоть что-то, хотя, кто его, стража, знает? Позволил же он Алисе родиться, а ведь запросто мог решить, что у Падшего ничего хорошего в смысле потомков выйти не может.

— Во-первых... тебе не будет сложно еще раз показать мне эту картинку? Получится быстрее, чем ты станешь мне рассказывать.

Алиса без дополнительных просьб взяла Матвея за руку. Парень вздрогнул и моргнул, зрачки заметно расширились, все тело напряглось, готовое исполнить любой из трех классических сценариев при столкновении с опасностью — прячься, беги, дерись. Картинка изменилась, все стало отдавать зеленцой. Сердце забило быстрее почувствовав жуткую

напряженная атмосфера, которая навевала параноидальные мысли. Будто кто-то смотрит на них из темноты. Будто вот-вот что-то произойдет. Матвей почувствовал как встают торчком волоски на шее.

— Тут всегда так... тревожно?

— Нет, не всегда. — Алиса не выглядела хоть сколько-нибудь напуганной или подавленной. — Это из-за того что здесь произошло, сильные эмоции могут отравить воздух в помещении надолго. Это, — она указала на черные следы на полу, — остается от сильного страха, но таких ярких я еще не видела. Перед тем как пропасть, эти люди чего-то очень сильно испугались.

— Исчезло три человека, а следа четыре, — заметил Матвей.

Алиса посчитала следы и была вынуждена признать, что он прав. И как ей это сразу не бросилось в глаза?

— Значит, есть свидетель, — Матвей внимательно присмотрелся к следам указал на один из них, — Вот этот второй слева, отличается от остальных, или мне кажется?

— Да, он намного насыщенней, — Алиса шагнула вперед, рассматривая улику внимательней. — Здесь страх был сильнее.

След был таким ярким, что считать оставленные им эмоции было проще простого. Алиса невольно ощутила его ужас, панику, боль, и потерю. Человек, который оставил это испытал кошмар наяву. Алиса отступила, но до сих пор чувствовала привкус его эмоций. Зато, распробовав след она знала, что тот, кто оставил его, жив.

— Он жив, но без сознания. Скитается по лабиринтам своих кошмаров, — сказала она, сосредоточилась на остальных трех следах и как будто уткнулась лбом в стену.

— А про этих ничего не могу сказать... ни живы ни мертвы... не в этом мире.

Матвей кивнул и выпустил ее руку:

— Без этих видений мне лучше соображается если честно... итак. Люди могут исчезать по нескольким причинам, этот сюжет исчерпаем.

— Ясно, — кивнула Алиса, ожидая продолжения лекции.

— Первое: люди сбегают сами, иногда инсценировав собственное похищение.

Алиса нахмурилась и покачала головой:

— Я не думаю что это наш случай.

— Ты знала этих людей? Знала обстоятельства их жизни, уверена что у них не было причин так поступить?

— Нет, но... — от его стремительных вопросов Алиса растерялась, но нашла ответы, — это можно было сделать проще... и если честно я просто не верю в эту версию.

— Пока нет доказательств обратного, возможно все. Второе: людей убивают, а тела прячут. Но такое делают тихо, и непонятно зачем прятать тела, если мы уже знаем, что они пропали.

Алиса снова кивнула, теперь не слишком уверенная. Все как-то запутывалось.

— Третье: ловушка. Людей похищают либо за что-то — они сунулись куда не следует, либо с какой то целью — насилия, выкупа, шантажа.

— Похоже!

— В это варианте, если преступник не предъявляет требований дольше суток, велик шанс, что с жертвами произойдет или уже происходит что-то плохое. — сказал Матвей. Алиса поморщилась, по коже пробежал холодок: фантазия услужливо нарисовала разные вещи, которые могли случиться с теми кто провалился в мир духов со всеми потрохами... А

ведь и это подозрительно! Она сама смогла проникнуть туда, только оставив свое тело умирать.

— Для того чтобы человек перенесся на изнанку мира полностью, нужна очень большая затрата сил, — поделилась она. — Такое могло провернуть только очень могущественное существо.

— Сатана тоже под подозрением, — ответил Матвей, хотя чем дальше, тем больше ему было не по себе.

— Что мне нужно искать? — Алиса требовала инструкций, желая немедленно приступить к делу.

— Следы борьбы и все что не вписывается в обычную обстановку, все новое, — ответил Матвей, — и любые следы присутствия кого-то другого кроме этих четверых. Такое ведь нельзя проделать дистанционно?

— Не знаю, — с сожалением ответила Алиса, — Мне мало известно про эту магию, не сомневаюсь.

— Тогда ищи заодно следы крутого мага, — сказал Матвей, запнулся и покачал головой, — Не верится что я такое вообще говорю.

— Ты еще очень хорошо справляешься, — ободрила его Алиса, внимательно оглядываясь по сторонам.

Она сразу обратила внимание на то, что бросалось в глаза: на сцене было очень большое напряжение энергий нервы буквально звенели от тревоги, как спертый воздух перед грозой. Это напряжение ослабевало по мере удаления от сцены. В партере даже тягостная атмосфера почти отпускала. Алиса прошла по залу взад-вперед, прислушиваясь к ощущениям, потом забралась на сцену и попробовала найти эпицентр. С каждым шагом вглубь сцены, нервы все больше натягивались.

Алиса подошла к рисунку дерева, коснулась его и ощутила кончиками пальцев и слабую, но ощутимую тягу — так сквозняк ощущается сквозь щель в стене.

— Это дверь! Они не исчезли отсюда, они провалились. Попали в какое-то место, а дверь — вот она! — Алиса уверенно указывала на дерево.

— Не пробуй ее открыть, — немедленно сказал Матвей, — Может им кто-то помог, а может они сами провалились по незнанию. Не хочется последовать за ними, как в дурацкой страшилке: мама услышала шум, ушла проверять и не вернулась, папа пошел ее искать и не вернулся, братик ушел за ними и не вернулся...

— Я и не смогу, — ответила Алиса. — Просто так она не открывается. И не откроется: у таких дверей всегда есть условия, жертвы, или особые заклинания, иногда они открываются только в определенные фазы луны. Если действовать наугад мы можем вечность пытаться ее отпереть.

— Нужно узнать пропал ли отсюда кто-то еще, — сказал Матвей и достал телефон, и стал записывать, не полагаясь на память. — Может получим какие-то подсказки.

Алиса провела рукой по нарисованному дереву. Чего пропавшие так испугались? Она попробовала представить что бы почувствовала если бы ее тело на глазах стало бы растворяться в воздухе и решила поделиться своими сомнениями с Матвеем:

— Не знаю считается ли это уликой, но тут что-то не складывается. В такой ситуации я бы максимум бы успела почувствовать удивление и любопытство, может немного испугаться. Эти четверо, были профи, они привыкли сталкиваться со всяким, и тем не менее они пережили какой-то тотальный ужас.

Матвей посмотрел на нее поверх телефона и кивнул:

— Их напугали, значит здесь было еще что-то кроме двери. Или кто-то.

И тогда Алисе пришла в голову гениальная идея.

— У тебя есть машина?

— Допустим. — осторожно ответил Матвей, прикидывая, не намерена ли Алиса принести в жертву дереву его средство передвижения. Или есть какие-то современные способы создания алтаря из подручных средств, например, чужого автомобиля... — А что ты собралась перевозить?

— Нас с тобой, — ответила Алиса и села на корточки перед деревом, — Сейчас я призову следопыта. Если здесь был кто-то кто открыл дверь, дух пойдет по его следу и, возможно, нам придется побегать.

— А если этот кто-то ушел в ту же дверь?

— Тогда бегать не придется, но... почему-то я так не думаю.

Она достала из кармана маленькую бутылочку и Матвей подумал что пришло время петнаграмм и песнопений. Но она просто капнула из флакона на пол и стала ждать.

Пару минут ничего не происходило. Потом, когда уже Матвей хотел спросить, чего собственно они ждут, капли исчезли. Как корова языком слизала.

Глядя на что-то перед собой, Алиса поднялась на ноги.

— Веди, только быстро.

В машине она села на заднее сиденье и подозрительно виновато взглянула на Матвея:

— Я не умею водить, а проводник должен указывать дорогу. В общем, тебе нужно его видеть. Только обещай не пугаться.

— Попробу... — договорить он не успел, девушка взяла его за плечо и Матвей обнаружил в десяти сантиметрах от своего лица голову огромного жука. Голова летала в воздухе, всем своим независимым видом показывая что не нуждается в таких излишествах как тело. В каждом из миллиона фасеточных глаз отражалось по бледному Матвею. Жук сухо щелкнул жвалами.

Матвей подумал что в его жизни еще не было дня более бредового чем этот. В этот момент, ангел, ответственный за его жизнь, мог бы изречь "то ли еще будет", или даже "ты еще не видел, что я для тебя приготовил!" если бы ангелы действительно бы заморачивались таким бессмысленным занятием как наблюдение за чьей-то жизнью.

— Ладно, — сказал он. — Поедем в быстро.

***

Заброшенный дом пялился в небеса ослепшими битыми окнами. У него не было соседей, вокруг простирались пустыри и склады бесконечной промзоны. Работавшие там люди никогда не смотрели на него, отворачивались от окон, занавешивали стекла занавесками, загромождали подоконниками. Дом их пугал и был им неприятен.

Насекомоподобный проводник застрекотал, указывая на дом жвалами. Матвей вопросительно посмотрел на Алису.

— Дальше он не поведет, — сказала она, подтверждая его догадку. Девушка откупорила флакон и дала проводнику. Тот зажал бутылочку жвалами, выполз через открытое окно и шустро скрылся из виду.

— Ну, пойдём? — Алиса была полна энергии. Она выскочила из машины и широким шагом направилась к дому. Матвей пошел за ней с куда меньшим энтузиазмом, подозрительно поглядывая на здание. От его вида почему-то мороз бежал по коже.

— Что мы ищем? — уточнил он.

— Того, кто открыл дверь, за которой исчезли наши с тобой коллеги, — Алиса легко просочилась в дырку в заборе. Матвей последовал за ней.

— Кто это мог быть? Человек?

— Сомневаюсь. Если это был человек, то сильный колдун. Тогда мы найдем его логово. А может, это был монстр!

— Монстр значит, — с сомнением повторил Матвей. Алиса обернулась. Ее глаза сияли азартом, когда она спокойно повторила:

— Ну да. Монстр. В мире духов всякое встречается, но чаще всего они остаются духами, со всеми вытекающими, то есть для живого человека их тела, что дым над костром.

— То есть они не материальны?

— Ага, — подтвердила Алиса и резко остановилась. Они были на первом этаже.

Матвей побывал во многих нехороших местах, но впервые чувствовал себя так подавленно. Возможно, тому способствовали разговоры он невидимых монстрах, которые могут быть где-то рядом.

С виду заброшка как заброшка — серые голые стены, разрисованные граффити, строительный мусор на полу, битые стекла. Сквозняк блуждал по этому унылому лабиринту, издавая тихий неровный вой, который действовал на нервы. Алиса хмурилась.

— Чувствуешь? — спросила.

— Что?

— Даже невидящий способен отличить хорошее место от плохого. Вот настроение у тебя сейчас как?

— Поганое, — признался Матвей, — хочется оказаться подальше отсюда.

— Это потому что здесь погано и людям действительно лучше держаться от таких мест подальше, — Алиса без предупреждения взяла его за руку и Матвей увидел то, что напугало его до неприличия.

Здесь было грязно. Густая пористая грязь свисала с потолка, островками покрывала пол. В воздухе висела пелена будто бы пепла, но пепел был живой — мелкая черная пыль роилась как скопище мух. Но самое страшное — у каждой стены стояли люди.

Все они были мертвы. Так могли бы выглядеть жертвы гигантского паука — высохшие куколки людей, они застыли в разных позах, наполовину увязшие, все в той же грязной пористой жиже, застывшие как мухи в смоле.

— Кто их так?! — воскликнул Матвей.

— Думаю, дом, — ответила Алиса и пошла вперед, аккуратно обходя скопления пористой грязи и мертвецов. — Он разумен, как и все дома. Только разум у него хищный.

Матвей ни за что бы не согласился сейчас выпустить ее руку. Нет уж, он хотел видеть куда идет и быть уверенным что не вляпается случайно в черную жижу.

— Это часто связано с землей на которой дом был построен. — продолжала Алиса, — Если здесь было похоронено, например, много самоубийц, то дом, который на такой земле будет построен, станет желать самоубийств и подталкивать к этому людей.

— И тогда все подростки будут бросаться с крыши?

— Скорее всего такой дом даже достроен не будет, — ответила Алиса. — Начнет-то он со строителей. Здесь, похоже, как раз такой случай.

Матвея передернуло. Они прошли через коридор, в котором почти не было места свободного от трупов. Матвей невольно присмотрелся к телам и задержал взгляд на

искаженном в гротекстной маске трагедии женском лице, а потом посмотрел на Алису — она была спокойна и даже довольна, как птичка по весне.

— Это люди? Настоящие люди?

— Отпечатки их душ. Все они здесь умерли, — кивнула Алиса.

— Как тебе удается быть такой... спокойной?

Алиса поглядела на него. Невинные детские глаза на лукавом личике.

— Им не станет лучше от моей скорби. Я думала в полиции быстро учишься не вкладывать эмоции в несчастье других.

Матвей промолчал о том, что даже работая в полиции он не видел кладбищ ужасней этого. Странно и страшно — узнать, что в мире существует зло кровожадней и опасней серийных убийц, зло которое ранее Матвей считал печальной, но все же нормой — везде бывают самоубийства и несчастные случаи, ничего с ними не поделаешь, никак не предотвратишь. А теперь выяснилось, что у этого есть причина и зло не наказано. Неприятное это было открытие для Матвея.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Здесь что-то есть, — сказала Алиса, хмурясь. — Что-то большее, чем сознание дома, что-то другое. След ведет именно туда.

— Это нужно прекратить, — сказал Матвей и сам не узнал свой голос, так жестко он звучал, — Это все. Не должно быть таких мест. Это не дом, это хищник, тигр-каннибал в деревне, и его нужно остановить.

— Думаю это в подвале, — сказала Алиса. На лестнице стало еще хуже. Здесь души были самыми старыми их лица стерлись и от людей осталась лишь серая масса, отдаленно напоминающая человека, да множественные грязные следы ужаса и отчаяния.

— Осторожно, — сказала Алиса, шагая по ступенькам, — Твой страх может сделать дом сильнее и он обретет над тобой опасную власть.

— Сейчас я не боюсь а злюсь.

— Ты удивишься, если узнаешь как быстро одно превращается в другое — сказала Алиса и Матвей в очередной раз удивился тому, как девушка не умеющая позаботится о себе, так плохо владеющая миром физическим, может быть так мудра во всем, что касается мира потустороннего. Ее знания и бесстрашие невольно внушали Матвею уважение.

А во всем что касается осязаемого мира он может и помочь.

Лестница кончилась. Дверь в подвал покосилась и висела на одной петле. Алиса уверенно направилась туда.

— Ты родилась такой смелой или много тренировалась? — спросил Матвей как бы в шутку, но в самом деле ему было не по себе: он здоровый мужик, многое повидавший нервничал больше, чем эта хрупкая девушка, спокойно проходящая мимо трупов и ужасов, и лезущая в пекло, в которое Матвей бы никогда не пошел без хорошего распятия.

— У меня была хорошая школа, — ответила она туманно, сосредоточенная на своих ощущениях, — Да и сейчас ничего страшного не происходит, разве нет?

Матвей нервно фыркнул. В подвале было темно хоть глаз выколи. Гуще чем везде висела темная взвесь, грязный туман, который отравлял воздух страхом. Протянутые под потолком трубы и провода зловеще напоминали змей и червей. Каждая дыра в стене казалась гнездом скорпионов или тараканов, каждый звук мерещился скрежетом когтей. Они несколько раз, а потом Алиса резко остановилась и Матвей увидел пролом в стене, через который смутно было видно дыру в полу с неровными краями.

— Здесь, — Алиса пролезла в пролом. От дыры, похожей на колодец, на дне которого обнаружилась яма с водой веяло чем-то таким, что Матвей едва не потерял голову от первобытного ужаса и если бы не рука Алисы, сжавшая его ладонь он точно бы побежал.

— Матвей, — позвала она. Он с трудом сфокусировал взгляд на ее глазах, спокойных и уверенных. — Матвей это не ты трус. Это дом манипулирует твоим настроением. Совершенно нормально бояться такого.

— Ты-то не боишься, — хрипло ответил он. Она пожала плечами.

— Конечно боюсь. Усратья как, вот прямо сейчас бы убежала с визгом куда глаза глядят. Но внутри меня всегда есть мудрая часть, которая упрямо идет вперед несмотря ни на что. Мне есть зачем.

Она лучезарно улыбнулась и шагнула к яме. Матвей увидел как под слоем темной грязной воды что-то мрачно сияет, как будто на дне лежало большое серебряное зеркало.

— Это разлом. Ворота в антимир, — сказала Алиса.

— Антимир?

— Ну, будь я священником я бы назвала это адом. Туда попадают души тех умерших, чьи грехи слишком страшны и тяжелы, чтобы возродиться на земле. Только это не ад для грешников, а действительно целый мир, противоположный нашему. Здесь смыслом жизни человеческой является стремление к свету, а там — падение, чем ниже, тем лучше. Я никогда там не бывала, и знаю удручающе мало. Я думаю, тот кто открыл ту дверь, пришел отсюда.

Алиса потянулась к краю ямы. Матвей хотел ее остановить, но не успел и слова вымолвить: мертвая рука со скоростью кобры схватила Алису за запястье.

Она не вскрикнула и не пошатнулась. Только вздрогнула всем телом и зрачки расширились так, что стало не видно глаз. Из воды медленно возникло существо. Почерневшая кожа, глаза как слепые бельма, спутанные волосы закрывали лицо. Оно передвигалось ломано как раздавленное насекомое. Матвей никогда не думал, что то, что кажется нарочитым в ужастиках выглядит настолько чудовищным и жутким в реальной жизни. Он бы отпрянул, если бы не вспомнил, что выпустив Алису перестанет видеть, а значит потеряет возможность и помочь ей. Бросать эту бесстрашную девушку он не собирался ни при каких обстоятельствах.

— Здравствуй, — голос Алисы почти не дрожал. Существо не могло выбраться из ямы. Замерло на ее краю, раскачиваясь и прислушиваясь, наклонив голову как птица.

— Ты здесь умер. Расскажи как.

Дух широко открыл рот. Черная пустота, кривые зубы и уродливые ошметки вырванного с мясом языка. Даже Матвей понял что призрак хотел этим сказать — свидетель из него никудышный.

— Тогда покажи, — не сдалась Алиса.

Призрак выпустил ее руку оставив на ней уродливый синяк и кривыми пальцами коснулся ее виска. Матвей, продолжавший держать Алису за руку, невольно провалился в видение мертвеца вместе с ней, как будто уснул с закрытыми глазами, падал падал пока не увидел...

Глава 6: Куда приведет ведьмина дочь

Оля нашла в маминой комнате сундук, а в сундуке — человеческую фигурку, сшитую из лоскутков и красной нитью перевязанную. У фигурки было лицо отца.

Ее мать, которую звали Варварой, рассказывала эту историю так: пришел к ней молодой парень, просил по руке погадать, мол как жить буду, где счастье найду, от чего умру. Посмотрела Варвара на его жизнь и увидела, что суждено юноше умереть молодым: совсем скоро влюбится он в девуцу из соседнего дома, да и бросится с семнадцатого этажа, когда та девушка с лучшим другом его переспит.

Был у него шанс спастись, вырасти и поумнеть — но только если ближайшие семь лет будет его женой кто-то, кто сумеет его от глупостей удержать. Раз увидела такой исход, значит выхода нет — не знать и мимо пройти, это одно дело, а когда знаешь чем можешь помочь и ничего не делаешь, это уже преступление. Решила Варвара мальчишку спасти и сделала на него привязку, но не такую какую делали другие ведьмы — на страсть и на сушку. Она привязала его бережно, ласково, чтобы не мучился он и не страдал, ведь всякий приворот это и так насилие, а насилие противно женской душе.

Все это она рассказала дочери, когда ей исполнилось семь лет. Рассказывая, Варвара достала приворот, бережно размотала нить и положила куколку в серебряный таз с холодной водой, тем самым положив колдовству конец.

На следующий день бывший мальчик, а теперь солидный мужчина, Олег Викторович, без памяти влюбился, но не в женщину, а в страну. Он страстно захотел уехать в Нидерланды, чтобы из простого психолога превратиться в крутого специалиста "коуча" как он сам то называл, и "начать по-настоящему помогать людям". Варвара отпустила его с добром, зная что будет там ему лишней.

Вскоре после его отъезда, она умерла.

То был не тяжелый рок, не злая судьба — она болела с детства, а срок что отмерили врачи, успела трижды пережить. Зная, что такие тяжелые болезни не даются просто так, а наследуются из прошлых жизней за недобрые дела, Варвара помогала людям — не ради них, а чтобы закалить свой дух, сделать себя лучше. Оля, ее дочь, считала что ей это удалось — до самой смерти в маме как будто горела лампадка. Свет ее согревал и прогонял мрачные мысли. Без мамы в доме стало темно и пусто.

Папа горевал так, как будто обрушилось полпланеты. Потом горе ушло, оставив после себя светлую, нежную грусть, которая поддерживала его в трудные времена. Он стал двигаться дальше, благо дела пошли в гору.

Подрастая под неусыпной заботой отца, Ольга знала: у нее ведьмино сердце, а потому ничуть не удивилась, когда начала чувствовать разные вещи, вроде бы обычным людям недоступные. Она всегда угадывала, когда врут, могла сделать неуютное место хорошим, договорившись с духами: Оля не видела их, но откуда-то знала что им нравится.

А еще Олю звал Дом. В их районе на старом пустыре как-то начали строить высотку. Строительство довели до середины, а потом что-то застопорилось и заброшенный долгострой уродливым гнилым зубом торчал посреди промзоны. Видно его было почти с любой точки района.

Что-то было в этом полуразрушенном здании, что Оля, в силу неопытности, никак не могла перевести на язык слов, но знала — Дом он не просто какой-то дом. И он притягивал

ее.

В конце концов, устав от его шепота, и от снов о Доме, после который она целый день ходила смурная, Оля решила сходить и разобраться, что к чему.

Другие попали туда вместе с ней случайно. У Егора, отличника в их группе, покойный отец был шахтером и оставил после себя коллекцию отличных фонарей, разного размера и назначения, от ручных прожекторов, до светодиодных налобников. Оля с Егором были не то чтобы друзьями, но ладили неплохо и потому Оля попросила у него хороший небольшой фонарь, не особенно вдаваясь зачем он ей. Егор согласился, ни о чем не спрашивая, но ее просьбу, как оказалось, запомнил. День спустя он подошел к ней на большой перемене, между алгеброй и академическим рисунком, и сказал:

— Ты собираешься пойти в заброшку. Ту, про которую говорят.

Оля от неожиданности хотела все отрицать. Но Егор считал себя "логическим типом" и слыл большим занудой: наверняка он целое расследование устроил, чтобы это узнать и Оля сообразила, что проще согласиться с ним, чем потом выслушивать многочасовое хвастливое доказательство его правоты.

— Ну да. И что? — как можно более равнодушно ответила она, втайне боясь, что Егор начнет ее отговаривать, или, чего доброго, настучит папе. После маминой смерти он окружал Олю повышенной заботой, а узнав куда она собралась, получит отличный повод посадить ее на домашний арест до конца учебы.

Он бы, конечно этого не сделал. Олег Викторович был психологом, а не тираном. Но Оля, как многие дети, значительно преувеличивала глупость и жестокость своего родителя.

А отличник Егор ее удивил. Смущенно и просительно он сказал:

— А можно мне с тобой пойти?

— Тебе-то зачем? — поразились Оля, никак не ожидавшая такого поворота.

— Так интересно же, да и папа бы... в общем, пойдём вместе!

И Оля согласилась: вдвоем правда лучше, чем одной. Вот только на следующий день ей пришлось о том пожалеть: Егор приволок ей подарочек.

Пришел, красный как рак, в сопровождении главного альфа-самца всея шараги — рослого типа по имени Георгий, известного как Гога — гроза выпускного курса. Оказалось, Егор случайно при нем проговорился и Гога вытянул из него все. Гога безапелляционно заявил Оле, что без него это событие пройти не может и ей пришлось согласиться: такого как Гога переубедить, все равно что танк зубочисткой останавливать.

Последней каплей для Оли стала ее подружка, Анечка, типичная блондиночка, довольно симпатичная, несмотря на слой штукатурки. Уму не постижимо как она догадалась про вылазку, но, ее интерес к походу в заброшку воспылал как торфяной пожар, стоило ей узнать что там будет и Гога. Тут уж Оля уперлась: ладно мальчишки, но какой прок там от Ани? Она ни за что бы ее не взяла, если бы Аня не пригрозила поднять такой шум, что не только Анин отец, вся шарага будет знать, кто подстрекает учеников шляться ночами по аварийным местам.

Так что, в назначенный день в окно на первом этаже заброшки влезли друг за другом все четверо.

Тут Алиса с Матвеем увидели их впервые. В этом воспоминании они были призраками, которые следили за призраками: Алиса не сомневалась, что все, кого они увидят, уже мертвы. Матвей втайне надеялся, что пострадал только один.

Они оба ошибались.

— У кого фонарик? — требовательно спросил Гога.

Егор и Оля синхронно подняли руки.

— Чего стоите тогда, светите, — распорядилась Аня, складывая руки на обтянутой тоненьким топом груди.

— Тебе тоже следовало бы фонарик взять. И одеться бы подобающе, кого ты собираешься таком виде клеить, призраков? — заметила Оля, отдавая свой фонарь Гоге.

— Ой, Оль, у тебя спросить забыла. Женщина всегда должна быть шикарной! — заявила она, призывно стреляя глазками в сторону Гоги.

— Идемте, — сказал Гога, светя фонариком вперед.

— Ой, можно я поближе пойду, я так темноты боюсь, — Аня с готовностью повисла на руке Гоги, глядя в его лицо с обожанием.

— Вот и иди сама, не волочь же мне тебя, — сердито ответил он, но стряхивать ее с себя не торопился. Только бросил на Ольгу короткий взгляд, которого она не заметила.

— Идемте в подвал! — предложил Егор, — Говорят, там двое рабочих утонули!

— Подвал затоплен? Разве под домом есть источник или труба? — удивилась Оля.

— В том то и загадка, что ни источника нет, ни воду сюда не подключали. А они утонули.

— Ты не выдумываешь? — протянула Аня.

— Ни в коем случае! Я и в газетах видел и в интернете читал.

— И я читал, — веско подтвердил Гога. — Значит, идем туда.

Подростки отправились вглубь Дома. Следуя за ними, Матвей чувствовал странное, как будто не они одни с Алисой следят за детьми. Он оглядывался и прислушивался, но преследователь никак себя не обнаруживал.

— Это Дом, — прошептала Алиса. — Наблюдает за ними. Усыпляет их бдительность, ведет все дальше. Он помогает тому, что в подвале.

— А что там? — хрипло спросил Матвей, чувствуя как крадетя к загривку жуть.

— Те, кто пришел из подмира.

Дом просыпался. Безликие лица вечных его пленников оборачивались вслед детям. Живые, наполненные горячей кровью тела волновали Дом. Мерзкой жадной рябью, похожей на голодное урчание, то и дело заходились стены. Темная летучая жижа плотнее обволакивала головы подростков, затуманивая мысли и забирая страх, заставляя своих жертв глупеть.

Они стали беспечны. Фотографировались на фоне граффити, громко смеялись, звали призраков, кричали совой, дурачились. Оля одна чувствовала: что-то не так. Она так напряженно вглядывалась в темноту, что наблюдающей за ней Алисе то и дело казалось, что девочка вот-вот увидит изнанку мира, поймет что к чему и уведет ребят. Но она не видела ничего, ей не хватало опыта, чтобы понять что так настойчиво подсказывает ей интуиция.

Одно она поняла ясно — в затылок ей дышит не обещание чуда, а опасность.

— Нам пора уходить, — сказала она. Гога молча покосился на нее, ребята же горячо запротестовали:

— Мы же только пришли. Зачем вообще влезали? — сквозь зубы прошипела Аня, теснее прижимаясь к Гоге и всем своим видом транслируя: "Посмей только испортить мой план и пожалеешь!"

— Мы же еще даже в подвал не спустились! — поддержал Анечку Егор, пытаясь скрыть дрожь в голосе.

— А чего ты здесь вообще забыла? — грубовато, но беззлобно спросил Гога Олю.

— Сама не знаю. Наверное, я хотела понять что это за место и теперь поняла что ничего хорошего в нем нет. Оно какое-то... хищное.

— Сама нас сюда затащила и сама испугалась? Что за времена! Ни на кого нельзя положиться, — мурлыкнула она, прижимаясь к Гоге мягкими частями тела, но он, гад такой, не обратил на ее маневр никакого внимания, зато поддержал Ольку-трусиху.

— Тогда уходим, — сказал, чем безмерно Олю удивил. Она была уверена, что он-то влез в заброшку для того чтобы крутость свою продемонстрировать, запостив свою физиономию на фоне всех самых жутких мест, включая подвал.

Оля училась с Гогой в одном училище около полугода, а Алиса, наблюдавшая за подростками меньше часа, сразу поняла: Гога сделает все, о чем Оля его попросит. Достаточно было увидеть разок как он на нее смотрит. Анечка это тоже замечала, потому из кожи вон лезла чтобы обратить его внимание на себя.

Когда оба неназванных лидера приняли решение уходить, группа нехотя развернулась и поплелась туда, откуда, по их мнению они пришли. Дом сразу сменил тактику. Комнаты и коридоры стали меняться местами, сбивая жертв с толку, заставляя их кружить. Куда бы они ни пошли, куда бы не свернули, каждый шаг лишь приближал их к подвалу и тому, что ждало их там.

— Ничего не понимаю, — сказал Егор, — светя на стены, — зуб даю, мы в этой комнате только что были. Но я ведь все время считал повороты, чисто логически мы не можем быть здесь!

— Наверняка ты что-то напутал, пустая голова! — вздохнула Аня.

Оля нервничала. Ее ощущения подсказывали ей, что путаница с выходами неспроста. Она начала смутно подозревать, что им противостоит нечто большее чем просто привидения.

— У меня тоже чувство, что мы кругами ходим. Так, стоп. Давайте все остановимся.

Все вопросительно посмотрели на Олю, ожидая продолжения.

— Мы явно заблудились. До рассвета осталась всего пара часов — предлагаю провести их здесь. С восходом солнца мы сразу найдем выход.

— Торчать тут два часа? Попы морозить? — возмутилась Аня.

— Остаемся. — сказал Гога.

— Извините, но я... я тоже не согласен! — с запинкой сказал Егор, — Мы чего-то испугались и даже не стали смотреть подвал... думаю надо туда сходить!

— Мы остаемся, — с нажимом произнес Гога, не замечая как сгущается вокруг него темное облако и Дом вкладывает в его голову свои слова: — Хотите идти — валите!

— А и пойдем! — воскликнула Аня.

"Если не получается близостью расположить мужчину, придется соревноваться с ним в крутости!" — решила она. Небось после этого он наконец посмотрит на нее, а не на эту трусиху Ольгу!

— Не ходите! От только этого и хочет, — возразила Оля, хмурясь.

— Да кто?

— Дом! — выкрикнула Оля, сильно краснея. Аня и Егор жалостливо уставились на нее как на дурочку.

— Ты глупости какие-то говоришь. Детский сад, — фыркнул Егор, — вот уж не думал что ты такая суеверная!

— Так бывает, когда твоя маман ведьма. Небось все детство бедной девочке голову морочила, — притворно вздохнула Аня.

Оля посмотрела на нее так, будто у Анечки выросла вторая голова. Она не могла поверить своим ушам — про маму она рассказала подружке еще в детстве, когда все было иначе и они еще не стали такими разными. Никак Оля не могла ожидать, что у Ани язык повернется использовать такие слова как оружие.

Аня и сама поняла, что перегнула палку, но Дом не дал ей долго предаваться угрызениями совести.

— Идем, Егор! — поторопила она, — Мы-то с тобой взрослые люди, темноты не боимся. Давай посмотрим что там за подвал.

Оля отвернулась и не видела, как ребята ушли. Они с Гогой остались одни.

— Шел бы с ними, — с неожиданной для себя злостью сказала Оля, — тебе-то что трусом слыть?

— Я-то знаю что не трус. Плевать что горят, — спокойно ответил он. — А тебя тут одну я не оставлю.

Оля обхватила себя руками, но холод был не снаружи, а внутри. Прикосновения Дома высасывали и благодарность, и сочувствие, но Оля все-таки нашла силы сказать Гоге:

— Спасибо.

***

Алиса потащила Матвея за собой туда, куда ушли Аня с Егором.

— Разве нам не те двое нужны?

— Они идут к подвалу. Мы с тобой обязательно должны увидеть, что случится, когда они дойдут, — выпалила на бегу Алиса, но у ближайшей развилки остановилась. В какую сторону Дом повел своих жертв?

— Что дальше? — спросил Матвей.

Алиса сняла с шеи маятник на длинной черной цепочке. Вытянув его перед собой и что-то шепча она повернулась сначала в одну сторону, затем в другую. Сначала Матвей решил, что она произносит какое-то заклинание, но прислушавшись, ничего не понял. Алиса не читала заговоров, а просила отца помочь ей отыскать путь в темноте, но Матвей не понял, кого она называет отцом и как он связан с умением ходить в темноте. Он решил узнать при случае.

Маятник закачался как гимнаст на трапеции, стоило Алисе повернуться влево.

— Бегом! — сказала она и рванула было вперед, но остановилась, словно споткнулась.

— Мы бежим или нет? — спросил Матвей.

Алиса опустилась на колени и подняла с пола что-то синее. Галстук-бабочку, удивительно чистый для такой грязищи.

— Не может быть, — едва слышно прошептала Алиса, потом потрянула головой, будто прогоняя наваждение, одной рукой сунула находку в карман, а другой схватилась за Матвея:

— У них совсем мало времени. Я чувствую его торжество — Дом почти их поймал. Бежим!

***

С каждым шагом в скучной холодной темноте, Аня все больше раздражалась. Гога не бросился за ней, как она надеялась, напрасно она ждала его тяжелых шагов за спиной и извинений. Бестолку все это и поход в дурацкий дом бестолку! Теперь ей хотелось скорей уйти, разбить дома несколько тарелок и вдоволь наплакаться, а вся эта затея и шаркающий

рядом Егор изрядно бесили.

— Ну и где этот подвал? — ныла она, — А короткий выход наверх там есть?

— Посмотрим, — смутился Егор, — На самом деле, я даже не знаю... я выучил карту этого здания, но ничего не понимаю, то ли я плохо учил, то ли карта не та...

Анечка тяжело и фальшиво вздохнула и Егор замолчал. Происходящее начинало его беспокоить. На бумаге этажи строились очень просто, а в реальности дом оказался какими-то катакомбами. Егор никак не мог понять в чем дело. Не может же быть такого, что пока он светит фонариком, все что остается в темноте быстренько меняется местами? Тогда отчего он каждый раз видел новую картину?

Егор едва не задел макушкой трубы, бежавшей под потолком и удивленно огляделся: потолок сильно опустился, где-то капала вода. Стены оплетали провода и железяки, коридор сузился.

Они были в подвале! Но Егор точно помнил, что они не прошли ни одной лестницы, как же так?

Он даже остановился от удивления и не заметил, что Аня продолжала идти вперед, всем своим видом показывая что тормозить из-за какого-то тугодума не станет. Потеряв ее из виду, Егор позвал ее, и сам испугался своего голоса, надтреснутого и испуганного.

— Ну тут я, тут, — отозвалась Аня. — Где твои рабочие утонули?

— Не мои, а строительной компании, — шепотом возразил Егор. — Наверное где-то здесь... послушай, что-то тут не так, может вернемся к ребятам? Там и выход найдем.

— Повернуть назад у финишной черты? Ну уж нет! — возразила Аня, сворачивая куда-то влево. Егор свернул вслед за ней, осветил и увидел что они влезли в какую-то дыру в стене. Из раскрошившихся осколков бетона торчала ржавая арматура.

— Разве ты не хотела уйти? — удивился Егор.

— Нет, с чего ты решил?

Как будто кто-то дохнул холодом Егору в шею. Он понял, что Аня все это время не оборачивалась. Он видел только ее спину, обтянутую розовой кофточкой и блондинистые кудряшки. Ему стало жутко и захотелось бежать как можно дальше и быстрее. Он сделал первый шаг назад.

— Смотри, что там? — Аня указала на что-то в темноте. Егор осветил туда и увидел большую дыру в полу, на дне которой поблескивала черная вода.

— Это действительно колодец! — от удивления Егор забыл про страх, — Но тут же нет источника... как так? Откуда вода?

Аня не отвечала и не смотрела на него. От нее веяло холодом.

— Вот мы молодцы! Теперь можем ребятам нос утереть, — натянуто сказал Егор, отступая. — Ты чего замерла Ань, пойдем. Или хочешь сфото...

Алиса с Матвеем, успевшие добежать до них, увидели, как Аня обернулась. Под пшеничной челкой не было лица — только серая масса с распахнутым голодным зевом. Она бросилась на Егора, схватила его за руку, которой он держал телефон и толкнула в колодец.

Мальчик завизжал и забился в черной воде, хватаясь за край. Матвей дернулся вперед, но Алиса остановила его:

— Все уже случилось, — сказала она с сожалением, но ее зеленые глаза оставались спокойны. — Ты его не спасешь. Помни: на самом деле ты сидишь на краю колодца со мной. Дернешься слишком резко и мы оба окажемся там же где и он.

Существо, притворившееся Аней, прыгнуло в колодец вслед за Егором. Оно обвило его

всеми конечностями, не давая двинуться. Мальчик отчаянно хватал ртом воздух вместе с водой, но тщетно — удержаться на поверхности не получалось.

Вместе с криком что-то отрывалось от его головы и тела, темными светящимися облаками оседая в воду..

— Там, светится. Что это? — спросил Матвей, отводя взгляд и стараясь не слушать жутких захлебывающихся криков.

— Его ужас и паника. Они кормят колодец и то, что в нем. Пойдем. Мы видели достаточно.

Егор уже почти не кричал, его голова появлялась над водой все реже. Монстр в обличье девочки раззявил пасть и вцепился в горло своей добычи.

— Ты ему не поможешь! — повторила Алиса и в который раз Матвей подумал, как она может быть такой бессердечной.

— Все равно. — ответил он. — Мы единственные, кто видит его смерть. Мы должны досмотреть до конца хотя бы из уважения.

Он ожидал, что она станет спорить, но Алиса кивнула молча и встала рядом. Вскоре все затихло и перестали всплывать пузырьки. В наступившей тишине Матвей чувствовал как будто должен что-то сказать, но в голову ничего не шло и от этого было еще поганей.

Алиса взяла его за руку и он покорно последовал за ней туда, где оставались в живых еще двое... стоп, а двое ли?

— Погоди...Если на Егора что-то напало и это была не Аня, то где же тогда настоящая Аня?...

Глава 7: Кошмары

Аня вечность бродила в темноте, про себя ругая Егора, Гогу, Олю, всю эту дебильную затею и себя, дурочку, на нее согласившуюся. Ну Егор, каким олухом надо быть чтобы потеряться в такой момент. Глухая тетеря, неужели не слышал, как она его звала?

Злость помогала Ане не бояться. Мама предупреждала ее: "Бояться — нормально, но не позволяй страху завладеть тобой. Человек, поддавшийся панике сам себе страшный враг".

Поэтому Аня предпочитала злиться, но долго сердиться не умела. Гога же не был обязан сразу бросаться ей в ноги, сраженный ее красотой, ее бы это даже разочаровало. А от Егора смешно было ждать смелых поступков, хоть и ясно было, зачем он отправился в эту вылазку. Призрак отца-шахтера не давал Егору покоя. Мертвый героический предок — плохой пример для подражания, смерть придает таким совершенство, которого невозможно достичь. Да и Оля не такая уж и плохая подруга, а Аня поступила нехорошо, сказав так про ее маму...

Злость растаяла и ее место заняла жуть, липким масляным пятном подернулись мысли.

В сгустившемся мраке девушка развела руки, пытаюсь найти стену, которая только что была рядом, но вокруг была бесконечная космическая пустота. Она помахала рукой у себя перед носом, открыла-закрыла глаза и убедилась, что никакой разницы нет.

В мертвой тишине, звук собственного тяжелого дыхания оглушал. Аня захныкала от страха, как маленькая побитая собачка, до боли распахивая глаза, пытаюсь увидеть хоть-что-то и пяясь, чтобы за спиной оказалась стена. Она очень боялась что что-то бросится на нее из-за спины. Ей казалось, что по плечам ползает чей-то жадный голодный взгляд.

Шаг, еще шаг, и спина наконец уперлась во что-то... теплое.

Аня с визгом отпрянула. Чьи-то руки схватили ее за горло.

— Нет, господи, нет! — крикнула она вне себя от ужаса и хватка вдруг ослабла.

— Ань, ты? — она услышала тот голос, про который думала долгими вечерами, лежа дома на кровати, о котором мечтала, просиживая зазря уроки английского — ну какой английский, когда тут Любовь?

— Гоша? Гошенька! — выдохнула она и расплакалась от облегчения, боясь отпустить его руки, как будто он мог раствориться в темноте. Он по-доброму усмехнулся:

— Если бы я и сомневался, не притворяется ли кто тобой, то теперь перестал. Ну чего ты реवेशь?

— От облегчения, дурак! Егор куда-то пропал, я тут шатаюсь в потемках... а где Оля? Она с тобой? — вспомнила Аня про подругу, снова испытав укол вины. Не стоило так про ее маму, не стоило.

— Оля ушла, а я запомнил где выход и пошел вас искать... вы хоть и ржали над ней, но я думаю она права. Дом разумен и задумал что-то плохое.

Забыв, что он ее не видит, Аня, поежившись, кивнула. Сейчас ей было не до смеха. Она думала о красивых глупеньких героинях из фильмов ужасов, которых всегда убивали одними из первых. Вместе с ботаниками.

— Тогда пойдем искать Егора. Я все время шла прямо, но здесь что-то не так с комнатами, они как будто меняются.

— Разве ты не хочешь сперва выбраться сама? — удивленно спросил Гоша.

— О чем ты спрашиваешь, конечно хочу! — воскликнула Аня. — Я уссалась тут от

страха одна, и больше всего на свете хочу бежать подальше от этого домишки. Но если мы сейчас не найдем Егора, мы никогда его не найдем и это будет на моей совести.

"Егор конечно зануда и дурак, но смерти не заслужил." — думала она.

— Но если Дом его сожрал, где здесь твоя вина?

— Я просто это знаю, — сказала Аня и вложила свою ладонь в ладонь парня. — Пойдем, Гош. Надо постараться его найти.

Он молчал и его молчание Аню напугало. Волоски на шее приподнялись от нехорошего предчувствия.

— Ты чего? Пойдем же! И... Гош, а где твой фонарик, если Оле он больше не нужен?

— Ты идешь спасать другого, даже не друга, просто потому что это правильно. Я думал о тебе хуже.

Аню бросило в холодный пот. Может ей казалось, но голос теперь как будто повышался, становился глубже... и даже рука в ее ладони стала вытягиваться и меняться.

— Гош... ну не пугай меня. Где твой фонарик? Пойдем пожалуйста, — прошептала она.

— Дело в том, что я не Гоша. — ответил ей голос, теперь совсем не похожий на голос того, кого она думала, что любила. — Но фонарик у меня есть.

Вспыхнул свет.

Секунду Аня стояла ослепшая, пытаясь сдержать паническую дрожь, но когда ее зрачки привыкли к свету и она увидела кто перед ней, она не сдержала крика.

***

Маятник Алисы не двигался.

— Что это значит? — спросил Матвей, переводя взгляд с камешка на застывшее лицо Алисы.

— Это значит, что в этом мире ее больше нет, — ответила Алиса и смотала шнур. — Пойдем, найдем других подростков. Они еще должны быть живы.

— Нет в мире то есть мертва? — мрачно спросил Матвей.

— Нет. Не обязательно, — ответила Алиса, сжав в кармане галстук-бабочку.

***

Оля и Гога сидели уже давно. Много раз Оле говорили, как вредно сидеть на холодном и она была уверена, что отморозит себе зад об бетон. Но камень не был холодным. Ей даже казалось, что она чувствует какую-то отвратительную пульсацию, когда прикасается к нему.

Чем внимательней она прислушивалась, тем медленней билось ее сердце.

— У тебя есть часы? Сколько времени? — спросила она Гогу, желая как-то отвлечься.

Он достал мобильник, нахмурился. Нажал какую-то кнопку, потому другую, все больше мрачней.

— Что такое? — спросила Оля, стараясь, чтобы ее голос не звучал испуганно.

Гога молча показал ей экран. На нем высветились нули, но полночь давно миновала. Оля облизала пересохшие губы и тут издали раздался крик. Оба вскочили.

Крик приближался и, несомненно, был женским.

— Аня! — Оля бросилась туда, откуда раздавался крик, но Гога ее задержал — сгреб в охапку и прижал к себе.

— Не ходи! — сказал.

— Да нет же, выпусти меня! Там Аня!

Гога покачал головой, не обращая внимания на ее попытки вырваться:

— Голос не приближается, — сказал он, — Он кружит, чтобы заманить тебя.

Крик оборвался. Оля замерла, тяжело дыша. На лбу у нее выступила испарина. Они с Гогай кружили на месте, оглядывались на стены и на потолок, инстинктивно чувствуя: Дом смотрит на них оттуда.

Сухим шорохом рассыпался его тихий смех. Его можно было принять за любой другой звук — скрип балок, течение воды в сломанном стояке, но они знали — Дом смеется над ними и их попытками сохранить рассудок.

— Черт побери, — выдохнула Оля и сразу прикусила губу. Только черта им здесь тут не хватало.

— Ты знаешь, что значат эти нули на телефоне? — спросила она, и не дожидаясь ответа, продолжила:

— Это значит, что нам нечего ждать. Рассвет никогда не наступит!

Она хрипло рассмеялась. В ее смехе отчетливо звучали визгливые нотки истерики. Гога встряхнул ее, но она захохотала еще громче: какой смысл! Как нелепы их попытки успокоить друг друга и спастись — они уже в ловушке! Выхода нет!

Гога развернул ее к себе и неожиданно плеснул ей в лицо холодной водой из бутылки. Оля захлебнулась, закашлялась, икнула и вдруг успокоилась. Страх все еще бился в венах, а Дом звенел эхом ее смеха по углам, но способность думать вернулась к ней.

Оля сказала:

— Нам придется двигаться хоть куда-то. Сложив руки мы лишь добьемся того, что Дом сам к нам явится.

Что-то отчетливо зашуршало за дверным проемом и оба оглянулись. Все затихло.

— Мне не нравится эта идея. — ответил Гога. — Но я пойду с тобой.

— Мы в одинаково уязвимы, и оставаясь здесь, и пытаюсь найти выход. Дом повсюду. Лучше уж идти, — сказала Оля, передавая Гоге фонарик.

— Нет, — прошептал Матвей, забывая о том, что дети их не слышат, — Двигаясь вы лишь придете туда, куда Дом хочет.

— Но она права и в том, что Дом бы рано или поздно отыскал способ их выманить, — возразила Алиса.

— Значит у них нет выхода? Все пути ведут их к смерти?

— Если выход не очевиден, это не значит, что его нет, — туманно ответила Алиса и поморщилась, — Банально, но я правда не знаю. Надеюсь что все не так плохо, как кажется.

— Двое детей уже умерли. Все хуже некуда.

— Все это случилось лет десять назад, судя по мобильникам, — вдруг сказала Алиса.

— И?...

— Отдел должен был разобрать это дело и закрыть портал в подвале. — Алиса нахмурилась, — гибель четверых подростков должна была привлечь их внимание. Не понимаю, почему портал все еще действует.

Оле и Гога их путь дался очень легко — ни единого приключения не подстерегало их по дороге.

— Дому нужно чтобы они шли вперед, а не бегали кругами, — сказала Алиса. — Он раззадорен закуской и предвкушает пир. Ведет их прямо к столу.

— Мерзость. — со злостью сказал Матвей. — Зачем нам на это смотреть?

— Увидев прошлое мы поймем, что делать в настоящем, — ответила Алиса.

— Ты что-то понимаешь? Я — только то, что это проклятое здание нужно уничтожить! Это зло. Я не могу поверить, что ты можешь просто спокойно смотреть на то как дети

умирают, и ничуть не мучится от собственной беспомощности. Что ты за человек бездушный такой?! Что ты, черт побери, за девушка?!

Замершее выражение ее лица подсказало ему, что он перегнул палку, зато ему стало легче — злость прошла.

Алиса сказала:

— Сейчас я отпущу тебя и ты снова окажешься в настоящем рядом с колодцем. Подожди, пожалуйста, пока я не закончу. Думаю, осталось увидеть только финал.

Матвей почувствовал себя неправильно. Он как будто струсил. Теперь Алисе придется пройти через все это одной.

— Это не ты меня держишь, а я тебя, — ответил он, — отпускать не собираюсь. Лишняя пара глаз тебе пригодится.

Алиса кивнула в ответ, но напряжение между ними никуда не делось. Матвей почувствовал, что разговор не закончен.

***

Оля нахмурилась и прижала свободную руку к сердцу. Другой рукой она сжимала плечо Гоги — они договорились ни за что не выпускать друг друга. Если Дом сумел украсть голос Ани, он наверняка сумел бы притвориться и кем-то из них, чтобы заманить в ловушку.

— Что такое? — спросил Гога, заметив ее жест и остекленевший взгляд.

— Я... чувствую нетерпение. Но оно не мое.

Гога молчал.

— А Дома, — закончила Оля.

Фонарь в ее руках погас и дети замерли в полной темноте, держась друг за друга. В следующую секунду свет загорелся снова, но осветил совсем не тот коридор по которому они только что шли, а другой — темнее, более влажный.

Свет погас и вспыхнул. Коридор изменился, они перескочили на несколько метров вперед.

— Нет. Нет! — крикнула Оля, тряся фонарь, но он погас снова и снова загорелся, еще и еще, быстрее. Кадры менялись, менялись, коридор надвигался на них, пока свет не перестал гаснуть.

Оля и Гога увидели дыру в полу, черную воду и то, что смотрело на них из колодца.

Оно потеряло терпение. Оно хотело есть.

У девочки не хватило сил даже закричать.

Глядя на эту сцену, Матвей вдруг сжал руку Алисы так что она явственно услышала хруст костей.

Его зрачки сжались в точку, тело одеревенело. Ужас ослепил его, обездвиживал, лишил воли и мыслей. Алиса поняла что так же он влиял на детей, но почему-то не на нее.

Она боялась, но по-прежнему могла себя контролировать. Почему?

— Матвей, — позвала она, — Матвей, посмотри на меня.

Он с трудом перевел на нее взгляд. На скулах вздулись желваки — он сжал зубы так, что они чуть не крошились.

— Это все — не по-настоящему. Хорошо? Это скоро закончится, потерпи чуть-чуть.

Существо из колодца протянуло руку к подросткам.

Тогда, мальчик поцеловал девочку. Это вывело ее из оцепенения, глаза стали осмысленными, удивленными. Мальчик по имени Гога сказал:

— Закрой глаза и беги так быстро, как только сможешь.

А сам шагнул назад.

Черные руки существа обвили его, глаза блеснули на девочку из-за его плеча, но она этого уже не видела — она послушалась его и бежала.

Бег привел ее к разошедшейся двери, в которую она врезалась всем телом и в облаке пыли и щепок вывалилась навстречу поднимающемуся солнцу.

Оля была единственной выжившей. Стройку закрыли, милиция провела расследование, но ничего не нашла.

Какое-то время за девочкой наблюдали психологи, но она быстро перестала рассказывать историю про привидений и хищный дом. Ей не хотелось попасть в психушку.

Все что случилось на самом деле, она записала, тетрадь заперла и постаралась забыть обо всем. Приступы страха иногда возвращались и тогда она снова начинала бояться темноты, высоких домов, колодцев и подвалов. Изредка ей казалось что она все еще в Доме — и реальность плыла перед ее глазами, она снова видела черный колодец, серые стены, грязный пол.

В такие моменты она отчетливо ощущала пуповину страха, которая связала ее с Домом и понимала почему он ее отпустил — так, в любую секунду, он мог дотянуться до нее, подуть холодом в ухо и вкусить ее страха, как редкого деликатеса.

Когда она бежала из дома прочь она еще не знала что какой-то своей частью остается в Доме навсегда.

Мальчик по имени Георгий умер как только существо прикоснулось к нему, но на этом его приключения не закончились.

Видение пропало. Матвей увидел иссохшего призрака, но посмотрел на него теперь совсем по-другому. В нем не осталось ничего от высокого большого и смелого парня. Его ломали много раз, забрали все силы, привязали здесь. Матвей хотел помочь призраку, прекратить этот кошмар и наказать того, кто во всем виноват.

А Алиса достала синий галстук-бабочку, который нашла в одном из коридоров и показала ее призраку:

— Откуда это здесь? Ты видел того, кто принес ее?

Перед глазами Матвея все еще держащего Алису за плечо промелькнул ворох смутных картинок. Пустые коридоры, безликие чудовища, лестница. Призрак вспоминал

— Стой! — вдруг крикнула Алиса. — Последнее, покажи еще раз!

Матвей снова увидел лестницу. Кто-то шел по ней верх.

— Еще раз! — попросила Алиса с дрожью в голосе — от ее спокойствия не осталось и следа.

Снова лестница, по которой поднимался высокий мужчина. Он обернулся, как в замедленной съемке и Матвей увидел смутно лицо и глаза, холодные, как река подо льдом.

— Джентльмен, — прошептала Алиса, безотчетно сжав плечо Матвея.

— Кто это? — спросил Матвей. Видение ему не понравилось.

— Его я ищу, — сказала Алиса. — И он был здесь, но зачем?...

Призрак поднял голову, как пес, услышавший далекий голос хозяина. Он поднял черные плети-руки и стал махать ими, указывая на выход.

— Кажется он хочет чтобы мы ушли. — сказал Матвей.

— Я еще не все узнала. Джентльмен был здесь, я должна знать почему, куда он ушел. Покажи мне еще!

Призрак робко протянул к ней руку, открыл рот...и из него вышел коготь размером с

бивень.

Алиса отпрянула, прижимая руку к груди, Матвей поднял ее на ноги и оттащил к стене.

Из колодца, переваливаясь с боку на бок, лезли уродливые монстры с тремя когтями на каждой из четырех лап. У них были узкие морды гончих, широкие грудные клетки и пасти полные кривых клыков.

Тот из них, кто заткнул призрака, вынул коготь и вознил лапу еще раз, раздирая призрачное черное тело на грязные ошметки.

— Нет! — вскрикнула Алиса, когда все что осталось от призрака упало в колодец. — Что же...

Монстры подступали к ним, окружая людей.

— Ты кажется говорила что призраки нематериальны? — спросил Матвея найдя ладонь Алисы и сжимая покрепче.

— Да.

— Тогда почему они ведут себя так, словно они могут причинить нам вред?

Ближайший монстр глухо зарычал и изготвился к прыжку.

— За мной! — едва успел сказать Матвей. Монстр прыгнул. Матвей бросился вбок, увлекая за собой Алису, увел их из-под удара и рванул вперед, туда где освободилось пространство перед проломом. Монстр пролетел над ними, только кончик костлявого хвоста успел хлестнуть Матвея по плечу. Путь был свободен и они побежали по коридору.

С ревом рычанием и улюлюканьем за ними побежали твари. На бегу Алиса оглянулась и увидела что они бегут по потолку и стенам так же легко как и по полу.

— Нужно выбираться из подвала! — крикнула она.

— Если бы я еще знал в какую сторону!

— Сюда, — Алиса затащила Матвея в какую-то щель в стене. Просочившись сквозь нее они оказались на лестнице и побежали наверх.

Дом оживал. Мрачные фигуры тянули к ним руки, стараясь задержать их, шептали, хватили за полы одежды, пачкая их темной массой. Двое бежали что есть сил, выше, еще выше, дверь на первый этаж заклинило и они добежали до второго.

Звуки за спиной подсказывали, что твари не отстают.

Они неслись по коридорам мимо недостроенных комнат. Пульс дома, его злость и азарт чувствовался во всем — под пятками, по живой тьме в углах.

Коридор резко оборвался двойными дверьми, запертыми и заваленными каким-то строительным хламом. Тупик! Матвей оглянулся. Твари нисколько не запыхались от бега. Из пастей капала едкая слюна, хвосты били по бокам.

— В комнату, — сказал Матвей, увлекая за собой Алису. Она бросила взгляд на его плечо и увидела, что куртка и рубашка на нем порваны и неглубокая рана сильно кровоточит. Твари были материальны.

А значит, могут их убить.

Они отступали в комнату пока не уперлись спинами в стену. Твари медленно наступали. Они знали что им некуда торопиться. За спиной людей было только окно. И никакого карниза или водосточной трубы, а высота как будто не второй этаж, а сотый.

— Мы не прыгнем, — тихо сказал Матвей, — Так легко вы нас не возьмете.

Монстры зарычали, их рык был похож на хохот. Матвей заслонила Алису собой.

— Ну давайте, — сказал с широкой улыбкой. — Подходите.

— Когда они бросятся, беги, — тихо но отчетливо сказал он Алисе.

Она покачала головой:

— Не вздумай!

— Я знаю, что делаю. А тебе еще надо спасти других.

Алиса хотела сказать, что ни за что его не бросит, а твари прыгнули — все четверо сразу. Матвей поднял локти, чтобы первым порвали не лицо и появился шанс выстоять дольше. Он собирался драться до последнего, чтобы дать Алисе шанс.

Но не понадобилось: мир вспыхнул.

Золотое пламя прокатилось по стенам, по полу, выжигая черную грязь. Твари вспыхнули в воздухе как сухие тряпки и сгорели мгновенно без крика — только невесомый серый пепел растворился в воздухе, оседая на стенах и лицах людей уже успевших распрощаться с жизнью.

— Неприятное место, не правда ли? — Белый отряхнул руки, оглядываясь по сторонам с беспокойством: не обляпать бы белый шарф. — Паразитов опять же развелось. Вот что, почему бы нам отсюда не уйти, пока еще какие тараканы не набежали?

Глава 8: Их фобии

Пять лет назад.

На ней было черное платье, все в кружевах и грим, как у печального арлекина. Вблизи он выглядел таким пугающим, что она старалась отвернуться от зеркала.

"Да что со мной?"

Сердце стучало в горле. Звуки со сцены завучали как сквозь вату — ревели трубы, рыдали скрипки, сквозь завесу музыки прорывались отзвуки арий. По ним Аня догадалась что ее выход совсем скоро.

"Возьми себя в руки!"

Она подняла кисть: пальцы в плену черного кружева крупно дрожали.

"Девочки, ваш выход", — прозвучало в динамике и Аня заставила себя встать и пройти на стеклянных ногах несколько шагов. До сцены она так и не дошла, бесследно исчезла в глухом коридорчике между гримеркой и кулисами.

***

Матвей молча положил перед Алисой одну из двух последних слоев с сыром и стаканчик кофе из автомата. От звуков, которые издавал ее урчащий живот его собственное нутро начинало мучительно ныть и Матвей кормил Алису, чтобы не страдать от ее неспособности о себе позаботиться.

— Мы нашли в подвале того дома, целый портал в подмир, он там уже не меньше десяти лет и уже переубивал кучу народа.

Алиса впилась в булочку зубами и проглотила, не жуя, чтобы не прерывать надолго своего страстного монолога:

— Эти двое — союзники. Дом помогает какому-то существу из подмира. Твари, выбравшиеся из портала, чтобы нас убить, были материальны, что вообще-то считается невозможным.

— Я тоже не откажусь, — обратился Белый к Матвею и получил последнюю булочку. Белый с удовольствием обнюхал ее и деликатно откусил краешек.

Закончив кормить колдунов Матвей сел рядом с Алисой, напротив стола Белого, чистого, как взлетная полоса.

Еще утром в жизни Матвея не было призраков и монстров, все было непросто, но понятно. А после безумной прогулки по Дому, видений и кромешного ужаса, реальный мир казался ему ненастоящим, фальшивым, словно очередная иллюзия Дома, играющего с жертвой.

Так и начинается паранойя, подумал Матвей, разглядывая Белого. Его глаза уже приобрели обычную прозрачность и зрачки стали нормальными. В светлом костюме с черными пуговицами, Белый снова был похож на заблудившегося участника викторианского карнавала.

— Вы нашли связь между Домом, и пропажей группы? — спросил Белый, когда Алиса сердито и непонимающе замолчала, чувствуя что ее слушают невнимательно.

— То, что "помогло" группе исчезнуть, пришло из портала в Доме. Оно знало как открыть дверь в театре и это его Дом кормит, пожирая людей.

— Какая забота, — рассеянно сказал Белый, обкусывая слойку.

— Я пойду по следу существа в подмир, — сказала Алиса.

Белый достал салфетку, аккуратно пристроил слойку в ее центре, сложил пальцы домиком и сказал ласковым тоном завуча средней школы:

— В подмир никто не пойдет.

Алиса привстала на стуле и повысила голос:

— Но главный подозреваемый там! Если бы я...

Белый перебил ее жестом и, хоть его голос был предельно спокоен, Алиса почувствовала смутную угрозу и вспомнила, как быстро сгорели твари, охваченные смертоносным золотым огнем.

— Я только что потерял четверых. Было бы неслыханной небрежностью терять еще и тех, кто ищет их. Ты собираешься влезть не в бандитский квартал, а туда, где порождение тьмы будет на своей территории, сильное, как никогда в земном мире. Ты как себе представляешь этот допрос?

— Но я же... — начала возражать Алиса, но Белый снова ее перебил и каждое его слово сметало аргументы, которые она еще не успела сформулировать:

— Ты не особенная. Ты человек. Твое родство тебе ничем не поможет и в подмире ты будешь так же уязвима как и любой человек.

— Но как же вы собираетесь отыскать своих людей, если не желаете поймать того, кто организовал их похищение?

— Это не единственный способ. Вы пойдете с другого конца: соберите информацию о театре, выясните какими людьми были пропавшие, что скрывали и зачем кому-то из похищать.

— А что они делали в театре? — подал голос Матвей.

Белый одобрительно посмотрел на него:

— Этот вопрос, — сказала он, обращаясь к Алисе, — вам следовало задать в самом начале. Театр закрыли несколько лет назад, был большой скандал. Во время спектакля исчезла одна из актрис. На тот момент расследование ничего не дало. А неделю назад там снова стали исчезать люди. Группа отправилась изучить это место и исчезла почти в полном составе. Я уверен что у всех пропавших было что-то общее, и вы должны узнать, что.

Алиса открыла было рот, но Белый не дал ей даже начать:

— Поход в антимир не обсуждается. У вас шансов выжить там не просто мало, а нет совсем. Теперь я попрошу вас обоих написать подробный отчет обо всем, что произошло сегодня. А завтра возьметесь за исследование личностей пропавших. Всем спасибо.

Белый сложил руки на груди, давая понять что разговор закончен и никакие уговоры не изменят его решения. Алиса молча встала и вышла из кабинета. Она как будто хмурилась всем телом.

Матвей не спешил уходить, у него появился вопрос, который он не стал бы задавать при Алисе, но раз уж она ушла...

Белый, блаженно зажмурившись доедал слойку. Матвей решил что лучше уж спросить как есть, чем трезаться:

— Вся эта магия, призраки, чудовища... вы уверены, что вам нужен кто-то вроде меня?

— Мне нужен именно ты, — сразу ответил Белый, как будто ждал этого вопроса.

— У меня нет ни опыта, ни знаний. Я не вижу никакой изнанки мира, пока Алиса мне не покажет. Я не такой как вы.

"И не уверен, что хочу быть как вы".

— В том-то все и дело. Ты знаешь кто такие медиумы?

Матвей отрицательно покачал головой.

— Они вечно живут на границе между мирами. Их сознание способно цеплять то, о чем иные, крепко сидящие в своих телах, и понятия не имеют. В этом их сила, и в этом же — слабость. Они легко могут уйти слишком далеко, потерять связь с реальностью. Их просто контролировать. легко манипулировать. Медиуму нужен рядом человек, твердо стоящий на ногах. Тот у кого есть устойчивая картина мира, компас, отличающий землю от небес. Ты нужен Алиса, чтобы ее не завело туда, откуда она не сможет вернуться. Без тебя она пропадет.

— Вы должны знать, что она отправится в подмир, несмотря на ваш запрет. Рано или поздно.

— Конечно отправится. И ты будешь ей очень нужен в тот день. — кивнул Белый, бесконечно удивив Матвея своим спокойствием.

— Так вы не собираетесь ей мешать? А как же разговоры о том, что это слишком опасно и нет никаких шансов выжить?

— Все правда, — невозмутимо ответил Белый. — Поэтому ни за что не давай ей идти туда одной.

— А вы...?

— Я не могу пересекать эти границы. Для меня это невозможно. Алисе можешь помочь только ты. Поэтому ты здесь.

Матвей только кивнул, показывая что все понял. Больше сказать ему было нечего и он пошел за Алисой. Ей наверняка нужна помощь с отчетом.

***

— Завтракала? — спросил Матвей, едва Алиса села в машину следующим утром.

— Нет, — ответила она, мрачно глядя в окно. Было пасмурно. Ветер гонял первые опавшие листья по мокрому от ночного дождя асфальту.

— Вот и хорошо. Могу себе представить, чтобы ты ела, — фыркнул Матвей и остановил машину напротив маленькой недорогой столовой, где бывал, когда еще был стажером.

Поев Алиса немного повеселела.

— Так что мы будем делать сегодня? Как я понимаю, командуешь ты.

— Общем квартиры исчезнувших, узнаем какие они люди. — Матвей едва не сказал "были". В глубине души он не очень-то верил что они до сих пор живы.

— Хороший способ познакомиться с будущими коллегами, — фыркнула Алиса, а потом осознала что только что сказал Матвей и округлила глаза. — Seriously? Просто возьмем и завалимся в их дома и станем рыться в их корзинах для белья?

— Seriously, — подтвердил Матвей, — Белый считает, что жертвы как-то связаны, значит надо искать как.

— Они связаны тем, что работали в одном отделе. Я не Шерлок и то понимаю что это основная причина. — мрачно покачала головой Алиса, — Ну пороемся мы в их жизнях, и что? Нам нужно взяться за того, кто их заманил...

— Это слишком опасно. — возразил Матвей, — Ты помнишь что...

— Белый это сказал. Он в жизни никуда кроме этого мира не совался. — поморщилась Алиса.

— Тем не менее, нам придется делать то, что он хочет, хотя бы для того, чтобы написать тот объемный отчет, на который он рассчитывает, — сказал Матвей, намеренно поддевая Алису. Первый опыт составления отчета оказал на нее неизгладимое впечатление.

несмотря на то, что большую часть сделал Матвей. Алиса издала зловещий стон.

— Ненавижу отчеты! Какая-то безумная бессмысленная скука!

— Еще скучней будет, если писать будет не о чем. Поехали. — сказал Матвей, подводя таким образом итог завтрака.

Всю дорогу Алиса ворчала на ту же тему:

— Как рытье в грязном белье поможет на раскрыть дело? Мы попусту время теряем.

— Кто знает. Может мы найдем важную подсказку. Если Белый думает, что так надо, значит ему видней.

Алиса несогласно покачала головой и вышла следом за напарником из машины: приехали.

Это был необычно зеленый для Москвы район: между пяти и восьмиэтажками бурно зеленели палисадники, художественно заросшие кустами и стихийными колумбариями.

Матвей сверился со своими записями:

— Здесь живет Екатерина. Она в группе... ликвидатор?

— Кто-то же должен уничтожать всякую нечисть, — пожалала плечами Алиса, — будь с нами в Доме ликвидатор, нам не пришлось бы уносить ноги от тех тварей.

— Я думал с этим всегда справляется Белый.

Странно было представить убийцей девушку. Мешали стереотипы приобретенные на работе в полиции — оперативниками всегда были вооруженные до зубов здоровые мужики.

— Еще чего! Не вмешиваться — главный принцип работы Стража, а Белый — Страж.

— В нашем-то случае он вмешался.

— Это не значит, что он будет поступать так каждый раз, — ответила Алиса и распахнул дверь подъезда.

В старой пятиэтажке не было лифта. Подъезд был на удивление чистый, на подоконниках стояли ухоженные домашние цветы в простых глиняных горшочках.

Нужная дверь нашлась на четвертом этаже. В квартире было темно и тихо: девушка жила одна, без животных. Матвей по старой привычке надел перчатки и бегло осмотрел территорию.

На первый взгляд это была обыкновенная однушка, принадлежащая молодой девушке. Обои и занавески в цветочек, на стульях чехольчики нежных цветов, кровать аккуратно заправлена розовым пледом, все как с картинки.

— Кукольный домик, — изрекла Алиса и села на кухне, откуда более или менее было видно всю квартиру. — заключаю, что девушка, живущая здесь — идеальная хозяйка. Точка. И как эта сверхценная информация поможет нам отыскать ее?

— Не собираешься посмотреть своим особенным зрением? — спросил Матвей, что-то внимательно разглядывая на полочке в шкафу.

— А зачем тратить силы? Мне и так все ясно. Вердикт — скука.

— Подойди сюда.

С преувеличенно тяжелым вздохом Алиса встала и подошла к нему. На полке за стеклом была помещена фотография без рамочки: молодая светловолосая девушка с ребенком на руках. Оба выглядели очень счастливыми.

— Я ждала большего. У тебя был голос будто ты отрезанную голову отыскал.

— Тебе ничего странным в этой фотографии не кажется?

— Неа, — сказала Алиса, жизнерадостно качая головой.

Матвей усмехнулся и сказал со значением:

— Кроватки нет.

Алиса огляделась, будто недостающая мебель могла обнаружиться где-то рядом.

— Может она не отсюда родом и ребенок у ее родителей?

— У нее своя квартира в Москве и нет средств содержать ребенка? — поддел ее Матвей.

— Она могла неудачно развестись, и ребенок остался у мужа...

— Тогда фото было бы на виду, а не запрятано в самый темный и невидимый угол спальни. Увидеть его можно только если подойдешь и посмотришь специально. Так делают, когда хотят забыть, но не могут.

Алиса нахмурилась, подошла к фотографии и присмотрелась внимательно.

— Ну что, все еще кажется, что смотреть не на что? — спросил Матвей.

— Не кажется. Ребенок мертв, — сказала Алиса и протянула ему руку, — Посмотри на это.

Прикосновение прохладных Алисыных пальцев изменило мир, за окном как будто резко стемнело. Исчез нежный леденцовый запах, сменившись какой-то соленой сыростью и затхлостью. Даже зеленый туман в этой комнате был черен от горя.

— В том Доме неладное чувствовалось сразу. А здесь такое, но наяву ничего не чувствуется, как будто все нормально. Почему?

— Она очень старалась скрыть горе. У нее почти получилось. — Алиса крепче сжала руку Матвея, — Я была неправа. Прости.

— Бывает. Там, в Доме я тоже наговорил тебе всякого.

— Может ты и прав, может я бессердечная. Я и сама не знаю.

Матвей не нашелся что сказать в ответ. Темный туман заволок комнату, тянулся через коридор, в кухню. Диванчик перед столом весь тонул во влажной темной взвеси. По коже Матвея побежали мурашки.

— Здесь чего-то боялись, — понял он без подсказки.

— И не просто боялись. Страх стал постоянным гостем. Мучил, иссушал. Эта темная дорожка из комнаты в кухню не просто так висит. Она ходила здесь, из стороны в сторону, держалась за стены, пыталась успокоиться. — Алиса провел рукой по спинке дивана. Туман колыхнулся вяло пытаясь обвить ее запястье.

— Но страх всегда возвращался.

— Чего она боялась? Ее кто-то мучил? Запугивал?

Алиса покачала головой. Ее взгляд блуждал по кухне, как будто где-то был спрятан неразборчиво написанный ответ. Она села на диванчик, позволяя туману окутать себя.

— Она боялась, что убьет себя. Она потеряла ребенка и горе иногда было сильнее ее. Она боялась, что однажды не выдержит и наложит на себя руки.

— Как можно бояться такого? — не понял Матвей, — Не хочешь умирать — не умирай.

Алиса посмотрела на него снизу вверх. Ее глаза словно светились изнутри зловещим зеленым свечением.

— Ты наверное не знаешь, как это, когда ты сам не свой. Боль разрывает грудь, выворачивает наизнанку, ты знаешь, что будущего нет, впереди черная пропасть и конца края мукам не будет и единственный выход — прекратить это, убежать, спрятаться от этой боли, туда куда она за тобой не последует... а потом это как будто проходит. Боль утихает, ты начинаешь жить, смотреть в будущее — не с оптимизмом, но с робкой надеждой. Понимаешь, что вполне можешь жить и должен, чтобы исправить все, что натворил и ты боишься смерти. Боишься, что когда боль снова придет, ты окажешься слабее.

Она говорила, держа его за руку и невольно он прожил все, о чем Алиса рассказала, не сводя с него взгляда, который был много старше чем она казалась. Взгляд не девушки, рвущейся навстречу загадкам и приключениям, но древнего существа, на чьем сердце не было живого места от смертей и потерь.

— Я понял тебя, — сказал Матвей, желая, чтобы она перестала.

Алиса выпустила его руку, взгля потух. В мир вернулись краски, цвета, пропало тягостное ощущение ловушки. За окном послышались веселые крики и смех с детской площадки, запахло пирогом с чьей-то кухни. Алиса умывалась холодной водой, прогоняя чужой страх.

— Что еще я пропустила? — кротко спросила она, вытираясь кухонным полотенцем. Вид у нее был помятый.

— Я ничего особенного больше не заметил.

Алиса кивнула:

— Панический навязчивый страх это уже симптом, если вспомнить что существо из портала питалось именно им. Страхом можно манипулировать. Если мы найдем такое же у остальных, можно считать что у нас есть версия.

***

Квартира номер два располагалась в новеньком доме на севере Москвы. Охрана на входе во двор, подземная парковка, подъезд креативно измазанный желтыми и фиолетовыми пятнами. Жилище для молодых обеспеченных хипстеров.

— Кто на этот раз? — спросила Алиса, рассеянно оглядываясь по сторонам.

— Врач. Алексеев Тимофей... интересные дела, — заметил Матвей, притормаживая у двери.

— Здесь две фамилии, — прокомментировала Алиса, разглядывая табличку и перевела взгляд на Матвея которому это явно говорило побольше чем ей. — Брат? Двоюродный?

— Тогда фамилию бы не выводили сюда. Когда родственники живут вместе это само собой разумеется, нет нужды таблички развешивать. Скорее, сосед. Вокруг и за меньшие деньги полно вариантов снять жилье, но он живет в дорогом доме и с соседом. Занятно.

— Это зацепка?

— Пока просто наблюдение, — Матвей открыл дверь дубликатом ключа и понял что соседа похоже дома нет — в квартире не раздавалось ни звука.

— Поможешь?

Алиса без лишних слов взяла его за руку. В прихожей и кухне они не обнаружили ничего необычного/ Первая по коридору комната, хорошо прибранная, тоже не отражал ничего похожего на виденный ранее крошечный ужас.

А во второй комнате на них с порога обрушилась душная волна неприязни Как будто тугой барьер пытался выжить их прочь.

— Кажется нам тут не рады.

— Не нам конкретно, а кому угодно, — прокомментировала Алиса.

Комната была захламлена столь чудовищно, что впору было задуматься, не потерялся ли хозяин где-то среди этих завалов? Никакой логики или системы в кучах не прослеживалось: одежда валялась где угодно кроме шкафа, висела на стульях, загромождала велотренажер, мелкие детали, вроде носков и галстуков попадались то тут то там, причем носки всегда без пары. На полу громоздились пакеты и ящики заваленные книгами, бумагами, журналами, какими-то распечатками. Из ближайшего к столу ящика жизнерадостно торчала модель

скелета человеческой руки, с подоконника за гостями внимательно смотрел макет глаза.

Ноутбук на столе был окружен горами хлама, билетами в кино, просроченными проездными, карточками в магазины, флаерами, клейкими бумажками с не зачеркнутыми до конца списками, вперемешку с пластиковыми браслетиками. Ими Матвей сразу заинтересовался, бережно выбрал из кучи штук десять, вышел с ними из комнаты и вернулся через минуту:

— Есть идея.

— Поделись.

— Живет с соседом, хотя может позволить себе жить один. При этом много бывает в ночных клубах, а сосед регулярно уезжает в однодневные командировки и каждые выходные ездит в своей девушке.

— Как ты узнал?

— Сосед все записи ведет в календаре. Тебе не кажется, что наш пациент просто не любит бывать один?

Алиса пожала плечами в ответ:

— Но это не похоже на панику.

— Если у него это давно, то он и не доводит до паники. Узнает что соседа не будет и уходит куда-нибудь где вокруг гарантированно будут люди.

Алиса снова пожала плечами и Матвей спросил:

— Есть ли какой-то способ проверить точно?

Алиса забрала у него браслетик и перебрала их, сосредотачиваясь на оставленных на них отпечатках эмоций, смаханные, неяркие — у пластика короткая память.

Она прошлась по комнате, касаясь мебели, одежды, посидела за столом перед ноутбуком, но не почувствовала ничего особенного, ничего четкого. Сероватый эмоциональный фон обычного человека: усталость, скука, обида, радость. Ничего панического.

Может и не было у этого человека никаких страхов?

Алиса вышла в коридор и оглядела вешалку, аккуратную с одной стороны и в полном бардаке с другой. Она обернулась взгляд уперся в собственное отражение в зеркале и оно ответило на ее вопрос.

Ей не хватало воздуха, да и откуда ему взяться здесь, где стены сдвигались, потолок грозил обрушиться на голову, пол плыл под ногами, а каждая тень, каждая дверь источала опасность, в любой момент могли прийти ОНИ и сделать все что угодно, потому что...

— Ты в порядке?

Все сразу прошло, Алиса снова дышала. Матвей выглядывал из комнаты с беспокойством разглядывая ее посеревшее лицо, на котором расцветала ликующая улыбка.

— Ты был прав. Он боялся оставаться один. Очень боялся.

— Накрыло, да? Выглядишь, что краше в гроб кладут.

— Ничего, — отмахнулась Алиса, — все прошло сразу как ты меня позвал. Пока версия подтверждается, а?

— Осталось подтвердить ее в третьей квартире.

В машине Матвей спросил:

— Если версия подтвердится и получится что вся группа страдала от разных фобий, что это даст?

— Это будет значить что ими скорее всего манипулировало то, что сидело в подвале.

Все крутится вокруг страха, будто это какой-то ключ. Может Белому будет видней, он Страж как никак.

— А что значит Страж? — уточнил Матвей, притормаживая у светофора, где под вечер образовался затык.

— Страж это сверхъестественное существо, чьей обязанностью является охрана границы между мирами. Он не пускает существ из подмира сюда, а людей — туда.

— Ага, — пробормотал Матвей, — сверхъестественное значит.

— Ты сам видел как он испепелил тех монстров, — пожалла плечами Алиса.

— Откуда ты все это знаешь? Ты училась в какой-то школе для экстрасенсов? Типа? одаренные дети? — неуклюже спросил Матвей.

— Про стража я знала еще от родителей. А тому, что умею научилась по большей части у одной мертвой ведьмы.

— А твои родители такие же?

— Я почти не знала мамы, она умерла, когда мне было четыре. А с отцом мы общались мало, но можно сказать и так — способность видеть больше у меня от него.

— Ясно, — Матвей почувствовал что его вопрос изменил настроение Алисы, она вспоминала что-то неприятное. Ему хотелось извиниться, но понятно, что не за что.

— Я приехала в Москву чтобы найти своего друга. Поэтому я обратилась к Стражу, исчезновение моего друга и происходящее здесь как-то связано.

— Это его ты видела в Доме?

Алиса кивнула:

— Не знаю как он там оказался и что делал, но вот это, — она достала из кармана найденный в доме синий галстук-бабочку и Матвей понял, что она все это время носила ее с собой, — это было оставлено в Доме недавно и для меня. Я думаю это подсказка. Джентльмен знает, что я его ищу.

Матвей замаялся. Ему хотелось поделиться с Алисой своими сомнениями, но он был уверен что она не захочет его слушать. Все же попытаться ее предостеречь стоило:

— Ты не думала, что кто-то или что-то могло влезть в твои мысли и использовать твоего друга как...

— Приманку? — к удивлению Матвея, Алиса улыбнулась, — Ну конечно это приманка. То, что похитило Джентльмена, знает меня и станет искать. Тем лучше, ведь если я найду это, то найду и Джентльмена.

— Звучит как опасная затея.

— Если я и попадусь в ловушку, то полностью осознавая куда и зачем иду. — ответила Алиса, — Я буду готова.

Глава 9: Алиса падает в колодец

Смотреть на нее — особое удовольствие.

Бледная девочка с черными волосами и глазами тревожно-зеленого цвета. И кровь внутри нее особенная текла, а в душе содержался прекрасный изъян, осколок, роднящий ее с отцом, никем, покуда, не замеченный.

Восхищались ли вы когда-нибудь кошкой черной масти, шерстью с зеркальным блеском, дикой красотой и грацией? Не зверь земной, обыкновенный, а фантастический клочок ночи, загадка.

Алиса была для меня такой кошкой — гибкой, притягательной, безумно хрупким при всем своем совершенстве, существом: одного движение пальцев достаточно, чтобы переломать хребет и прекрасный таинственный зверек превращается в остывающий скучный трупик.

Я наблюдал за ней, за тем, как приближается она ко мне, ждал, сгорая от нетерпения, но не вмешивался. Разве что разок или два, ведь то для дела. Вот почему...

***

...в последнем доме, Алису ждало жестокое разочарование. Ни единого клочка неземной паранормальной паники не нашлось.

Тех, кто тут жил звали Сережа и Кира, он был штатным медиумом, а она — его напарницей, его базой, якорем, и лидером группы по совместительству. Они жили вместе в старом районе недалеко от центра и, по-видимому, очень любили друг друга, несмотря на то, что характеры у них были совсем разные, судя по тому как различалась обстановка в его и ее комнате. Их жилье было невозможным компромиссом между вконец одичавшим хаосом и абсолютным порядком, между мечтательностью и практичностью.

Приятно было, что люди хорошо уживаются вместе, но Алиса не нашла, того, что искала. Сколько она ни приглядывалась к зеркалам, не перебирала чужие вещи в шкафах и мелочи на столах, ни следа, ни отголоска страха она не отыскала. То ли от усталости, то ли от раздражения у нее мучительно болела голова, до белого тумана, видимого краем глаза.

Матвей понял что толку не будет и забрал Алису, несмотря на вялое сопротивление.

— А двух напуганных недостаточно? — спросил он в машине. На Москву опускались сумерки, зажглись фонари. С одного конца небес ползла ночь, а с другой стороны еще сиял напоследок день. Они с Алисой ехали в темноту и Матвеем мерещилось, что мрак в палисадниках и подворотнях — живой и таит в себе какую-то опасность, будто кто-то провожал их взглядом.

— Не знаю, — ответила Алиса. Она сбросила ботинки и забралась на заднее сидение с ногами, обняв колени, укрытые длинной юбкой из зеленых и синих лоскутков. Взгляд потух, на лице залегли серые тени, спутники усталости и разочарования. — Меня не покидает ощущение, что мы взяли не с того конца.

Легко было догадаться, о чем она думает: об антимире. Алису звала загадка синего галстука-бабочки.

— А что ты думаешь? — спросила она, глядя на Матвея через зеркало. Ее глаза вспыхивали, отражая проплывающие мимо фонари. — Все-таки опыта в расследованиях у тебя побольше моего...

— Нужно собрать больше информации. Закопаться в историю места, в котором это

случилось, — ответил Матвей. — Идентифицируем то, что там обитает и пойдем, что ему нужно, как открыть дверь и вызволить ребят.

— А Гость из подмира? — напряженно переспросила Алиса, — Нельзя просто забыть про него. Он как-то замешан во всем этом.

— Что это вообще за подмир такой, чего от него ждать? Пока я видел только тех, кто вылез из того портала, чтобы нас прикончить.

Алиса снова подозрительно задумалась. Матвей поглядывал на нее в зеркальце и вспоминал слова Белого: конечно она полезет в подмир, запретили ей или нет, все равно полезет. Похоже, Алиса думает, что у нее не осталось другого выхода, кроме как тайно нарушить приказ и пойти рисковать своей жизнью.

Одна.

Матвей притормозил у дома, где Алиса сняла комнату у какой-то занятой женщины, которая жила там же, но приходила домой только спать. Впрочем, как и Алиса. Когда она взялась за ручку, Матвей спросил:

— Что тебе нужно, чтобы уйти в подмир?

Она как будто ничуть не удивилась, ответила не глядя на него:

— Немного. Пару вещей я держу дома, но почти все у меня с собой. Нужно только снова попасть в заброшку.

— Ясно, — кивнул он. Его сознание как будто раздвоилось. Одна часть бесновалась, не веря своим ушам: он собирается снова вернуться в тот жуткий дом, ночью?! А другая часть, которая принимала решения, оставалась спокойной. Она знала: так надо и так правильно. А значит, он едет с Алисой.

— Тогда иди за своими вещами. Я буду здесь.

Алиса посмотрела на него долгим взглядом и, наверное в тот момент они и стали не просто напарниками, но друзьями. Она вернулась через десять минут, села рядом с ним вперед, заметно более оживленная, чем полчаса назад.

— Как будем отбиваться от дома и монстров из колодца? — спросил Матвей, выезжая на шоссе, — Тебе ведь наверняка придется подобраться к нему поближе, чтобы выйти в антимир.

— Мне придется влезть в него, — ответила она. — прямо внутрь.

— Ясно, — ответил Матвей, хотя для него все было совсем не ясно, — Так что же мы будем делать с монстрами, если они появятся снова?

— У меня есть заговоренный чеснок! — преувеличенно бодро сказала Алиса, — если что будем бросаться им, распевая "Отче наш".

— Звучит, как эээм...авантюра, — ответил Матвей, хотя про себя считал, что это самоубийство.

Это было как если бы он по молодости предложил более старшему сотруднику штурмовать с водяными пистолетами, банк, набитый террористами. Его железно бы поперли со службы после такого.

— Знаю. Но мне почему-то чувствую, что все у нас получится и безо всякого оружия.

Алиса поймала взгляд Матвея, очень говорящий взгляд и беспомощно пожала плечами, как будто говоря, прости, я не могу ничего объяснить, но ведь до сих пор у нас все получалось, да?

"Да", — ответил про себя Матвей.

Вот только кого за это благодарить — госпожу Случай или кого-то, кто исподволь

помогает им, но преследует при этом свои цели?

Чутье подсказывало Матвею, что с Алисой не все так просто. За ней наблюдают и присматривают очень внимательно. Поэтому он не стал настаивать на каком-то плане получше. Он и сам чувствовал, что неприятностей у них не будет, по крайней мере на пути к колодцу.

***

У заброшки их ждал сюрприз — оградительная лента по всему периметру ограды, и сторож там, где в ней была дыра: здесь, где был отогнут прут, Алиса с Матвеем проникли в заброшку в первый раз.

— Дело рук Белого, — пробормотала Алиса, хмурясь. Они с Матвеем засели в кустах как школьники, мрачно разглядывая сторожа у дыры. Почти час они посвятили обходу периметра территории и убедились что безопасный вход только один, и он хорошо охраняется.

Сторож был высок, широкоплеч, имел внушительный животик, на котором натягивалась форменная рубашка и до смешного тощие ножки-спички, чего не могли скрыть брюки. Скучая, он ходил взад-вперед рядом с дырой, светя фонарем, а время от времени забирался в будку охраны: когда стройка дома еще шла, она стояла у въезда, теперь ее приволокли сюда.

— Нужно его как-то отвлечь, — пробормотала Алиса.

— Если он заметит хоть что-то подозрительное, он сообщит сразу Белому, — ответил Матвей, — Как думаешь, сколько времени понадобится нашему с тобой проникательному шефу, чтобы догадаться кто пытается влезть в дом? Дождемся, когда он снова полезет в свою будку, и пока он будет повернут к нам спиной, по одному проскользнем в проем.

Алиса кивнула: что ей еще оставалось? Охранник сновал рядом с дырой, пока и не думая никуда уходить. Вид у него был расслабленный, он наслаждался ночной тишиной. Дома у него была беременная жена, переживающая сложный период буйства гормонов и ее мать, про которую он подозревал, что старость не пощадила ее мозгов, по крайней мере паранойя по его поводу у нее уже начала развиваться. Ночные смены, позволяющие сократить время проведенное с временно маловменяемыми женщинами, его радовали. Как же тихо и хорошо.

На лоб охраннику упала мокрая капля. Он поднял голову на затянутое тучами небо и ему на лицо шлепнулись сразу две ли три сестренки той первой капли. Дождь начался внезапно и полил как из ведра. Беспokoясь об осенней простуде, из-за которое его железно бы выгнали из дому, охранник поспешил спрятаться в будке.

Когда он был еще на полупути к ней, Матвей тенью проскользнул у него за спиной в дыру и оттуда показал Алисы большой палец: "Давай за мной, как только он отвернется".

Охранник заходил в будку. Алиса метнулась вперед и поскользнулась на размокшей земле. Как назло, охранник увидел краем глаза движение, обернулся и направил фонарь прямо на нее.

Ослепшая от яркого света, бьющего по глазам, Алиса замерла, чувствуя, как по лицу и волосам за шиворот льются холодные капли дождя. В свете фонаря струи воды казались серебряными. Охранник смотрел прямо на нее, но выражение его лица не изменилось ни на йоту, глаза равнодушно обшарили знакомый пейзаж и луч ушел в сторону — охранник поторопился втиснуть себя в будку.

Алиса моргнула, стряхивая с резниц капли. Он смотрел прямо на нее — и не видел! Как такое возможно?

— Давай сюда! — прошипел Матвей, пользуясь тем что шум дождя перекрывал его голос, — вечно ты невидимкой не останешься.

Алиса как раз боялась что станет видимой, стоит ей пошевелится. Она сделала шаг, другой, убедилась что луч фонаря не уставился снова на нее и не слышно никакого гневного окрика и бросилась скорей под ленту.

— Что это было? — спросила она. — Ты ведь видел? А он не видел!

Ответа ей на самом деле не требовалось, Матвей это сразу понял. Ясно было и то, что не просто так Алиса приобрела волшебную возможность становится невидимой.

Кто бы ни присматривал за Алисой, ему нужно было чтобы она продолжала делать то, что делает.

В дом они зашли мокрые, как мыши, но во всеоружии: оба хорошо помнили на что дом способен. Алиса достала из кармана маятник, прочитала свое нехитрое заклинание про отца и пошла вперед. Матвей шагал рядом с ней, держа фонарик, стараясь не смотреть по сторонам: мумии погибших здесь душ никуда не делись, как и мерзкая атмосфера. В остальном, дом вел себя подозрительно прилично. Комнаты оставались там, где были, не было слышно ни криков ни гадкого смеха по коридорам, даже висящая воздухе черная муть и не пыталась облепить их головы. Они беспрепятственно шли прямо к подвалу. И никаких чудовищ.

По дороге они настороженно молчали, прислушиваясь к каждому шороху, в любой момент ожидая нападения. Уже на лестнице в подвал, Алиса сказала:

— Тихо, правда? Как-то неестественно.

— Лезли в пекло, а попали в тишайшее место, — подтвердил Матвей. — Только фальшиво это, как будто садист притворяется ксендзом.

— Что такое ксендз? — почему-то шепотом спросила Алиса.

— Польский священник.

— А почему именно польский?

— Просто слово смешное. Вот он, колодец.

Луч фонаря в его руке осветил провал в полу и черную воду, густую, будто нефть, на его дне. Алиса присела рядом с колодцем, доставая из своей сумки какие-то свои колдовские инструменты. Матвей сунул руку под куртку и расстегнул припрятанную там кобуру. Каким бы паинькой дом ни притворился, Матвей помнил на что он способен.

— Не расскажешь как все будет проходить? — уточнил он.

— Очень скучно. Надеюсь. — ответила Алиса, переставая рыться в сумке. — Я привалюсь к какой-нибудь стене и как будто усну. Потом вернусь и мы пойдем по домам, сладко спать в постельках.

Она побродила по стеночке, ища место почище.

— Здесь везде одинаково грязно, — сочувствующе подсказал Матвей и Алиса, со вздохом уселась недалеко от него.

— Пока я буду спать, мой разум войдет в колодец, отыщет Гостя из подмира и побеседует с ним, если получится. — сказала она и как-то беспомощно посмотрела на Матвея:

— С каждой минутой мне все больше кажется что Белый был прав и это все безумие... а еще — что кто-то хочет, чтобы я туда влезла.

— У нас есть еще шанс повернуть назад, — напомнил Матвей, но Алиса покачала головой в ответ:

— Нет никакого пути назад.

И закрыла глаза.

Если пока она готовилась, у нее еще были сомнения получится ли у нее или нет, они исчезли сразу как только она закрыла глаза. Сознание оторвалось от тела так легко, как будто только этого и ждало. Она оглянулась назад, на Матвея, который оперся о стену рядом с ней, с опущенным пистолетом в руках и приготовился ждать.

Собственное тело показалось ей маленьким и хрупким, и — эта мысль неприятно отдалась внутри, как будто кто-то царапнул по доске, — мертвым.

Алиса отвернулась и пошла к колодцу. Готовясь к уходу, она создала ниточку, которая в случае чего быстро вернула бы ее назад. Такая ниточка есть у каждого человека, она свернулась веретеном в солнечном сплетении и она связывает плотное тело и его более легкие оболочки. Это она натягивает внутри, когда ты сильно пугаешься во сне или когда мимо проносится автомобиль, едва не задев тебя. Это чувство туго натянутой струны внутри и есть эта ниточка.

Алиса долго училась растягивать ее, чтобы она позволила ей отходить от тела достаточно далеко. Сейчас она выглядела как тонкая светящаяся нить, легкая, как паутинка, она тянулась от ее спины к плотному телу, будто шланг скафандра, хранящий космонавта в открытом космосе.

У провала в полу она опустилась на корточки и заглянула вниз. Под водой глубоко вниз уходила воронка цвета темного серебра. Она закручивалась и завихрялась бесконечно, так что разглядеть, что внизу было решительно невозможно.

Алиса села на пол, опустив ноги в провал, почувствовала могильный холод идущий от воды. Еще не коснувшись ее, она знала — холод будет чудовищным. Алиса подавила желание еще раз оглянуться на тело, которое она оставляет, на Матвея. Плохое предчувствие поселилось у нее внутри, идея все больше становилась похожей на безумие, но что-то нашептывало ей, что отступить уже поздно.

Хоть это было и не так.

Она оттолкнулась руками и полетела ногами вниз, в неизвестность.

Холод был такой силы, что он перестал быть холодом. Алиса задохнулась, чувствуя что не может сделать ни вдоха, не потому что она попала в воду: разумеется ее тонкому телу не нужно было дышать, но потому что все ее мускулы замирали. Лед пробирался внутрь, как угрюмый фонарщик, пришедший, чтобы один за другим погасить фонари. Алиса падала, стремительно теряя способность и двигаться и соображать, смутно чувствуя, что летит вниз со страшной скоростью, но куда больше ее беспокоило затухающее сознание и чувство, что внутрь тела пробирается смерть. Это длилось дольше, чем Алиса могла ждать. За прошедшее время, как ей казалось, она успела бы улететь на другое полушарие, если бы кто-то однажды просверлил бы в земле дырку, но наконец, ее падение прекратилось.

Она не врезалась с чудовищной силой в землю и не опустилась изящно в гору листьев или одеял. Алиса просто открыла глаза и обнаружила, что больше не падает, как если бы один сон сменился другим. Ничего похожего на устье воронки в которую она прыгнула, рядом не обнаружилось. Вообще со зрением была какая-то проблема.

Ей захотелось проморгаться: вокруг плыли какие-то смутные цветные пятна, глаз не мог ни на чем сфокусироваться, как если бы ее зрение внезапно упало единиц на десять. Алиса потерла глаза, но ничего не изменилось, зато свое тело она видела ясно и четко, что заставило ее отмести теорию о внезапной потере зрения. Она проверила тянется ли за ней

ниточка, с облегчением убедилась что все еще привязана к физическому телу и пошла вперед на ощупь, помня, что раз эта дверь Гостя, значит и он сам где-то недалеко.

Вероятно, совсем недалеко. С некоторым разочарованием Алиса заключила, что подмир не очень-то отличается, по крайней мере по ощущениям, от обычного мира. Она поняла что ожидала чего-то другого, адского пламени, огненных рек и других ужасов, создающих антураж Ада для худших из грешников.

— Наверное это все потому что ты не в антимире. — сказал кто-то сбоку и Алиса едва не подпрыгнула от неожиданности, ощутив как натягивается ниточка с телом, реагируя на ее страх. Усилием воли она заставила себя успокоиться, чтобы не вернуться в тело раньше времени.

Она завертела головой, пытаясь определить источник голоса, но вокруг по-прежнему плясали разноцветные пятна и ни одно из них не было похоже на живое существо. Оно как будто прокомментировало ее мысли и Алису это беспокоило.

— Не нужно читать мысли той, у которой на лице все написано. — продолжил кто-то, — Честное слово, написано, огромными буквами! Потрясающе выразительное лицо, в театре ты бы сделала блестящую карьеру!

Алиса устала вертеться на месте и остановилась. Предположив, что если бы тот, кто с ней говорил хотел бы ее убить, то так бы и поступил, она спросила:

— Вы сказали что это не подмир. Где я тогда оказалась?

— Ну да, ты пыталась проникнуть в подмир через чужую дверь. Но этого не так просто. У всяких границ есть Стражи, иначе знаешь что бы началось, если бы люди сновали туда-сюда? Ты в буферной зоне созданной моим могучим разумом. Можешь не благодарить.

— Так вы — страж? — воскликнула Алиса. — Дракон? Настоящий?

— А ты до этого встречала игрушечных? — с сарказмом спросил дракон.

— Я работаю с вашим коллегой, — ответила Алиса. — Вероятно вы его знаете, мы называем его Белый.

— С чего бы он должен мне быть известен? — искренне удивился дракон, — Если ты работаешь с одним из нас, тебе бы следовало знать, что Стражи никогда не пересекают границ, которые охраняют. И корпоративных обедов мы не устраиваем, так что откуда мне знать, как у вас там все устроено по другую сторону?

Но Алису взволновал другой вопрос:

— Если вы Страж, и знаете, через какую дверь я вошла, почему вы позволили тому, с вашей стороны, через эту дверь выйти?

— Ух ты, а я и не знал, что на меня свалится критик! — восхитился дракон. — Почему бы тебе девочка не отправится домой и не задать эти вопросы своему Белому приятелю? Те, кто пытаются покинуть подмир — его забота. Я работаю затем, чтобы не пускать туда таких туристов, как ты.

Алиса почувствовала что нить натягивается без ее воли. Дракон конечно, обладал силой достаточной чтобы водворить ее в тело. Она заговорила, чтобы переубедить Стража до того, как нить затянет ее обратно:

— Тот, кто прошел через ту дверь наделал немало бед в нашем мире и сделает еще больших, если его не остановить. Я пытаюсь проникнуть в подмир, чтобы отыскать его, попытаться остановить или хотя бы понять как это сделать. Я не туристка. Я пытаюсь спасти моих друзей, которые попали в западню из-за этого существа.

Натяжение нити заметно ослабло.

— Значит ты не туристка, ты по работе. Прекрасно. А теперь объясни мне еще раз, почему я должен послушать тебя и пустить туда, куда не пускаю никого?

— Можно мне вас увидеть? Не очень удобно обращаться к невидимке.

— Допустим, — ответил дракон. Из-за спины Алисы появился мужчина, рыжий, как Сатана. На нем были алые джинсы и свободная рубашка цвета засохшей крови.

"Красный" — подумала Алиса.

Рубиновые глаза выжидающе смотрели на нее сверху вниз. Он ждал ответа.

— Вы меня пропустите потому что мне нужно спасти моих друзей. Для этого мне нужно узнать, что из себя представляет Гость, что он задумал и как открыл дверь в ловушку.

— И почему ты решила, что он тебе все это с радостью скажет, когда ты найдешь его? — резонно спросил Красный. — Почему бы ему не пришить тебя, или не запрятать в ту же ловушку, в которую он упрятал твоих друзей?

Алиса смешалась, но изо всех сил пыталась этого не показать. У нее не было никакого плана, один только голос интуиции. Несмотря на предостережения Белого Алиса до сих пор надеялась, что папина кровь как-то поможет ей в подмире, сделает ее сильнее, в конце-концов что Белый знает о месте, в котором никогда не был? Если смотреть правде в глаза, это было все, на что она рассчитывала, никакого козыря в рукаве у нее не было. И тогда она ответила вопросом на вопрос?

— Сколько людей пытались проникнуть в подмир до меня?

— Сотни и тысячи, — ответил дракон, не задумываясь.

— Зачем они пытались это сделать? — спросила Алиса, не ожидавшая что в ответ на ее вопрос прозвучат такие большие цифры.

— Они считали, что обретут там могущество и власть, — ответил он. — и нет, я не пропустил ни одного.

— Мне не нужно ни могущество, ни власть. Только ответы на мои вопросы. Если что-то пойдет не так, эта нить вернет меня в тело. Я не собираюсь там оставаться. Разве этого недостаточно, чтобы попробовать?

Красный молча смотрел на нее долгую минуту. В отличие от нее, он контролировал себя прекрасно: на его лице не проступило ни одной его мысли. Его решение было загадкой для Алисы пока он не высказал его вслух:

— Я присмотрю за тобой, — сказал он и все исчезло. Мир померк и Алиса снова падала вниз, на этот раз совсем недолго.

В этот раз приземление было неприятным — она упала на груды тел. Чей-то локоть пришелся ей по скуле, и она сильно ушибла спину об чьи-то костлявые колени. Впрочем, костлявыми тут были все: это Алиса поняла заметив что тела, которые она рухнула, уже практически разложились.

Она с визгом скатилась с кучи и отступила от нее подальше, пока спина не уткнулась в глухую стену, не так далеко от смердящей кучи, как ей хотелось бы быть.

Она была в помещении без окон с грубыми каменными стенами. Тусклый свет проникал в трещины между камнями. Алиса пошла по периметру стены, ища дверь или какой-нибудь другой выход. С противоположной стороны кучи она увидела пустой проем, ведущий куда-то откуда исходил свет.

В проеме сидело существо. Спутанные длинные волосы закрывали лицо, отсекая попытки рассмотреть его, но призрачные глаза сияли как две тусклые круглые лампочки. Кожа казалась не черной даже, а будто ее вовсе не было. Не смотря на свет, существо

казалось силуэтом, вырезанным из тени с неестественно длинными руками и пальцами заканчивающимися когтями.

Оно сидело на корточках держа в руках человеческую голову, которую Алиса узнала:

Это была голова Гоги, храброго мальчика из видения. Алиса почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Существо шептало что-то, и этот голос почему-то показался Алисе бесконечно мерзким, как звук льющейся жижи, как что-то звук движения чего-то скользкого и смердящего.

Гость был женщиной. Гостьей.

Она отложила голову обратно в кучу тел и обернулась к Алисе. Глаза-фонари, как будто пронзали ее насквозь. Ей очень хотелось отступить. Схватится за нить и потянуть, оказаться снова в теле и постараться забыть все, что она видела. Образ Гостьи вызывал внутри первобытный, инстинктивный ужас, которому было тяжело сопротивляться. Если бы Гостья подумала встать или подойти к ней, Алиса бы сбежала, даже если бы всей душой захотела бы не убегать.

Гостья не сдвинулась с места, должно быть, почувствовав это.

— Ну? — заговорила она наконец и Алису передернуло от звука ее голоса. — Ты вроде как пришла меня допрашивать?

Она по-птичьей наклонила голову:

— Или бравая сыщица наложила в штанишки от одного только вида подозреваемой?

Ее грубость не задела Алису, для этого она была слишком напугана. Зато она начала соображать.

— Откуда мне знать что ты не соврешь?

— Ложь говорит о намерениях порой больше, чем голая правда, — ответила Гостья. Тон и манера ее голоса менялись, как будто ее настроение было столь же непостоянно, как облака на небе. — Но мне незачем тебе врать. Ты и правды не поймешь.

— Зачем ты похитила людей?

— Мне велели.

— Кто?

Алиса не видела лица Гостьи но почувствовала что она ухмыляется.

— Тебе его имя ничего не скажет.

— Где они теперь? В какую западню ты их заманила и как их вытащить?

— Никак. Все кто туда попадают, обречены. И ты тоже там умрешь, когда попытаешься вытащить их.

— И как же мне туда попасть?

Гостья хмыкнула:

— Так стремишься к смерти? Я тебе могу в этом помочь.

На голову Алисы как легла ледяная рука ужасной догадки. Увлечшись разговором она забыла следить за нитью, связывающей ее с телом. Она завела руку назад и не нашла ее. Холод прокатился по всему ее телу.

— Да-да, — сказала Гостья, выпрямляясь во весь рост. Она была сильно выше Алисы и теперь глаза-фонари нависали над ней, а в длинных тонких пальцах Гостья держала нить ее жизни.

— Осталось только заставить твое тело прыгнуть в колодец.

***

Матвей ждал. Еще полицейским он научился ждать, сохраняя голову холодной, а разум

чистым. Он был расслаблен, но начеку и не думал ни о чем, не позволяя посторонним мыслям забивать голову.

Поэтому он почувствовал что Алиса просыпается еще до того, как услышал с ее стороны шорох. Он повернул к ней голову. Алиса поднималась на ноги, волосы падали на лицо, скрывая его.

— Есть что-то? — спросил Матвей, надеясь, что у Алисы есть что рассказать и она не вернулась ни с чем, все таки не так уж долго ее не было.

Она не ответила, только шагнула к колодцу. Матвей обратил внимание что походка у нее какая-то странная, будто она была не в себе. И она шустро шла к колодцу, от которого точно ничего хорошего ждать не приходилось.

Матвей вскочил на ноги схватил ее за плечи:

— Погоди, зачем тебе...

Он повернул ее к себе и вздрогнул всем телом увидев закатившиеся мертвые глаза и синюшное лицо. Глазные яблоки повернулись в глазницах как шары и на Матвея уставились злобные чужие глаза. С жутким воем то, что заняло тело Алисы пнуло его под коленку.

От неожиданности Матвей выпустил ее и Алиса поспешила к провалу в полу.

— Ну уж нет.

Матвей схватил ее поперек тела, чтобы увести прочь от колодца, но существо оказалось сильнее чем он думал: оно ловкой увернулось, поймало его руку и уронило его на пол. Матвей приложился затылком так, что из голова загудела. Он извернулся и поймал Алису за ногу. Другой ногой существо засветило ему в челюсть и он почувствовал во рту вкус крови.

***

Алиса отступила назад.

— Что такое? Неужели маленькая храбрая сыщица боится меня, плохую страшную преступницу? — Гостья намотала нить на свой палец и поводила им в воздухе перед Алисой, — И даже не попытаешься отобрать? Нет? Я была о тебе лучшего мнения. Тебя пугают эти тела? Ничего, скоро придет твое тело и мы отсюда уйдем.

— Куда?

— Как же. Ты так хотела попасть к своим друзьям, неужели передумала?

— Нет, но куда ты меня потащишь? — спросила Алиса.

— Увидишь.

Глаза-фонари поглядели наверх.

— Что-то долго. Думаю, нужно сходить проверить. А чтобы ты никуда не убежала, я заберу это с собой, — Гостья подняла руку с нитью и очень быстро взобралась по куче наверх и исчезла в колодце наверху.

Едва она скрылась из виду, Алиса позвала, используя не только голос, но и все свое существо:

— Красный!

***

Алиса ползла к краю колодца, обламывая ногти и рыча. Матвей за ноги тянул ее назад с упорством английского бульдога: его лицо заливала кровь из разбитого носа, куда Алиса от души засветила локтем, но он ее не пускал, и намерен был держать до последнего.

Алиса вдруг замерла и Матвей почувствовал что в воздухе что-то изменилось. Что-то приближалось по колодцу и он узнал эту щекотку под кожей, этот трепещущий внутри первобытный ужас:

Страх шел к нему.

***

Алиса успела сорвать голос и охрипнуть от крика, потерять всякую надежду и почти сойти с ума от ужаса, понимая, что может сделать Гостья с Матвеем.

Когда она уже сотню раз прокляла себя за то что втянула Матвея в это опасное и бесполезное мероприятие, Красный все-таки объявился.

— Стоит вот на одну минуту отвернуться, а девочка уже в плохой компании. — проворчал он, явно имея ввиду гору трупов.

— Мне нужно вверх, в тело, срочно, до того, как Она доберется до Матвея! — скороговоркой сказала Алиса.

— Ясно-ясно. Держись крепче, сыщица, — сказал Красный и Алиса почувствовала, как натянулась под ложечкой ниточка, перед тем как рвануть ее наверх. Ощущение было как на американских горках, когда летишь вниз со скоростью подбитого самолета. Перед глазами тошнотворно замелькало и Алиса закрыла глаза, надеясь что не опоздала.

***

Гостья замерла на полпути, прислушиваясь к тому, что происходило наверху. Она посмотрела на палец, на котором была нить девчонки и увидела что он пуст. Холодная ярость разлилась по всему ее сознанию. Она была так близко!

Гостья захотела забраться наверх и показать этим двоим что бывает, когда раздражишь того, кто прошел через ад, но передумала. Страж наверняка уже знает что они там, а столкнуться лицом к лицу с Белым ей не улыбалось.

Затаив злость глубоко внутри, гостья стала возвращаться. Шанс был упущен и она не сомневалась, что Хозяин уже знает обо всем.

Ей оставалось только надеяться, что он не станет придумывать способа наказывать ее за оплошность.

— В следующий раз ты не уйдешь, Алиса. — сказала Гостья вслух, давая себе зарок — не упустить ее. Не снова.

***

Матвей пришел в себя и обнаружил что все еще держит Алису, никуда она не делась. Почувствовав приближение Гостьи, он держался сколько мог, пока волна ужаса, которому невозможно было сопротивляться не лишила его всякого подобия сознания. Теперь, неожиданно, все закончилось.

Алиса не двигалась.

Матвей подполз к ней и заглянул в лицо, прислушиваясь к дыханию. Ее веки задрожали и глаза открылись, слава богу, нормальные зеленые глаза.

— Ты живой! — сказала она устало, но с такой искренней радостью, какой Матвей еще не слышал в ее исполнении.

— Ты тоже. — улыбнулся он. Засохшая корка крови от этого потрескалась и он поморщился.

— Кто тебя так? — Алиса разглядела разбитый нос и ужасно опухшую челюсть.

— Ты. У тебя на удивление твердые кулачки! — Матвей наконец поднялся с пола и потянул за собой Алису. Она зябко поежилась, обнимая себя руками. Тело как будто остыло, пока ее в нем не было.

— Кто-то занял мое тело? — Алиса поморщилась. Так вот что за мерзкое ощущение во всех мышцах. Как будто твою одежду носил кто-то мерзкий, только тело гораздо ближе чем

одежда и ощущения мерзче. Алисе немедленно захотелось скорей помыться.

— Да, и очень старался выкинуть тебя в колодец. Расскажешь что там все-таки произошло?

Алиса кивнула, чувствуя как наваливается усталость. Кто-то не просто воспользовался ее телом, но еще и выпил из него все силы. Она сделала шаг и покачнулась.

— Так, ясно. Сперва на подзаправку, потом все расскажешь. — сказал Матвей. Его голос Алиса слышала как будто из-под подушки.

Она кивнула и потеряла сознание.

Глава 10: Папа

Алиса очнулась в незнакомом месте. Она удобно лежала на диване, накрытая теплым пушистым пледом с пчелками. Справа была спинка дивана, слева — край стола. Высокий потолок подсказал, что она в квартире, и дому больше двадцати лет, значит она не в новостройке, а где-то в одном из более старых районов Москвы, в средней удаленности от центра.

В воздухе плыл аромат готовящейся еды. Алиса почувствовала сильный голод и села.

— Привет, — сказал Матвей. — Ты как раз вовремя.

Он успел переодеться в домашнюю рубашку, даже по виду очень уютную. Диван, как оказалось, стоял на кухне. Матвей накрывал на стол одной рукой, другой прижимая к лицу пакет с замороженной вишней. Те части лица, что виднелись из-под пакета, выглядели ужасно.

Алиса снова почувствовала себя виноватой и опустила взгляд. После пробуждения она все еще чувствовала себя очень слабой.

— Это твой дом? — выдавила Алиса, понимая что надо что-то сказать.

— Ага. Я приволок тебя сюда чтобы проще было за тобой присматривать. — Матвей метал на стол еду: хлеб, нарезанный толстыми ломтями, запеченную фаршированную курицу, жареную картошку и крупно нарубленный салат.

— Ты ешь-ешь, — сказал он, заметив голодное выражение ее лица. — Разговаривать потом будем.

Алиса сочла за лучшее послушаться и схватилась за вилку. Через несколько минут, уничтожив все, что у нее было на тарелке и добавку, она почувствовала как внутри разлилось блаженное тепло и потихоньку отступает слабость и мертвенный холод.

Ей снова захотелось спать, но Матвей вытолкнул ее в ванную, настаивая на том, что ей нужно согреться и сменить одежду в которой она валялась на грязном полу, на котором уколошили кучу народа. Возмущившись его жестокости Алиса сперва уныло ежилась под душем, не желая двигаться, потом почувствовала, что ей и правда надо согреться и вошла во вкус. Она долго терла себя мочалкой с ягодным мылом и дважды перемыла волосы, пока не почувствовала что с них сошел могильный запах, а вместе с ним и чувство что в ее теле хозяйничал кто-то другой.

Переодевшись в то, что выдал ей Матвей: родную сестру его рубашки, в которой она утонула. Помня ее нетерпимость к штанам он даже отыскал в шкафу длиннополую домашнюю юбку, не то мамину, не то бабушкину. В чистой одежде Алиса почувствовала себя будто заново рожденной.

— Спасибо, — искренне сказала она, выйдя из ванной. — Мне намного лучше.

— Так и надо, — ответил он и похлопал рядом с собой по дивану. — Падай. Расскажешь, что случилось во время твоей экскурсии в подмир?

Алиса села куда велели и кратко изложила то, что с ней произошло, добавив красочное описание своей глупости, с которой она попала в ловушку Гостыи.

— Я так ничего нового и не узнала, — мрачно сказала она рассматривая свои розовые, очень чистые ногти. — Только зря рисковала своей и твоей головой.

Она искоса поглядела на жуткие кровоподтеки, которые расплывались по всей левой стороне его лица:

— Прости.

Матвей молча встал, открыл окно, достал из нагрудного кармана сигарету и закурил, так что весь дым уходил на улицу. Через пару минут он сказал:

— Ты конечно рисковала. И в других обстоятельствах этот риск мог бы стоить нам с тобой не только жизни, но и чего похуже.

Алиса вспомнила груды трупов и поежилась. Матвей был прав. Ей стало еще поганей.

— Но что-то ты все-таки достала. Как я и думал, на тебя идет охота, и Гостья в этом участвует.

Алиса так удивилась, что даже почти забыла про усталость:

— Охота? На меня?

— На тебя. Я уверен, что монстры вылезшие из колодца в первый раз когда мы там были, собирались убить меня, а тебя, скорее всего, похитить. Все время пока мы ищем пропавших ребят, кто-то тебя направляет, подкидывает подсказки, присматривает за тобой и бережет. Этот кто-то заодно с Гостьей и хочет заманить тебя в ловушку. После слов Гостьи сомневаться в этом не приходится.

— Это то, что похитило Джентльмена, — пробормотала Алиса, разбитая тем, что сама совсем упустила такое объяснение происходящего из виду, — Папа говорил, что теперь оно будет искать меня. И ты тоже меня предупреждал, а я снова забыла обо всем и поперлась туда, куда меня вело. Это как наваждение какое-то.

— Одно хорошо, — мягко сказал Матвей и дождался пока Алиса посмотрит на него, — Попадем туда, куда оно хочет тебя затащить — найдем ребят. Нужно только узнать обо всем об этом побольше.

Алиса беспомощно смотрела на него, а горечь внутри нее искала выхода.

— Не понимаю, — сказала она наконец, решив что проще излить эмоции, чем держать в себе, — Почему ты ко мне так добр? Тебе следовало бы рвать и метать, обвинять меня в глупости, поставить в конце-концов на место, когда я тяну тебя в очередную смертельно опасную авантюру, а не успокаивать и кормить. Я не понимаю, чем я заслужила твое доверие и заботу.

Она подтянула колени к подбородку и подозрительно шмыгнула носом. Матвей, оглушенный неожиданным всплеском эмоций с ужасом понял что она вот-вот расплачется и ответил то первое что пришло ему в голову — правду:

— Я о тебе забочусь потому, что ты сама о себе позаботиться не способна. Я в жизни не встречал людей, настолько безразличных к своему комфорту.

Алиса посмотрела на него во все глаза. Честное слово, они стали такими огромными что в них отражение всей кухни можно было разглядеть. Матвей почувствовал, что пока она удивлена, то слезы откладываются и сказал вторую правду:

— А иду я за тобой потому что ты еще в первый день показала мне как отличается твой мир от того, который знаю я. У меня нет права тебе указывать, я могу только следовать за тобой, охранять твою жизнь и верить, что твое сердце выведет нас куда надо. Да я на тебя злюсь, если хочешь знать. Я часто сержусь и часто думаю что мы рискуем зазря, а потом оказывается, что так и надо было, и иначе никак. Поэтому я тебе верю и думаю что ты очень храбрая. Куда храбрее меня это понимание ставит меня на место.

Алиса смущенно улыбнулась.

— Мне казалось в первый день ты меня ненавидел.

— Ты тоже была хороша! Но да, я был груб. Мой перевод сюда стал для меня

неожиданностью и неприятной. Я вел одно дело, очень давнее, никто не мог его распутать, а я распутал. И в день, когда я должен был поймать урода, меня перевели. Ничего слушать не стали. Потому я был так зол.

Матвей вспомнил это и снова ощутил досаду, как тогда. Не такую жгучую, ощущения уже притупились, столько всего успело произойти между тем днем и сегодняшним, но ему все еще было очень досадно, что дело так и осталось незаконченным.

— Мне очень жаль, — прошептала Алиса, возвращая его в здесь и сейчас.

— Да брось ты, ты же не виновата, — махнул он рукой. — Давай лучше подумаем, что нам делать с нашим делом. Какие-нибудь идеи, озарения?

— А что бы ты сделал? Если бы это было обычное дело,

— Собрал бы больше информации, поговорил бы с экспертами. Нам ведь нужно знать что этой Гостье из подмира нужно. Хотя, какие могут быть эксперты о подмире...

Его слова подействовали на Алису как могучее заклинание: она выпрямилась, глаза широко распахнулись, с лица исчезла усталость, словно ее окрылила какая-то новая мысль.

— А ведь знаешь... — сказала она, — это идея...

***

— Нужно поговорить с моим отцом! — с порога заявила Алиса Белому.

Он приподнял бровь не отрывая глаз от бумаг разложенных на столе, как пасьянс.

— Уже домой? — он заинтересованно поглядел на растерянное выражение ее лица и Матвею пришло в голову, что Белый будто играет в игру "выбей Алису из колеи столько раз, сколько возможно".

К чести Алисы следует сказать, что она брала себя в руки все быстрее. Возможно Белый не просто издевался, а руководствовался какой-то воспитательной методикой, чтобы закалить ее чуть слишком эмоциональный характер:

— Нет. Я хочу спросить его об подмире. Моих знаний не хватает, чтобы понять что могло вылезти оттуда и зачем, да и ваших тоже, а папа...

— Единственный и неповторимый специалист по подмиру, поскольку сам оттуда, — закончил за нее Белый.

Матвей непонимающе посмотрел на него потом на Алису, но никто не торопился объяснить ему смысл этих феноменальных, с его точки зрения, слов.

— Похоже, ваша маленькая экскурсия в подмир не дала должных результатов. — прокомментировал он, задержав взгляд на лице Матвея. К утру синяки налились кровью и выглядели жутко.

— Вы нарушили приказ, — сказал Белый, не сводя глаз с Алисы.

— Вы знали что так будет, — попытался встать на ее защиту Матвей, но Белый не обратил на него внимания:

— Это неважно. Вы нарушили приказ, Алиса и рисковали не только своей жизнью и жизнью напарника, вы рисковали всеми теми, кто сейчас нуждается в вашей помощи: вашими коллегами. Вы отдаете себе в этом отчет?

— Да, — сдавленно ответила Алиса.

— Это ваше первое предупреждение. Вы мне нужны, и я не могу поступить с вами так, как вы того заслуживаете... Прошло довольно много времени с тех пор, как ваш отец покинул подмир. Многое могло измениться в той... среде.

— Я не жду, что он назовет мне имена, но он может знать как Гостья вообще выбралась и почему помогла двери в театре открыться. — сказала Алиса.

— Надеюсь, суток вам хватит. В поезде как раз успеете написать отчет...

Алису передернуло, Белый улыбался, а Матвей достал телефон чтобы посмотреть ближайšie поезда, ясно же что от этих двоих в элементарных вещах никакого толку.

***

— Что он имел в виду, когда сказал, что твой отец — из подмира? — спросил Матвей, пытаясь отдышаться после короткой, но интенсивной пробежки до поезда. Едва не опоздали, зато успели на экспресс, который ехал четыре часа вместо девяти на плацкарте.

— То, что папа пришел из подмира.

— То есть он... чудовище, демон? Или там есть и другие существа?

Алиса помолчала, пока мимо проезжала тележка с газировкой и печеньем.

— Я не соврала, когда сказала, что мало знаю об подмире. Там обитают люди утратившие человеческий облик, за содеянное в нашем мире зло, оно тянет их вниз и они не могут снова рождаться в нашем мире. Поэтому они оказываются там. Но как выглядит подмир и чем павшие там занимаются я не знаю.

— То есть это что-то вроде Ада?

— Наверное.

— Но как тогда оттуда выбрался твой отец?

Алиса покачала головой:

— Этой истории мне не рассказывали. Мама помогла папе удержаться в нашем мире, несмотря на вес того, что тянет его вниз... но как он выбрался оттуда, откуда невозможно выбраться, я не знаю.

***

В родном городе было пасмурно и дул шквалистый ветер, пригибая деревья и швыряя в лицо ливневый дождь. Алиса успела смириться с тем, что придется промокнуть, когда Матвей раскрыл над ней свой зонт: уютные белые коты на на черном фоне.

— Далеко идти? Ты в своих ботиночках совсем промокнешь.

— Не очень далеко, да и не страшно мне промокнуть.

— Страшно, — ответил Матвей строго — промокнешь, простудишься, не сможешь работать. У тебя ведь есть здесь родственники кроме отца? Зайдем к ним, переоденешься и поешь.

Алиса почему-то согласилась, хотя сперва не хотела заглядывать к тете — все равно ненадолго. Но проходя мимо мрачного папиного дома, Алиса не испытала желания скорее бежать туда.

Она чувствовала что сможет увидеть больше, узнает об отце то, чего не знала, и, может, и не хотела бы знать?

Тетя очень обрадовалась ей — она-то думала, что теперь долго не увидит любимую племянницу, даже не сказала ничего по поводу позднего визита. Они поужинали, два часа пили чай, беседуя о том, о сем, пока Матвей не коснулся локтя Алисы:

— Пора заняться делом. Потом все поезда уйдут, — сказал он.

Алиса шла к папиному дому на ватных ногах. С каждой секундой ей все меньше хотелось знать, что папа может рассказать.

Остановившись напротив крыльца, она почувствовала холодное прикосновение старого знакомца: ледяного ветра. Он дул здесь даже летом. По коже побежали мурашки и ухо уловило тревожный неразборчивый шепот, будто кто-то называл ее имя.

Алисе понадобилась вся ее смелость, чтобы посмотреть на дом по-настоящему.

Матвей остановился вместе с Алисой. Дом перед ними на первый, рациональный взгляд ничем не отличался от таких же частных домов, разбросанных вокруг, но, чуть натренированный уже в делах мистических, Матвей почувствовал, что ему очень не хочется на него смотреть и присматриваться. Взгляд будто сам собой соскальзывал, упирался в покосившийся забор, захваченный зарослями травы и разросшихся кустов.

Темные бревна из которых было сложено здание о трех этажах, еще больше потемнели от ливневого дождя. Стоило двоим шагнуть через калитку, как городские звуки будто отрезало. Не было слышно лая собак, шума машин. Даже дождь шумел как-то иначе.

"Как на кладбище", — подумал Матвей и эта мысль долго потом не давала ему покоя, очень уж похоже.

Всю дорогу сюда, Матвей думал, какой отец может быть у Алисы?

На ум приходил кто-то такой же умненький как она и столь же рассеянный, с такими же яркими глазами, улыбчивый, непоседливый.

Дом, больше похожий на склеп, рисовал совсем другую картинку. Слова о том, что отец Алисы пришел из антимира, перестали казаться абстракцией.

Алису явственно трясло. Раньше, когда она упоминала отца, он не слышал никакой неприязни и тем более страха. Теперь же она боялась, больше, чем в той заброшке, которая замучила и поглотила кучу людей.

Алиса что-то видела, но не торопилась делиться этим с Матвеем. Он оставил это решать ей. Наконец она сдвинулась с места и медленно зашагала к дому. На крыльце стало еще холодней, только теперь мороз был не снаружи, а внутри.

— Матвей, тебе не обязательно ходить, — вдруг сказала Алиса, глядя куда-то под ноги. — Если хочешь...

Матвей решительно покачал головой. Место паршивое, а значит бросать ее здесь одну нельзя.

— Какая разница чего я хочу? Мы напарники, и здесь по делу. Куда ты, туда и я, — сказал Матвей и сам взял ее за руку.

Его тряхнуло, будто он наступил на провод и разряд ударил по нервам. Пришло странное, очень реальное ощущение, будто тела у него никогда не было, было только сознание, которому мерещилось, будто бы у него есть тело, но то была пустая, угрюмая греза, оставившая после себя привкус безнадежности.

Когда первый морок прошел, Матвей пожалел, что у него вообще есть глаза.

Бревен почти было видно под черной паутиной, покрытой уродливыми мертвыми цветами. Под ногами шевелился ковер из червей и пауков, змей и тараканов, но и это было не самое худшее.

Сердце болело, как будто Матвей потерял ту, кого безумно, отчаянно любил, но эту любовь у него отобрали, оставив вместо нее дыру, что причиняла невыносимую боль, которая мучила еще и от того, что он не мог вспомнить, кого же он потерял.

Как будто внутри до боли натянулась струна, на которой какой-то скрипач вытягивал болезненную, звенящую безнадежностью ноту.

— Он стал сильнее, — сказала Алиса и сжала руку Матвея, — Это не твои мысли и не твоя боль. Помни, хорошо?

Глаза у нее были полны слез. Матвей почувствовал себя гостем на чужих похоронах, невольным свидетелем общего горя.

За незапертой дверью их ждало продолжение кошмара. Они оказались в прихожей.

Впереди — лестница на второй этаж, в темноте справа от нее — дверь.

Стены и пол шевелились от ползающих по ним гадов, а среди них, не обращая никакого внимания на ползающую по ним дрянь, сидели, скорчившись темные фигуры. Почуввав приближение людей, они подняли глаза — светящиеся, как фонари. Распахнулись утыканные кривыми клыками пасти.

Матвей пожалел что не прихватил с собой распятия.

— Они нас не тронут, — сказала Алиса, покрепче сжимая его руку. — Они здесь не за нами. Пойдем.

Она повела его мимо уродливых горгулий и монстров с изуродованными лицами. Чудовища шли за ними, наступая на их следы — поднявшись на середину лестницы, Матвей посмотрел вниз: лестницы не было видно в реке уродливых, исковерканных тел. Их светящиеся глаза складывались в полумраке в какие-то жуткие созвездия.

На втором пролете они остановились тихо шипя и шурша, провожая гостей алчными взглядами.

Наверху гады уже не ползали по стенам и паутины почти не было, только клубился мрачный черный туман, похожий на тот, что окутывал жилище девушки, потерявшей ребенка. Только здесь горе было куда гуще.

На второй площадке была всего одна дверь, покрытая темной облупившейся краской. Алиса подняла кулак, чтобы постучать, но дверь открылась сама.

Комната освещалась большим, почти во всю стену окном. Бледный свет пасмурного дня бил в спину существо, которое сидело лицом к вошедшим.

Обычно, глядя на людей, какими бы злодеями они не слыли, мы чувствуем, что перед нами один из нашего, человеческого рода — великий или жалкий, страшный или прекрасный, но человек. Встретив впервые так называемого отца Алисы, Матвей понял, что существо перед ним не имеет никакого отношения к двуногим млекопитающим из плоти и крови. Его форма походила на человеческую, но смотреть на него было все равно что наблюдать за пожаром, поглощающим город, смотреть на торнадо, срывающее с места вековые деревья.

Встреть его Матвей раньше, решил бы что перед ним сам дьявол.

— Мы не вовремя, папа? — спросила Алиса, про существование которой Матвей успел забыть, впрочем он бы и имя свое не вспомнил бы, вздумай кто в тот момент его спросить.

В длинных когтистых пальцах существо держало черный шар. Он пылал тусклым огнем цвета пепла. Существо отложило шар на подставку и огонь мало-помалу утих.

"Все происходит вовремя", голос звучал отовсюду, как будто это говорили стены или голос внутри Матвея.

Когда шар оказался на подставке, ушло напряжение и мучительный звон боли, разлитой в воздухе. Стало легче дышать и соображать, даже безотчетный страх почти прошел.

— Рада, что тебе лучше.

"Лучше..." — теперь в голосе явно ощущалась горькая ирония. — "Может и лучше. Ты пришла спросить меня о месте, откуда я пришел?"

— Да, папа. Расскажи нам, пожалуйста. — сказала Алиса, подбирая юбку и усаживаясь прямо на пол. Матвей нехотя последовал ее примеру, чтобы не торчать посреди комнаты, как каланча.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Трогательно и фантазмагорично было то, что Алиса продолжала называть это жуткое

существо папой. Никакого сходства между ними Матвей к слову, не заметил — светящихся огненных глаз, как и черной кожи и рогов у Алисы не наблюдалось.

— Кто-то выбрался из подмира, чтобы навредить живым людям, — сказала Алиса, — открыл для них дверь в старом театре, куда она ведет мы не знаем. Знаем только что тот, кто покинул подмир питается страхом.

"Не просто страхом. Смертельным ужасом. Это отличительная черта детей подмира", — поправил ее отец и как будто задумался ненадолго перед тем, как продолжить, — "Думаю, я помогу вам, если скажу, что круг подозреваемых очень узок: сохранить сознание и личность в подмире могут немногие. Это скорее исключение, гимн чудовищному упрямству или чудовищной же мстительности. Большая часть тех, кто угодил в подмир и подвергся его яду, сразу становится его частью, бесформенной массой алчущей страха и боли. Такие как я, сохранившие в этих условиях тень себя и сумевшие выбраться — крайне редки. Тот, кто открыл для тех людей дверь в Дом на Перекрестке, должен был заручиться поддержкой извне".

— Как ты сказал? — спросила Алиса подавшись вперед от любопытства. — Дверь куда?

"Дом на Перекрестке или Перекресток. Это особое место, про которое мне кое-что приходилось слышать при жизни, но сам я никогда там не был. Перекресток заманивает к себе людей обуянных страхом. Там они попадают в ловушку из своих ужасов и постепенно Перекресток капля за каплей поедает их личности. Чем медленнее он их ломает тем больше для него пищи и удовольствия. Попасть туда может не каждый — только человек одержимый ужасом, скажем так, имеющий выдающийся талант бояться. Иные люди его не интересуют и даже вредят ему. Пожрав личность человека, Хозяин Перекрестка получает себе все его знания и достоинства и на том проживает еще часть своей бесконечной жизни, заполненной издевательствами над людьми".

Матвей почувствовал как будто кто-то осторожно подул холодом ему в затылок. С каждым новым витком этого дела выяснилось, что мир полон более и более чудовищных вещей. Реальность оказалась ненадежной, пугающей, тревожной. Он едва уже помнил, что когда-то мир казался ему понятным, а все возможные неприятности — посильными. Самое страшное, что с ним могло случиться это травма из-за которой придется оставить работу, но и в этом случае он мог рассчитывать на пенсию, и при должном старании на место консультанта.

Теперь же изнанка мира показала ему куда более страшные участи и возможности.

— Зачем Гостье открывать дверь в Перекресток? — вслух рассуждала Алиса, — возможно те люди были готовы раскрыть ее и уничтожить, помешать покинуть подмир. Ведь они работают на Стража.

"Дверь не открылась бы без согласия и желания Хозяина Дома", — сказал отец, — "Это ловушка не для всех."

— Значит он знал о готовящейся ловушке? Мог он каким-то образом договориться с Гостьей?

"Мог. Хозяин Перекрестка не заперт в доме и свободен ходить куда ему вздумается. Говорят, это бессмертное существо практически всемогуще и довольно равнодушно ко всему. Его мало чем можно заинтересовать. Если имела место сделка, условия были неординарными".

— Да, это вопрос. Гостье нужно чтобы ей никто не помешал перейти и...

"Ей нужна была добровольная помощь живого человека извне". - согласился отец, — "И

она теперь будет торопиться — она не может рассчитывать на то, что после пропажи группы Страж будет сидеть сложа руки. К тому же, любой получивший возможность вырваться из подмира хоть на миг, сделает все чтобы выгрызть себе шанс покинуть его навсегда. Но еще ей нужно выполнить условие, данное Хозяину Дома. Она будет торопить того человека, на чью помощь рассчитывает".

— А ради чего человек может пытаться помочь такому? Что может Гостья дать человеку? — спросил Матвей, впервые за весь разговор подав голос. Логические рассуждения пошли ему на пользу — взвешивая возможности и варианты Матвей почти переставал помнить где находится и чего бояться.

"Выбор большой", — ответил отец Алисы, — "Смерть, адовые муки, страдания. Я знаю о чем ты подумал: что как и в сказках, демон способен дать человеку могущество, силу, власть. Но это не так. Все, кто попал в антмир хуже мертвецов. Земля неспособна носить нас из-за веса преступлений, которые мы успели совершить. Мы не можем дать ничего, потому что у нас ничего нет — сами собой мы представляем собой персонификацию отрицательного числа, не способные ни к какому приложению силы здесь, в человеческом мире. Паразитируя на человеке мы можем чуть продлить свое время здесь, но взамен он ничего не получает — только теряет чудовищно много".

В конце его речи, голос стал едва слышным. Матвей снова ощутил давящую на плечи печаль и удивился про себя: создания антмира представлялись ему беспощадными и безликими монстрами. Сам факт, что один из них был способен тосковать по человеку, выбивался из этой картины.

"Я был таким как ты думаешь", — ответил на его мысли демон, — "Был. Но она дала мне шанс и изменила меня. Огромной ценой, но и эта цена — часть возвращения. Демоны не способны страдать из-за других. Эта боль — хороший симптом, для того кто хочет снова стать человеком и заслужить место под солнцем. Но для существа влюбленного в ту, кто умер из-за его природы это мука".

— Это был ее выбор, — твердо сказала Алиса, храбро глядя в его лицо.

"От этого не легче, Алиса".

— Скажи... есть ли шанс что Джентльмен — в доме на Перекрестке?

"Да".

Алиса сильно побледнела.

— Как долго человек может там находиться и... сохранить себя?

"Долго. Перекресток никуда не торопится. Он может тянуть умирание бесконечно. Время там течет иначе. Ты знала Джетльмена семь лет — для бессмертного Хозяина Перекрестка это не срок. Говорят, он видит время не так как мы. Будущее настоящее и прошлое для него происходят одновременно, он знает все, помнит и начало своего Перекрестка и его конец. Тем более удивительно, что Гостья смогла его чем-то заинтересовать и заставить участвовать в своих планах".

— Если так, то есть и другой вариант. — сказал Матвей, — Что это Хозяин Дома отыскал Гостью и предложил ей сделку. Если ему все известно, это беспрюирышный для него вариант и кому как не ему знать, что бестии из антмира только и мечтают о том, чтобы прорваться в наш мир. В этом деле он куда более сильная и осведомленная сторона, а значит более вероятный зачинщик всего этого дела.

Алиса поглядела на него с безмолвным изумлением. Огненный взгляд ее отца сложно было считать на эмоции, но Матвею показалось, что и он впечатлен.

"Сообразительный", — сказал он. Надо думать в его устах это была высшая похвала человеческому существу.

— Если бы я еще мог понять, что бессмертному и всемогущему существу, обладающему всезнанием, может быть нужно, вот тогда цены бы мне не было, — сказал Матвей остро ощущая нехватку в их разговоре Белого — это была его обычная роль по сбиванию спеси с подчиненных.

— Вот его и спросим. — сказала Алиса, — Для того чтобы вызволить ребят нам ведь все равно придется забраться в этот Дом.

— Как будто это тоже самое что крюк по дороге домой сделать! — поразился Матвей, не понимая, храбрость ли это или безграничная глупость.

— Тут и думать нечего. — пожала плечами Алиса.

— Были ли вообще случаи, когда люди покидали Перекресток? — задал Матвей вопрос ее отцу, полагая его куда более разумным мыслящим существом. Хоть и демоном.

"Нет. Мне о таких случаях ничего не известно".

— Мы будем первыми! — сказала Алиса. А в глазах — азарт и решимость. Ведь и правда все что угодно сделает, чтобы попасть туда. И не ради людей, а потому что решила, что Джентльмен там.

"Ты лезешь в петлю".

— Потому что другого выхода нет, — решительно заявила Алиса. — Я обещала спасти его и я его спасу и никто меня не остановит.

"Ты меня недооцениваешь", — обманчиво тихо сказал ее отец и Матвей ощутил как в воздухе повеяло угрозой, но обрадовался этому. Он точно знал что сам Алису не остановит и был рад в что вмешивается тот, кому это под силу.

— Что ты имеешь ввиду? — нахмурилась Алиса, и сжала кулаки, готовая сражаться до последнего.

"Дверь в Дом это все-таки просто дверь. Я могу сделать так, что ты никогда не сможешь в нее войти, пусть даже она будет стоять распахнутой перед твоим носом".

Алиса была совсем не готова к такому повороту и смогла ответить только:

— Нет. Ты этого не сделаешь. Я... я тебя возненавижу!

"Ты представляешь сколько людей меня ненавидели за все мои жизни?" — холодно поинтересовался ее отец, — "Меня ненавидели люди, куда более могущественные опасные чем ты. Меня ненавидели целые нации. По сравнению с этим, ненависть родной дочери, чью жизнь я обязался сохранять любой ценой — это неприятно, но я переживу".

— Ты так не поступишь. Если бы кто-то был тогда на твоём месте и запретил маме...

"Этому человеку я от всей души пожал бы руку!" — от вспышки его ярости воздух в комнате задрожал и половицы заходили ходуном. Матвей зажал уши, а Алиса кожей почувствовала, что существа внизу, те, что просачивались из подмира и ждали ее отца, жажда затащить его назад, продвинулись на пару ступенек выше, алчно лоя отголоски его гнева.

Ощувив это, Алиса протянула руку и положила ее на плечо отца, умоляя его про себя не искушать судьбу. Он, казалось, тут же взял себя в руки, по крайней мере его голос звучал куда спокойней, когда он продолжил:

"Я не боюсь твоей ненависти, но понимаю, что поступить так с тобой было бы жестоко. А я не могу себе позволить быть жестоким."

— Спасибо, папа, — очень тихо сказала Алиса.

"Я мало могу рассказать о Перекрестке, но есть существо, которое ведаёт о таких местах больше моего. Не удивлюсь если он и с Хозяевами домов водит дружбу. Если ты поговоришь с ним, он может отыскать для тебя более безопасный путь в Дом. Не тот, который убьёт тебя".

— Ты скажешь мне как найти его? — кажется Алиса не поверила своим ушам.

"Да. Чародея легко отыскать, но если знаешь, кого ищешь. В годы, когда я ещё ходил по земле, мы с ним были, можно сказать одной крови. Он узнаёт в тебе мою дочь и не откажется выслушать".

Глава 11: Девушка Морфея

— И мы все равно не знаем, что за Гость рвется наружу и что он обещал Хозяину Дома, — напомнил Матвей Алисе, когда они сидели в поезде, отправляющемся обратно в Москву.

— Ты сам сказал, что существо — второстепенная фигура, — ответила Алиса, не глядя на него. Она быстро записывала от руки, как найти того, кого отец называл Чародеем. Якобы это мистическое создание могло помочь Алисе найти безопасный вход в Перекресток и всех спасти. Не то чтобы кто-то кроме Алисы верил, что это возможно.

Матвей почувствовал, что начинает сердиться и постарался не дать гневу просочиться в голос:

— Сначала ты была одержима идеей влезть в подмир, теперь ты и думать об этом забыла и стремишься в этот Перекресток.

— А мне казалось, что перед нами стоит задача вызволить наших коллег, разве нет? Я обращаюсь к наиболее эффективному способу, только и всего.

— Нет. Ты выбираешь идею, которая приблизит тебя к Джентльмену.

— Если можно спасти и его и ребят одновременно, то в чем проблема?

"Я не умею с ней разговаривать", — подумал Матвей, глядя в ее честные зеленые глаза и понимая, что у него в арсенале нет ни одного аргумента, который поколебал бы ее железобетонную уверенность.

Он молча сел рядом и заткнулся, оправдываясь про себя, что сделал и сделает все, что может, чтобы защитить Алису, в том числе и от самой себя.

Очень ему не нравилось, что Алиса пойдет искать Чародея одна — таково было условие. На душе кошками скребли дурные предчувствия.

***

"Найти Чародея просто..." — сказал отец.

Алиса нервничала, сидя на бортике у фонтана. Светило солнце, осенний воздух пах опавшей листвой и свежим хлебом с завода неподалеку. Как можно быть уверенной, что она встретит Чародея? Может сейчас он где-то в противоположной части города, занят своими чародейскими делами?

Однако отец только отмахнулся от ее сомнений — "Если ты захочешь его встретить, то встретишь и все". Лучшее наставление в истории. Одиссею и то внятней объясняли.

Алиса нервничала, оглядывалась по сторонам, сканируя окрестности и ждала. Как ни странно парк, в который она забрела, настойчиво думая "Я хочу встретить Чародея", оказался очень чистым местом. Ни шлейфов уныния, ни скуки ни усталости не волочилось здесь за людьми, а ведь по утрам вся Москва утопала в этом месиве, щедро создаваемом мыслями человеческими. А здесь даже на изнанке светило солнце. Станный эффект, с чего бы ему тут быть? И церкви рядом нет.

Вчера в середине дня, почти не спавшие изрядно измочаленные Матвей с Алисой вернулись в Москву и сообщили Белому о том, что узнали. К неудовольствию Матвея Белый сдержанно одобрил предложение отца Алисы поговорить с Чародеем.

— Только не увлекайся, — посоветовал зачем-то.

Чем же ей увлекаться? Чародей нужен чтобы дать информацию о Перекрестке, только и всего. Алиса представляла, что он будет чем-то похож на отца — мрачный затворник,

древний маг, чья память хранит слишком много боли, чтобы сохранить человечность, угрюмый и страшный. Уговорить его скорее всего будет непросто, но возможно и про себя Алиса подбирала аргументы, репетировала разговор так, что даже нервничать перестала, как и замечать что-то вокруг себя.

— Что-то подсказывает мне, — заговорил кто-то над самым ее ухом, — что вы здесь не просто так, а ждете кого-то. Подозреваю моя удача сегодня так велика, что вы ждете не кого-то, а меня.

Алиса подняла глаза и увидела молодого мужчину, высокого и прекрасно сложенного с лицом симпатичным и чуть-чуть лукавым, словно он задумал какую-то шутку. Он рассматривал Алису с таким восторгом, что ей стало неловко.

Первой ее реакцией было вежливо и поскорей отшить красавчика, выбравшего не лучшее время и место для знакомства, но, по привычке, она посмотрела на него с изнанки и не увидела никакого человека.

Он был облаком. Изнутри его исходило сияние, но что там так светилось видно не было — сполохи сияющей золотой пыли заволакивали весь обзор. Алиса почувствовала удивительную легкость, в мире как будто прибавилось красок и яркости. Мир пронизало какое-то счастливое ожидание, как когда просыпаешься в день рождения и ждешь подарков.

— Вы — Чародей? — догадалась Алиса.

— Так меня иногда называют, хотя нет, сейчас никто не называет, вот лет пятьсот назад... а ты — дочка моего приятеля. Подозревал, что Фобос не задержится надолго в подмире, все-таки ему там совсем не место, рад, что хватило пороху выбраться.

— Как вы его назвали? — удивилась Алиса.

— О боже, нет, — он забавно сморщился. — Не делай этого со мной, ладно? Никакого "вы", звучит кошмарно.

— Извините, то есть... извини.

— Фобос это просто прозвище, для своих. Меня он помнит Чародеем, а еще Морфеем. Я уже сказал, что здорово, что он выбрался? Надо будет его навестить, раз он уже вспомнил старого друга. Так чем я могу помочь тебе, прекрасное создание?

— Папа сказал, что вы знаете как зайти в дом на Перекрестке и выйти обратно. — сказала Алиса. — В доме застряли люди, которых я должна спасти.

— Вот как, — ответил Чародей. Глаза у него были медового цвета, золотисто-желтые, светящиеся изнутри. Алиса поймала себя на том, что отвести взгляд от его глаз очень трудно и совсем не хочется.

— Ты добрая девочка, — сказал он вдруг, поднимаясь с места и глядя на нее просительно, — дашь мне немного подумать? Дело непростое, опасное, не с бухты-барухты решать. Ты ведь знаешь, что из Перекрестка не так уж легко уйти? Вот и мне нужна минутка на размышление, позволишь?

— Конечно, зачем вы... ты спрашиваешь? — и куда делать Алисина обычная настойчивость?

— Затем что это вежливость. А я чертовски хочу тебе понравиться, — ответил Чародей, улыбнулся лучезарно и исчез.

***

— Ты ведь точно знаешь, чем это кончится. — сказал Морфей, как ни в чем ни бывало переступая порог мрачного темного жилища.

"Столетия пошли тебе на пользу", — ответил Фобос.

— А тебе — нет. — Морфей пристально посмотрел на побратима и покачал головой, — Мне очень жаль, друг. Прости, что не пришел раньше.

"Я не умею просить о помощи для себя".

— Потому и сержусь. Скажи ты хоть слово, я бы нашел чем помочь, ты же знаешь.

"У тебя нет власти над жизнью и смертью".

— Зато я владею лучшим набором обезболивающих на свете, Фобос. Об этом ты забыл. Тебе не обязательно так страдать.

"Обязательно. Нет в этом смысла если это легко. Ты мне нужен не для этого. Ты ведь все понял".

— Понял. Твои методы остались столь же бесчестными, сколь и раньше.

"Скажи еще, что всегда отказывался участвовать во всех моих планах".

Морфей фыркнул. Да уж, нечего в белые плащи рядиться, сам-то хорош.

"Я хочу, чтобы она была в безопасности и не страдала. То, чего она сейчас хочет — безумие. Ее надо спасти, а ты хорошо умеешь переубеждать".

— Умею. — кивнул Морфей и исчез.

***

Алиса не могла больше сидеть и стала ходить по парку, нарезая концентрические круги вокруг фонтана.

Вдруг Чародей не сможет ей помочь? Вдруг не захочет?

Указательным пальцем Алиса нервно терзала заусенец на большом пальце, не замечая, что разодрала его в кровь.

Пытаясь как-то скрасить ожидание они купила себе кофе щедро посыпанный шоколадом и политый карамелью. Вкус оказался настолько потрясающим, что она даже забыла о чем только что так переживала.

И вообще обо всем на свете забыла.

Закружилась голова, мир померк и Алиса испугалась — ужас пронзил ее как стрела, как будто у нее отнимали что-то, что она не хотела отдавать, но сопротивляться не получалось. А через мгновение прошло и это. На плечо легла рука и Алиса обернулась, с улыбкой, точно зная кто это.

— Ты в порядке? — спросил Морфей. Глаза у него были золотые, притягательные. Мед, янтарь, смола. Потеряться бы в них, утонуть да и остаться навсегда внутри него. Алисе ужасно захотелось его поцеловать. Удивительное дело, они живут вместе уже больше года, а сердце до сих пор сжимается внутри так будто в первые дни знакомства. Она почему-то гордилась этим. То, что не тускнеет со временем — настоящее.

— Ага, — сказала Алиса. Остатки странного дурного настроения, которое у нее было недавно, растворились как тени от яркого света. Она даже не помнила причины беспокойства. — А пойдем домой? Странно, каждый день вместе, а у меня чувство будто я ужасно по тебе соскучилась, всего-то за пять минут.

Матвей начал нервничать уже когда Алиса не вернулась в отделение на следующий день. И дома, как он узнавал, тоже не появлялась. Он поделился своими подозрениями с Белым:

— Не нужно было отпускать ее одну, — сказал он, расхаживая туда-сюда по кабинету Белого, — Кто этот Чародей, где его искать? Вы ведь наверняка знаете.

— Ты не мог бы перестать мельтешить? — попросил Белый, продолжая читать свои бумаги и не особо реагируя на слова Матвея.

Он остановился, вцепившись в спинку кресла так что пальцы побелели.

— Нужно отыскать ее.

— Не-а. — ответил Белый и поднял глаза, — Искать группу — первоочередное задание.

У тебя были неплохие идеи по сбору информации? Почему бы тебе не заняться этим?

— Почему вы так равнодушны к тому что Алиса пропала? — в лоб спросил Матвей.

— Потому что она не пропала, — ответил Белый как ни в чем ни бывало. — Считай, что она выполняет задание. Готов поручиться, что ничего плохого с ней не произойдет.

— То есть вы знаете где она?

— Представляю. Тебе не о чем беспокоится.

Разговор таким образом исчерпал себя, но отделаться от дурных предчувствий у Матвея получалось плохо.

***

Во сне кто-то звал ее по имени. Алиса, Алиса, АЛИСА!

Она проснулась, вздрогнув, всем телом ощущая какую-то угрозу, что-то важное что ей говорили во сне...

Морфей поцеловал ее в плечо.

— Снова кошмар?

Алиса повернулась к нему, обхватила руками, прижимаясь покрепче. Стало хорошо и спокойно.

— Да. Снова не помню о чем. Как будто кто-то меня звал, но я не поняла кто и зачем.

— А знаешь, какое самое лучшее средство от кошмаров? — спросил он отбрасывая одеяло в сторону, долой. — Кофе. По старинному рецепту. Такого ты еще не пила, даю на отсечение любую часть тела, на выбор!

— Погоди, — улыбнулась Алиса, обняла его лицо ладонями и поцеловала. — Вот. Чтобы кофе лучше варился.

— Ты ведь знаешь, что я вернусь за остальным, да? — лукаво спросил он и чмокнул ее в кончик носа. — И очень скоро!

— Жду не дождусь, — ответила Алиса.

Дурной сон и смысл, который он нес, выветрились из ее памяти без остатка.

***

Так прошла зима и весна и лето. Алиса была счастлива до неприличия, жила как в прекрасном сне, окруженная заботой, лаской, солнцем — ведь она любила самого потрясающего человека в мире, а он любил ее, и даже когда не говорил этого вслух, Алиса видела это, чувствовала всем сердцем и телом и нежилась в этом чувстве как в теплых водах южного моря.

Он варил ей кофе, носил подарки, всегда угадывая чего ей хотелось прямо сейчас, наполнял ее жизнь маленькими чудесами, которые делали ее восхитительной, волшебной.

Только сны омрачали ее счастье. Они становились навязчивыми. Не раз и не два Алиса просыпалась в слезах, но не помнила о чем плачет. Хорошо, что Морфей всегда был рядом и парой слов, а иногда и одним взглядом разгонял странную, непонятно откуда взявшуюся тоску. Но когда его не было, Алисе приходилось непросто.

Жарким летним днем, проснувшись одна, Алиса обняла себя руками. Внутри было холодно и страшно. В зеркале она увидела свои заплаканные глаза и поскорей умылась, чтобы отвернуться от своего отражения, которое как будто хотело ей что-то сказать.

Она сварила себе кофе, потому что его вкус всегда ее успокаивал, но сегодня все было

не так, все валилось из рук. Алиса пошла прогуляться, надеясь что солнце и ветер выгонят навязчивую тоску. Вместо этого, стало только хуже.

Алиса! — шептало что-то внутри и она вздрагивала и ускоряла шаг.

Алиса! — повторял голос, бился как птица внутри. В голову лезли непрошенные мысли.

Почему сейчас лето, если совсем недавно была осень? Она ведь точно помнит, как вчера, теплый осенний день, вот этот фонтан. Она ждала Морфея, зачем, если они живут вместе?

Алиса как будто играла сама с собой в "горячо-холодно".

Ее что-то беспокоило, но что? Что это было? О чем она хотела попросить Морфея?

Ей захотелось, чтобы он оказался сейчас рядом. Погладил по голове, поцеловал в лоб и сказал что все пройдет, сейчас они вернутся домой и все будет хорошо.

Алиса обняла себя руками, чтобы согреться. Почти два года они вместе... но почему она не может вспомнить как они познакомились? Почему воспоминания плывут и подменяются?

"Что-то мне подсказывает, что вы здесь не просто так, а ждете кого-то?".

Но зачем она его ждала? Алиса села на бортик фонтана, глядя куда-то в пустоту, путаясь в воспоминаниях. Как будто она сошла с ума. О, Морфей, где ты когда так нужен?

Небо заволокли тучи, сгустилась духота. Будет гроза.

Взгляд зацепил яркое пятно. Алиса обернулась и увидела что кто-то забыл на бортике коробочку, перевязанную синей лентой. Она огляделась по сторонам, увидела исчезающего за поворотом живой изгороди мужчину — единственного кто мог забыть коробочку. Алиса бросилась за ним, но он уже исчез. Она растерянно опустила взгляд и увидела на коробке надпись:

"Открой меня, Алиса".

В коробочке лежал галстук-бабочка цвета индиго. Сердце стукнуло в грудную клетку с такой силой, будто хотело пробить ее насквозь.

***

Беспокоясь об Алисе Матвей взял за правило по многу раз проезжать мимо ее дома, ожидая ее возвращения. Он брал с собой копии раздобытых документов о деле, читал, думал и ждал. Несмотря на слова Белого, Матвей был уверен — Алиса попала в какую-то передрагу.

Увидев бредущую по тротуару девушку, он сперва не узнал ее, гадал пока она не открыла дверцу его машины и села на переднее сидение. Тогда он убедился что это действительно она: совершенно обезумевшая, дрожащая, как осиновый листок. Нашлась.

Минуту она молчала, обхватив себя руками и глядя прямо перед собой. Матвей тоже молчал, чувствуя что она не в себе — тронь и взорвется.

— Сколько меня не было?

— Девять дней, — ответил Матвей.

Алиса кивнула, опустила голову и расплакалась, жалобно, как ребенок. Матвей прирос к сиденью на зная, что делать, но инстинктивно протянул руку и неловко погладил ее по плечу. Алиса уткнулась лицом в его плечо вздрагивая от рыданий, неразборчиво что-то говоря:

— Было так хорошо, а все обман, все ложь, понимаешь, и зима волшебная и лето, иллюзия, сон, как же я зла, но как же больно... как я могла забыть? Как это вообще?

— Значит он тебе не помог? Только околдовал? — понял Матвей.

Алиса кивнула, утирая лицо рукавом. Матвей вытащил их бардачка коробку с бумажными салфетками и Алиса яростно стала разорять ее, сморкаясь и вытирая слезы. Теперь она выглядела скорее злой, чем печальной.

— Ничем не помог. Только обманул.

Руки у нее дрожали. Алиса тоже это заметила и глубоко вздохнула.

— Прости. У меня до сих пор в голове все путается. Не помню что было на самом деле, а что — во сне. У меня... у меня как будто жизнь украли. Ненадолго, надолго не получилось. Но теперь все путается. Помоги мне, пожалуйста

Она вся поникла, сжимая горсть платков и Матвей почувствовал, что она вот-вот снова заплачет.

— Конечно. Что нужно сделать? Ты учти, я не колдун, но тоже много могу. Вот что, у меня чувство, что ты за эти девять дней вообще ничего не ела. Мы сейчас поедem туда где есть еда, а по дороге ты придумаешь чем я могу тебе помочь прямо сейчас.

— Хорошо. Ты извини... не повезло тебе с напарницей.

— Глупостей не пори, — ответил он. — Это еще кому не повезло!

Алиса неловко улыбнулась, помолчала, а потом сказала:

— Ужасно боюсь, что это все иллюзия. Просто продолжение сна, новый сюжет, чтобы сделать его более реалистичным.

— А есть способ определить наверняка?

— Думаю да. Во сне я была счастлива. Это была очень добрая ко мне иллюзия. А сейчас я в норме, если считать нормой отчаянье, страх, разбитость и ощущение, что мной воспользовались и обманули... Я придумала. Расскажи мне все что знаешь обо мне и что мы делали в последние дни. Хорошо?

— Договорились, — ответил Матвей и принялся рассказывать. Он старался вспоминать детали, диалоги, даже погоду которая была в тот или иной день. Он рассказывал пока вез ее к себе домой, потому что боялся теперь оставить ее одну и пока готовил для нее обед и ужин.

В конце концов Алиса уснула у него на диване. Хрупкая, что ваза из тончайшего стекла. Матвей стащил с нее ботинки и тщательно укрыл, чтобы не замерзла. Это все, чем он мог помочь ей прямо здесь и сейчас. С тем, что творилось теперь у нее в душе, она могла справиться только сама.

***

Алиса проходила в задумчивости целый день, а потом неожиданно попросила Матвея:

— Прозвучит безумно, но мне нужно с ним поговорить.

— Мы о Чародее?

— О Морфее. Да. О нем.

Матвей заботился о ней как о непутевой, но любимой племяннице и Алиса ожидала, что он ответит отказом, чтобы не рисковать ею попусту. Но ей нужно было поговорить с Морфеем. Нужно было понять зачем он это сделал, и почему, если уж на то пошло, так легко отпустил. Ошибся или намеренно допустил чтобы птичка упорхнула?

Она точно знала, что зла он ей не желал. И теперь отчаянно хотела понять что же это было.

— Хорошо. — неожиданно согласился Матвей. — Только я буду рядом, хорошо?

— Об этом я и хотела попросить, — сказала Алиса, — чтобы ты вернул меня назад, если... если что-то пойдет не так.

Матвей вздохнул.

— Это все безумный и неоправданный риск, но мне наверное нужно привыкать к тому, что все равно все будет так как ты захочешь. Откажусь помочь — сбежишь и ищи тебя потом.

Алиса смущенно кивнула, на самом деле очень багодарная, что Матвей согласился помочь.

Дом, который она помнила, стоял на месте. Ее дом. Воспоминания поднялись внутри и Алисе пришлось напомнить себе, что все они — ложь. Они отступили оставив привкус безнадежности.

Конечно Алиса. Откуда в твоей жизни такое счастье?

— Если я не вернусь через десять минут...

— Ты собралась говорить с ним наедине?

Алиса закусил губу и кивнула.

— Да.

Матвей сверлил ее взглядом добрую минуту, потом снова согласился. Алису это удивило, но на самом деле Матвей не мог поступить иначе.

Он видел ее разбитой, раздавленной, несчастной и догадывался почему она хочет говорить с Морфеем наедине. Догадался что он с ней такого сделал и внушил, и страстно желал однажды стать метафизическим существом такой силы, какое сможет завернуть его в бараний рог, потому что с молодыми девочками нельзя так поступать.

Чем это лучше насилия?

"Намного лучше", — Ответил бы на его вопрос Морфей. Потому что она действительно чувствовала то что чувствовала и хотела того чего хотела. Никакого принуждения, лишь маленькая корректировка реальности. Обман — ну да, обман. Зато какой приятный.

Дверь была не заперта. Морфей ждал Алису. Взгляд у него был все такой же ласковый, чуть-чуть лукавый, медовый. Одного взгляда на него Алисе хватило, чтобы чувства снова охватили ее: нежность, желание приблизится, запустить пальцы в светлые волосы, прижаться и забыть страшный сон.

"Это все ложь", — напомнила себе Алиса. — "Все вранье".

— Ничего подобного, — сказал Морфей, — Это не ложь, это то что ты чувствуешь, На чувства я, поверь, никак не влияю, я же не купидон.

— Это ты сделал так, чтобы эти чувства возникли. Ты все так подстроил.

Он развел руками с улыбкой:

— Все мужчины так делают, солнышко, когда хотят очаровать девушку. Просто у меня возможности побольше.

— Зачем ты это сделал?

— Я ведь уже сказал, — ответил Морфей, глядя на нее лукаво.

— Я тебе не верю, — Алиса покачала головой. — Ни капли. Ты украл у меня память и почти украл жизнь, обманом заставил верить в то, чего никогда не было.

— Украсть у вора, не преступление. Или ты думаешь, что такие, как я никогда не влюбляются? Спроси у папы.

Алиса никогда не видела, как он злится. У Морфея всегда было лучезарное настроение, теплое, уютное. А сейчас воздух вокруг него звенел, брови едва заметно хмурились, губы кривились — совсем чуть-чуть, но Алиса почувствовала.

Его досаду.

— Зачем ты тогда меня отпустил?

Он вздохнул.

— Я не отпускал, а упустил. Моя бы воля, ты прожила бы со мной долгую жизнь. Очень счастливую, я бы об этом позаботился. Знал, что такая как ты однажды найдет способ вырваться из моих иллюзий, но все равно украл тебя и сейчас больше всего на свете хочу сделать это еще раз. Думаешь сложно зачаровать тебя еще раз и твоего друга тоже? Заставить его забыть, что ты когда-либо была несложно, он ведь просто человек.

Алиса покачала головой и отступила назад.

— Да зачем тебе это?

Морфей поморщился, как от зубной боли и подошел совсем близко, так что Алиса видела желтые искорки в его глазах. Хотелось еще раз шагнуть назад, потому что ей снова захотелось к нему. Да, вся жизнь рядом с ним была ложью, но как бы она не убеждала себя в этом, сердце ей не верило. Для него все было правдой.

— Потому что это и есть правда. Ответ сама на вопрос зачем я это сделал. Информации у тебя более, чем достаточно.

Алиса испугалась по-настоящему. Морфей нежно отвел ее волосы от лица. Взгляд у него был и ласковый и отчаянный. Взгляд влюбленного.

— Ты будешь сопротивляться. Будешь раз за разом выпутываться из моего сна, чувствовать подвох, просыпаться среди ночи от кошмаров, в которых твоя потерянная часть будет звать тебя. Ты будешь очень счастливой, рядом со мной. А на самом деле будешь несчастной. Это — все что меня останавливает, и если ты все еще не понимаешь зачем я тебя украл, клянусь, я тебя придушу.

Алиса наконец сделала то, что давно хотела — качнулась вперед, спрятала лицо у него на плече. Стало хорошо, стало спокойно, но от этого еще горше. Она ни на минуту не забывала о том, что у нее есть долг. Есть друг, которого она должна спасти. Она была полностью во власти Морфея, но она была готова сражаться. Вспоминать снова и снова, сделать все, для побега.

Он взял ее за плечи, поцеловал в лоб. Алиса ждала завесы забвения. Ждала что начнут выцветать воспоминания о Джентльмене, об их дружбе, об обещании. Но Морфей сказал:

— Уходи.

Она подняла на него глаза не веря своим ушам. Он смотрел в сторону, сжав челюсть так, что на скулах вздулись желваки.

— Уходи, пока я не передумал. Живи свою жизнь.

Алиса попятилась, отыскала дверь и прошептав "спасибо" побежала, перепрыгивая через ступеньки, так сильно ее гнало что-то в спину. Когда она выбежала из дома и обернулась, то обнаружила, что он просто исчез — там где стояла пятиэтажка, теперь росли цветы и вились усыпанные гравием дорожки.

Алиса стояла одна, на глаза наворачивались непрошенные слезы, сердце рвалось одновременно от радости и от тоски.

— Тут был дом, а теперь его нет. — сказал Матвей у нее за спиной. Она обернулась и увидела, как он неодобрительно качает головой.

— Его никогда и не было, — ответила Алиса, — просто показалось.

И запретила себе об этом думать.

Глава 12: Танцы на кладбище

— Что ты думаешь о кладбищах? — Матвей знал этот обманчиво ласковый тон и сразу представил, что за ним последует. Его предположения не радовали ничуть.

— А это обязательно? — спросил он.

Алиса наклонилась к нему, глаза горят, жесты порывистые: напарница снова была во власти идеи, а значит переубедить ее все равно не выйдет. Матвея в последнее время несколько беспокоил факт, что в их пара неравноправна — генератором идей и действия являлась Алиса, а он только вяло трепыхался да приводил ее головку в порядок, когда то требовалось. Незавидная участь, долго на такой роли он так точно не протянет.

— Гостья замучила не только тех, кого мы видели! — говорила Алиса, — А значит есть и другие свидетели, которые расскажут нам о ней больше!

— Ты, конечно имеешь ввиду мертвых свидетелей... постой, ты хочешь сказать, что ты умеешь оживлять мертвецов?!

— Никто не умеет оживлять мертвых, — строго ответила Алиса, — это запрещено законом. Но поговорить с умершим можно, почему бы и нет!

Алиса посмотрела на часы, а Матвей — на сгущающиеся за окном сумерки.

— Надеюсь, ты любишь кладбища ночью так же как и я! — нежно улыбнулась Алиса.

***

Ночь была безоблачной. Голубоватый свет луны серебрил полированные бока надгробий, коих здесь были сотни и тысячи. Во все стороны простиралась бесконечная, как космос, равнина усеянная холмиками и низкими оградками, с узенькими, в одну стопу тропинками между ними. Памятники попадались роскошные, с лепниной и вензелями, трагическими статуями плачущих ангелов и пудовыми плитами, но гораздо чаще встречались покосившиеся ржавые кресты с нечитаемыми табличками и могилы заросшие травой по пояс. Равенства смерть не принесла никому.

Алиса шла вперед, не сводя глаз с маятника, который указывал ей путь в лабиринте мрачного некрополя. Она хмурилась: что-то не получалось. В конце концов она убрала маятник в карман и сказала:

— Не выходит, маятник водит нас кругами. Здесь территория смерти, это его сбивает.

— Стало быть, идея провалилась, — буркнул Матвей, втайне подозревающий, что Алису не остановит и отсутствие ориентира, — Можем отправляться по домам?

Алиса какое-то время шла вперед молча, выдумывая подходящий ответ. Матвей косился на нее с явным ехидством — ясно, что они все равно будут делать то, что хочется ей, но интересно было, как она станет выкручиваться. Словесная перепалка отвлекала Матвея от жутковатых мыслей. Например о том, что за темные тени и сияния между могил он то и дело ловит уголком глаза.

— Начатые дела следует заканчивать, — сказала она наконец. — Папа говорил что незаконченные дела умеют мстить.

— А ты — примерная дочь, да и твой папа лучший из советчиков, — фыркнул Матвей, припоминая, что это ее отец послал дочь к Морфею. Матвей подозревал, что он знал, что Морфей заморочит Алису своими иллюзиями, знал и потому отправил дочь к нему, когда понял что сам не сумеет убедить ее не соваться туда, где ее гарантированно убьют. Такая своеобразная забота о ее безопасности, но не чистоте разума, не делала ему чести.

— К тому же его совет скорее всего касался недогрызенных глотков, — быстро добавил Матвей, гадая показались ли его слова Алисе грубостью или нет. Обижать он ее не хотел, ей досталось в последнее время.

Она ничего не сказала в ответ и пару минут они шли молча, пока Матвей снова не задал беспокоящий его вопрос:

— Как мы найдем те могилы, что нам нужны без маятника? Может, стоит вернуться сюда днем, расспросить работников кладбища, может кто-то припомнит недавних загадочных покойников?

— Мы обязательно спросим, но не днем, а прямо сейчас, — заявила Алиса и резко свернула с тропы в сторону каких-то кустов. Она прибавила в шаге неожиданно и Матвей слегка оторвался от нее, а когда нагнал, она стояла посреди небольшой поляны, перед особенно красивым памятником. На нем не было каких-то избыточных украшений, пошлой лепнины или позолоченной ограда. Ангел на постаменте не заламывал трагично руки, не поднимал очи долу, но скульптору удалось изобразить на его лице тихую и светлую, но глубокую печаль. А со второго взгляда, в печали проглядывала какая-то легкая, едва уловимая укоризна, с которой он смотрел на живых. Укоризна и напоминание, что жизнь она не навсегда. Одного взгляда на статую хватало, чтобы понять что это — не заводская, а штучная работа, больше таких нигде нет, только здесь. Матвей так загляделся на ангела, что заметил присутствие еще одного участника, только, когда Алиса с ним заговорила:

— Простите за вторжение. Я не хотела никого напугать.

— И не напугала, — резко огрызнулся невысокий парень, прислонившийся плечом к боку постамента. Он был бледен, как молоко, отчего темные блестящие глаза казались огромными, в пол-лица. Он был одет в черный плащ, под которым угадывалась темно-серая толстовка и темные брюки, идеальная одежда для того, кто не желает привлекать внимания в темноте. Парень глядел на них с открытой враждебностью, как будто его за чем-то застали, и Матвей подумал, что парень, должно быть, кладбищенский мародер, а то и сатанист или некромант начинающий.

— Еще раз извините, — сказала Алиса, — Мы хотели спросить у вас дорогу.

Парень перенес вес с одной ноги на другую и недовольно спросил:

— А с чего вы решили, что спрашивать надо у меня?

Алиса улыбнулась, широко и ласково и сказала очень мягко:

— У кого же еще?

— А кого вам нужно найти? — из-за плеча парня выглянула девушка в неуместно красивом белом платье с голубоватыми цветами. Оно, впрочем, очень ей шло, облегая стройную, невесомую фигурку, усиливая сходство с эльфом, которое создавало и узкое, очень симпатичное лицо. Парень, увидев ее встревожился и попытался закрыть ее собой:

— Ди, я же просил, не показываться, — сказал он и сердито, и просительно.

— Но людям ведь нужна помощь, — простодушно ответила девушка, — И я вижу что они совсем не злые. Вы ведь не злые?

Ее вопрос прозвучал до того искренне и невинно, что Матвей невольно улыбнулся, проникаясь к девушке симпатией. А Алиса покачала головой, показывая что нет, совсем мы не злые. Девушка широко заулыбалась и победно потрясла парня за рукав.

— Ну вот. А хорошим людям надо помогать, да-да. Кого вам нужно найти?

Лицо у парня при этом было кислое и тревожное, он то бросал подозрительные взгляды на Матвея с Алисой, как будто боялся, что они как-то навредят его подруге, то смотрел на

нее с мольбой и каким-то глухим отчаянием.

Матвей не понимал его поведения, но явно понимала Алиса, судя по ее спокойному тону:

— Мы не задержим вас надолго. Нам нужны люди, умершие от руки демона, поднявшегося из подмира. Люди умершие от ужаса.

— Хорошенькие же у вас развлечения, — буркнул парень. Девушка, которую он называл Ди, кивнула на просьбу Алисы:

— Я вас провожу. Здесь появился один, не очень давно.

— Можно просто сказать им где это, — возразил парень, хмурясь и сердясь.

— Если не хочешь ходить, останься тут, я скоро вернусь, — ласково ответила Ди.

— Одна ты не пойдешь, — упрямо сказал он и взял ее за руку, бросив при этом такой взгляд на Матвея, будто оповещал что в случае чего, глотку ему перегрызет. Матвей про себя только пожал плечами. У него и вы мыслях не было вредить сказочному существу, каким казалась ему Ди.

Она не стала тратить времени зря и пошла вперед, очень легко, словно ее ноги не касались земли. Опустив глаза, Матвей увидел, что она боса и встревожился:

— У вас обуви нет, — сказал он, думая о ночной росе, могильном холоде на кладбище и о том, что осенние ночи промозглы и сыры. Девушке грозила как минимум сильная простуда, но она сказала:

— Это пустяки, я оставила туфли в могиле. Без них даже проще, — и пошла дальше. Матвей понял, что ему срочно нужна консультация специалиста и ткнул Алису в бок. К счастью ему ничего даже произносить не пришлось, вопрос был явственно написан у него на лице. Алиса сказала, на грани слышимости, не желая никого задеть:

— Да, она мертва.

— О, в этом нет никакой тайны, — сказала девушка, оборачиваясь. — Все в порядке, это не обидно.

Ее рука обвилась вокруг локтя парня, который бросил на них взгляд свирепый, но и печальный.

— Пока я нахожусь здесь вот в таком виде, но по истечении сорока дней мне придется уйти, — добавила девушка.

— Сорок дней почти истекли, — глухо сказал парень и причина его злости на прищельцев стала понятна. Матвею стало его жаль.

Ди остановилась и обняла ладонями лицо парня:

— Не грусти, миленький, не грусти! Я ведь вернусь, мы все возвращаемся, я тебя не забуду и обязательно найду.

— Я буду ждать. — сказал он с глухой решимостью и бесконечной тоской.

Матвею стало неудобно наблюдать за этой глубоко личной сценой и он отвернулся, глядя куда-нибудь вбок.

— Нужный вам мертвый лежит вот под тем крестом, — сказала Ди, указывая вперед. — Только позвольте вас остеречь: тот, кто там упокоен, не похож на других. Наверное нельзя так про мертвых, но я рада, что его могила далеко от моей.

— Спасибо за вашу помощь, — сказала Алиса, — еще раз извините за беспокойство.

— Все нормально, — ответил ей парень. — Ди права, хорошим людям надо помогать.

Девушка улыбнулась ему лучезарно и счастливо и они ушли, держась за руки. Приглядевшись, Матвей увидел как чуть-чуть просвечивают ее руки и как слегка сияет ее

чуждое платье в лунном свете. Очевидно, ее в нем похоронили и эта мысль показалась Матвею жуткой.

— Я вижу мертвых людей, — пробормотал он.

— Да, из него получится хороший некромант, — сказала Алиса, кажется, погруженная в свои мысли. — Надо будет найти его, если отделу понадобится специалист по этому ведомству.

Поймав младенчески-пустой взгляд Матвея, она пояснила:

— Умершие не становятся призраками просто так, для этого нужны определенные навыки и усилия. К тому же, ее призрачное тело хоть и недолговечно, но осязаемо и видимо даже простым смертным. Такое надо уметь.

Матвей порадовался про себя, что не все мертвые до сорока дней такие контактные. Некоторые жмурики с его прошлой работы явно были бы не прочь воспользоваться такими преимуществами загробной жизни, чтобы подсолить жизнь полиции.

Они с Алисой обогнули большой участок земли, на котором ютилась обширная семья неких Валерьевых. Сбоку еще оставалось пару мест, ждущих новых поступлений.

За этим склепом они увидели большой резной крест, и не слишком старую могилу — родственники еще не устали ездить навещать погибшего и наводить порядок.

Матвей быстро посчитал разницу между датой смерти и датой рождения и покачал головой, чувствуя досаду, которая часто подступала, когда ему приходилось наблюдать молодых людей, загубивших свою жизнь, кто наркотой, кто тюрьмой, кто нелепой смертью:

— Двадцать пять лет было парню. Жил бы еще и жил, пил бы курил, за юбками бы гонялся в свое удовольствие. И что его понесло в этот дом?

— Как и всех, — рассеянно ответила Алиса. Она подобрала широкую юбку и присела перед крестом на корточки. Длинные пальцы зарылись в землю. Алиса прислушивалась, терпеливо и спокойно, заглушив свое дыхание и замедлив стук сердца. Ее внимание сфокусировалось на слухе, на ощущении. Она ждала, приглашая мертвого поговорить.

В тишине раздался слабый, очень далекий толчок, но и его было достаточно, чтобы поймать ощущение и понять — перед ней именно тот, кого она искала.

Алиса отняла руку от земли, сняла с плеча сумку и достала белые камни, соль и хлеб. Нечасто ей приходилось вспоминать ведьмину науку, но сейчас Алиса была рада, что освоила и неприятное, жуткое, но полезное искусство призыва. Без этого неясно, как бы она попыталась разговаривать уже Ушедшего.

— Вот ведь, — выругался под нос Матвей, наблюдая за ее приготовлениями, — Все по-настоящему, как в кино.

— Такое и правда в кино показывают? — спросила Алиса, собирая круг из камней, достаточно широкий, чтобы в него мог встать человек. Солью она прочертила второй круг, извне первого, укрепляя границу. Хлеб положила в центре, перед этим подержав его в ладонях и согрив своим дыханием.

— И не такое показывают. Надо будет тебя туда сводить.

— Договорились, — ответила Алиса, хотя особо не прислушивалась. — Теперь надо помолчать.

Она снова замедлила сердце и почти перестала дышать, чтобы услышать слабое биение чужой души и пригласить ее на недолгую беседу. В темноте под ее закрытыми веками, кусок хлеба, напоенный ее силой, светился, как фонарь. Еще ярче он светился в мире того, кого она звала. Дух рванул на свет со страстью мотылька и угодил в круг.

— Еб твою, — услышала Алиса и по тону Матвея поняла, что случилось нечто экстраординарное. Она открыла глаза и целиком разделила реакцию Матвея: дух не просто пришел, он еще и стал видимым.

Только в отличие от красивого и аккуратного привидения Ди, этот призрак походил на обглоданный труп.

С жутким, пробирающим до костей утробным мычанием он рвал зубами хлеб. Кожа висела не теле как одежда на вешалке. От щек остались лоскутки тканей да бахрома рваных сухожилий, одно веко сгнило полностью и мутный глаз с деформированным зрачком торчал вовне, как уродливая перезрелая ягода.

— Боже ты мой, — пробормотала Алиса, надеясь что круг держит крепко, ведь от хлеба уже остались одни воспоминания. Мертвец слепо пошарил перед собой, отыскивая края круга, принялся скоенным набок остатком носа и захрипел.

— Ты... правда думаешь что это сможет нам хоть что-то сказать? — спросил Матвей.

Мертвец резко поднял голову на его голос и уставился в его сторону страшным выпученным глазом.

— ЫЫЫ, — низко застонал он, как зомби из кино.

— В нем совсем нет сил, — забормотала Алиса, роясь в своей сумке, — Он так выглядит потому что у него совсем нет энергии. Если его подзаправить, он заговорит.

Из сумки показался новый кусок хлеба с которым Алиса проделала тоже что и с предыдущим: подержала немного в руках, подышала на него как следует и нерешительно взяла его в руку, не зная, как отдать его мертвецу так, чтобы не остаться без руки. Хищный блеск мертвых глаз и настороженная поза не оставляли сомнений в том, что мертвяк на все пойдет, лишь бы получить больше "света" которым для него была энергия. Живые для мертвецов сияют — неумно, нагло, беспечно. Призраки тянутся к сиянию и когд могут его достичь, в тех немногих местах где мертвое и живое могут пересечься, они пожирают его без остатка.

— Бросай, — посоветовал Матвей, — Не то руку по локоть оттяпает.

Алисе не нравилась идея бросаться в мертвого человека хлебом, как в жирную утку, но выбора не оставалось. Она слегка размахнулась, не желая промахнуться и бросила хлеб в круг.

Мертвец сцапал подношение со птичьей стремительностью, поглотил хлеб в одно мгновение и выжидающе уставился в ту сторону, откуда он прилетел. В его отталкивающей внешности ничего не изменилось и взгляд не стал хоть каплю осмысленней, как надеялась Алиса.

— Кажется мы в тупике, — пробормотал Матвей. Алиса молча открыла сумку.

В следующие десять минут мертвецу было скормлено полбатона хлеба, три кристалла, из тех, что еще во времена ученичества Алиса три солнечных дня заряжала на заговоренном камне, и пригоршня ивовой коры. Мертвец самую малость вернул себе плоти, челюсть сомкнулась и немного закатился в глазницу глаз, но осмысленности и разумности это ему не прибавило.

Алиса достала из сумки последнее средство, на которое могла полагаться: маленькую бутылочку с чем-то красным.

— Если ты скажешь мне что это кровь, я не удивлюсь, — заметил Матвей, — Но скажу одно: существа, которых нужно кормить кровью редко оказываются приятны в общении.

— Я это понимаю. Тем не менее, кровь это последнее что может его разговорить. Хоть

мне и не нравится к этому прибегать. Кровь создаст связь между мной и ним и кто знает насколько легко ее будет оборвать. Но, другого выхода похоже нет, да?

Она как-то беспомощно улыбнулась и отработанным уже движением бросила флакон в круг, чтобы не дать Матвею времени ее отговорить: она знала, что сейчас это у него получилось бы отлично. Ей очень не хотелось делиться с кем-то своей кровью, но другого выхода перед ней и правда не было.

Мертвец поймал флакон прогнившей рукой, сунул его в рот и с хрустом разгрыз стекло зубами. Алиса почувствовала как ее собственная челюсть заныла от такого зрелища и с трудом поборола желание отвернуться. Кровь из флакона полилась по зубам трупа, окрашивая их в красный и потекла по подбородку, на кончике которого кожа лопнула и виднелась желтая кость.

Но что-то изменилось. Мертвец тяжело вздохнул. Кость на подбородке спрятался, высохшие мускулы налились изнутри, как губка, вобравшая воду и покрылись белой, бледной кожей. Лысый череп с жалкими ломкими волосами покрылся светлой очень густой шевелюрой, как поле в ускоренной в сотни раз съемке за секунду зарастает рожью. Глаза стали синими как летнее море и сфокусировались на Алисе, осмысленные, разумные.

Перед ними был живой человек, разве что чуточку прозрачный, очень красивый с юным лицом и приподнятыми бровями, что придавали ему растерянный несколько наивный вид.

— Ни на Схемета, ни на Анубиса вы не похожи, — сказал он, — простите, совсем. Значит время взвешивать мое сердце еще не пришло?

Алиса с Матвеем непонимающе переглянулись и заметив их жест мертвый парень махнул рукой и рассмеялся:

— Простите меня. Смерть плохо сказывается на чувстве юмора... Я и так знаю что вы меня разбудили и с какой-то целью. Лучше бы вам назвать свою цель скорее, потому что мне не очень-то нравится в мире живых.

— Почему? — любопытствовал Матвей.

— Шумно, — простодушно ответил парень, — Мертвые пребывают в покое, а тут я вспоминаю, что жил и свои проблемы чего гляди вспомню. Суетно все это.

У него был такой невинный вид, что Матвей ему поверил, хоть это откровение и не слишком укладывалось у него в голове. Ему-то казалось что любой мертвый глотку кому-нибудь перегрызет лишь бы снова ненадолго оказаться живым. За исключением тех, кто ушел так плохо, что и смертное забвенье покажется раем.

— Так это вы меня разбудили? — обратился он к Алисе, — Должен сказать, вы талантливы.

— Да, не то чтобы... — смутилась Алиса, и постаралась взять себя в руки, — Мы не задержим вас надолго. Мы потревожили вас, только чтобы вы рассказали нам о своей смерти.

Призрак изменился в лице. На него легла тень ужаса и на короткое мгновение он выглядел неприятно: черты заострились, как у ощерившегося зверя, но длилось это недолго.

— Плохая забава у вас, — сказал он с неприязнью. — Моя смерть — мое личное дело. Вспоминать ее чтобы развлечь страшилками начинающих спиритистов я не намерен.

— Нет-нет, не поймите неправильно, — встревожилась Алиса, — Мы вовсе не забавы ради это делаем. То, что убило вас, погубило и других людей. Мы сможем их спасти если соберем больше информации, а ключ к этому — и ваше свидетельство тоже.

Призрак недоверчиво посмотрел на нее, затем на Матвея.

— Зачем вам это? Неужели некому больше этим заниматься?

— Мы сыщики. Расследовать такие случаи — наша работа, — мягко сказала Алиса, — Вы можете помочь спасти троих хороших людей, если поможете нам.

— Так вы специалисты, — повеселел призрак, — Вот как. А я грешным делом подумал всякое. Раз так, я конечно вам все расскажу.

У Алисы на душе полегчало. Призрак негодовал так яростно, что она испугалась, что все насмарку — и кровь отдана напрасно. Настроение мертвеца менялось стремительно, как спуски и подъемы на американских горках и Алиса подумала, что следует скорей воспользоваться его желанием сотрудничать.

— Только у меня тоже будет просьба, — немного смущенно сказал призрак, переводя взгляд с одного на другого, — услуга за услугу. Можно?

— Конечно! — сказала Алиса, — мы сделаем как вы попросите.

— Это сущий пустяк в самом деле, но мне сильно мешает. И не только мне. — призрак потупился, — сам бы я может и потерпел. Видите ли, живые мои родственники часто приносят что-то на могилу. Личные вещи в том числе. В них много света и это хорошо. Когда я умер девушка принесла сюда... что же я говорю, все не сначала. Видите ли, до того, как умереть, я любил одну девушку, Настю... мы со школы вместе были и собирались пожениться, хоть я и не очень нравился ее маме. Перед тем как умереть я сделал Насте предложение и подарил ей кольцо... верите ли, сколько студенту приходится копить даже на простое колечко, я жил в общежитии, курить бросил и четыре месяца сидел на хлебе и воде, чтобы только его купить, чтобы все было как надо. Когда я умер, Настя принесла его на мою могилу, положила здесь у креста:

Призрак рассеянно протянул руку к кресту, наткнулся на ограждение круга, но как будто не обратил на это особенного внимания, погруженный в воспоминания.

— Это кольцо светило мне в темные времена, до того как я уснул совсем. А потом кто-то взял его.

Он нахмурился и покачал головой очень раздосадованный и расстроенный.

— Не знаю зачем. хочется верить, что ничего плохого тот человек не задумал. Не подумайте, я не прошу вас искать его, слава богу он не вынес кольцо с кладбища, и обронил где-то у той границы, — призрак махнул рукой на запад. — Я почувствовал что свет ушел. А потом ощутил недовольство другого духа, на чьей территории упало кольцо. Вещи имеющие для нас ценность имеют и вес и ей, тому духу было тесно и неприятно рядом с чужой памятью. Я чувствую что ей оно мешает. Мне некого больше попросить о помощи, поэтому, если я помогу вам, может, вам несложно будет его отыскать?

— Конечно нет! — воскликнула Алиса и тут задумалась: поиски кольца отнимут время, а у призрака его не было. Энергия которую он взял, продержит его еще минут тридцать, не больше. Можно было бы попросить призрака подождать и пойти искать кольцо после допроса, но Алисе стало неловко отказывать ему в этой искренней просьбе. Но если пойти искать кольцо сейчас, времени не хватит.

— Я пойду, — сказал Матвей, прочитав сомнение на ее лице, — Ведь времени мало, да? Поищу, а ты поговори с человеком. Если не найду, поищем вместе и обязательно найдем. Тебя это устраивает? — обратился он к призраку.

— Конечно. Спасибо! — воскликнул он.

— Тогда опиши его и расскажи где его искать.

— Это маленькое кольцо из золота с мелкими фианитами, — ответил он и

потутился, — я хотел бриллианты, но чтобы его купить мне бы пришлось обе почки продать, так что.... Оно в той стороне, довольно далеко, шагов в тысячу, почти у границы. Там свежая могила не старой женщины. Это, к сожалению все, что я могу сказать, — пробормотал он, и сам понимая, что подсказал немного.

— Ничего, — соврал Матвей, про себя думая, что главное показать призраку готовность помочь. Если он и не найдет кольцо, потом включится Алиса и со своими экстрасенсорными прибабасами быстренько ему поможет. Сейчас главное показать хорошее расположение.

Он пошел на запад, обходя раскидистые кусты, про себя считая шаги и светя под ноги мощным фонариком.

Когда Матвей ушел, призрак повернулся к Алисе:

— Так что вы хотели узнать?

— Как вы умерли. Вы помните как это случилось?

Призрак рассеянно покачал головой. Когда ушел Матвей он весь как-то расслабился и сел на землю, так что его колени опирались о барьер и приобрел вид мечтательный и задумчивый.

— Помню, но очень смутно, — признался он, — на самом деле последние дни жизни как в тумане, и смерть тоже. Наверное потому, что я не хочу этого вспоминать. Моя смерть была очень страшной.

Алиса невольно почувствовала вину за то, что заставляет его вспоминать. Пришлось напомнить себе, зачем она здесь: ей нужно спасти Джентльмена и ребят. Если нужно быть настойчивой и жесткой, придется ею быть.

— Все что вы расскажете может спасти других, — повторила она, — мне очень нужно знать, что с вами случилось.

— Если ты хочешь услышать, есть ли у той, кого ты называешь Гостьей слабое место, то ты бродишь в сумерках непроглядной глупости. У таких как она нет слабых мест, — сказал призрак. Алиса заметила что тон его голоса изменился, в нем появились какие-то насмешливые, самоуверенные нотки. Он по прежнему смотрел не на нее, а куда-то в пустоту, и на его губах играла улыбка, которая не понравилась Алисе. Смутное подозрение поднялось из той, самой древней части разума Алисы, в которой жил инстинкт самосохранения, чуткий, как змея. Что-то тут не так, сказал он Алисе. Что-то тут не так.

Но она отмахнулась от этой мысли. Она жалела призрака, он ей понравился и она не осмелилась его в чем-то подозревать. Ей казалось это невежливо.

***

Матвей прошел метров семьсот, светя себе под ноги. Он видел только грязь, пленку из сгнивших листьев, совсем старых и новых, этой осени и траву. Чем дальше он шел, тем менее видимой становилась тропинка, тем более старые попадались могилы. Матвей светил себе под ноги и задавал вопрос: и как в такой травени он найдет какое-то там кольцо? Зачем тот, кто его взял вообще пошел сюда? И, если крал, зачем выронил? Передумал брать вещь с кладбища?

Что-то тут не сходилось. Матвей остановился, посветил вперед и увидел в ста шагах от себя высокую глухую ограду, отрезающую кладбище от внешнего мира.

Если здесь не было выхода, зачем похититель пошел сюда? Матвей посветил на могилы и не увидел ни одной новой. В этой части кладбища лежали те, кто умер, когда еще Матвеева мать не родилась. А значит никакой могилы недавно умершей девушки, где по словам

призрака лежало кольцо, быть не могло.

Что-то тут не так.

***

— Куда вы все время смотрите? — спросила Алиса и призрак повернулся к ней с той же жутковатой улыбкой.

— Там густой кустарник, — сказал он, указывая туда, куда ушел Матвей, — хорошо заглушает крики. И дорога непроходимая почти, захочешь, не побежишь, а если и побежишь, то скорей ноги переломаешь.

— Неужели? — Алиса почувствовала сильное желание отодвинуться от круга. Инстинкт кричал ей подниматься на ноги и бежать, но она еще не понимала почему, разум не поспевал за телом, которое все напряглось.

— Ага. — призрак наклонил голову, — никогда не понимал, зачем злодеи в кино медлят перед тем как пристрелить противника, зачем детально рассказывают жертвам план. Мне казалось это глупо. А теперь я понимаю почему. Трудно избежать искушения посмотреть, как меняется лицо жертвы, когда она начинает понимать. Ты ведь тоже уже поняла, да девочка?

В нем уже не было ничего наивного или приятного. Призрак улыбался как лис, а когда Алиса посмотрела в его глаза, она заметила то, чего не замечала раньше — что они мертвые, неподвижные, как у рептилии.

— У тебя не было девушки, — пробормотала она.

— Нет, — ласково согласился он.

— И кольцо просто предлог, чтобы Матвей тебе не мешал. Все зря. Круг выдержит, — сказала она, медленно сдвигаясь назад.

— Выдержал бы. Если бы ты сделала его как следует, — призрак указал пальчиком на камешек, который перекрыл солевую дорожку. В круге образовалась дырочка, совсем маленькая, но этого было достаточно. Алиса побелела до корней волос.

— Пока ты смотрела на мое лицо, я сдвинул один камешек. Это было до смешного легко, — сказал он, медленно, как змея, поднимаясь на ноги, не сводя жуткого неподвижного взгляда с Алисы.

Она вскочила, но призрак был быстрее — перешагнув ставший бесполезным круг, он сгреб ее в охапку и сомкнул руки на ее шее.

— А ты постаралась на славу, оживляя меня, — пропел он ей в ухо, — Твоя кровь не только вкусная, но и силы в ней сколько...я только чуть слабее, чем был при жизни. Хотя в остальном ты возмутительная неумеха.

Алиса извернулась и со всей силы пнула его в колено, но он не обратил на удар никакого внимания. Она выворачивалась, пытаясь ударить его локтем в живот и одновременно разжать стальную хватку на горле, но он был гораздо сильнее. У нее не получилось сдвинуть ни одного его пальца хоть на миллиметр.

— Ты не можешь причинить мне вреда, раз я оживлен твоей кровью. А Гостя пожирает вместе с жизнью душу. От меня не так много осталось, шансов родится снова почти нет. — сказал он, — Лучше женское тело, чем совсем никакого, верно? Осталось только выжать из него тебя.

Мир меркнул и темнел перед глазами Алисы. Она судорожно хватала ртом воздух, пытаясь сделать хоть маленький вдох. Тело обмякло, руки двигались все медленней. В голове яростно билось одно: ни за что, ни за что не дам себя так убить. Ах ты...

— ...Обманщик! — хрипло выкрикнула она и, сложив пальцы в знаке защиты от нечистой силы ударила его наугад в лицо, целясь на голос.

Пальцы со всего размаху врезались во что-то холодное и влажное и Алиса с меркнувшим от нехватки воздуха ликованием поняла что попала в глаз.

Призрак выпустил ее и Алиса упала на землю, с хрипом вдыхая холодный ночной воздух. Она обернулась и увидела что он зажимает левый глаз, но на лице у него не было ни злобы ни ярости — оставшийся глаза смотрел по-прежнему мертво, расчетливо.

— Ты за это заплатишь, — спокойно сказал он. В голосе скользил металл. Алиса видела его настоящего, стопроцентного безжалостного маньяка, почти лишенным эмоций, не способного на сострадание. Он был холоден, как машина, и любил одно: пугать и причинять боль.

Алиса перевернулась на спину, боясь потерять его из вида, поползла назад, но недостаточно быстро, — призрак поймал ее за ногу, дернул так, что в лодыжке хрустнуло, и вдруг замер, глядя на что-то рядом с ее рукой.

— Что..., - Алиса услышала в его голосе подлинный ужас, — что это? Что это?! Подними!

Она взяла в руки синий кусок ткани, галстук-бабочку Джентльмена, который должно быть выпал из ее кармана. Увидев что это, призрак выпустил ее ногу и отшатнулся, как напуганная лошадь.

— Ты не сказала, что... я не знал! Не знал!

Алиса ничего не понимала. Он обращался к бабочке, как будто галстук был живым, как будто мог сделать с ним что-то ужасное, что-то хуже, чем все то, что происходило до этого.

Призрак отполз в круг, скорчившись в нем, как злобная обезьяна. Плоть на его лице начала темнеть и съеживаться, вокруг выколотого Алисой глаза поползли уродливые пятна некроза.

— Мне теперь не светит ничего хорошего... но и тебе тоже, — злорадно выкрикнул он, — он выбрал тебя, жалкая смертная кретинка, он тебя выбрал, а значит тебя ждет участь похуже моей. Слышала, ты, стерва? Хуже моей!

Больше призрак не сказал ничего — его язык истлел, кожа, мускулы и кости рассыпались пылью, которую подхватил ледяной ветер. Призрак ушел туда, откуда пришел.

Алиса попыталась подняться, нога подозрительно хрустнула и она упала бы, если бы Матвей не подхватил ее под локоть. По его глазам и румянцу на щеках, Алиса догадалась, что Матвей бежал.

— Что за хрень он тут нес? — спросил он.

— Ты все слышал?

Матвей покачал головой:

— Только угрозы. Нельзя было тебя оставлять. Я слишком поздно понял что это обман.

— Он не только тебя провел. Играл он очень убедительно, — ответила Алиса, потирая шею, на которой стали проступать лиловые синяки. — Что-то меня часто стали обманывать мужчины, — она издала смешок, больше похожий на всхлип.

— Ну-ну, — Матвей подхватил ее за талию, закинул ее руку себе на плечо и поднял сумку Алисы. — Нам тут что-то еще нужно?

Она помотала головой.

— Тогда идем домой. Твоей ноге нужен отдых.

Вряд ли нога была сломана — спустя несколько неловких шагов Алиса смогла

понемногу на нее наступать. Вывих, не больше, а с вывихом Матвей справится.

— Я не понимаю, о чем он говорил, — сказала Алиса несколько могол спустя. — Он сказал что кто-то выбрал меня, а значит мне трындец. Он говорил о Перекрестке.

Матвей кивнул, соглашаясь. Чем больше он слышал о Перекрестке, тем опасней казалось ему это место.

— Мы пойдем туда, завтра. — сказала она, — Больше нет никаких ниточек. Значит мы пойдем в лоб и посмотрим, чем это закончится

Матвей не ответил ничего, про себя надеясь, что наутро получится убедить Алису пересмотреть эту мысль.

Глава 13: Добро пожаловать в Ад

Морфей назвал ее отца Фобосом. Алиса не поленилась освежить в памяти значение этого имени: божество, олицетворяющее страх, сын бога Войны и богини Любви. Такому существу не нужно было обрывать телефон для того чтобы добраться до дочери — зачем если можно присниться? Алиса не дала ему начать и заговорила первой:

— Ты сделал это нарочно. Морфей не мог помочь мне войти в Перекресток, по твоему плану он должен был удержать меня от него подальше. Это нечестно.

"Я обязан сохранить тебе жизнь. Методы меня не волнуют. И упреки не подействуют" — честно ответил он: ни следа раскаяния на его лице Алиса не увидела.

— У тебя ничего не вышло. Битва проиграна, придется смириться с моей непослушностью и стремлением самоубиться, — фыркнула Алиса.

"Я не отступлю."

— Нет у тебя выхода, папа, ты там, я здесь. Ты... ты вообще понял, что ты пытался сделать? Запереть меня в уютной клетке, украсть у меня мою жизнь? Отцы не должны так поступать со своими детьми!

"Расстояние помеха, но я его преодолею", — он никак не отреагировал на ее тираду, ни единый мускул на лице не дрогнул. — "Ты будешь жить. Хочешь ты того или нет".

***

Дом голодал. Оцепление, созданное людьми, не пускало к нему ничего: не заходили в дом бомжи и бродяги, не забредали алкоголики, не пробирались по ночам дети. Совсем без добычи и без подпитки он стал приходить в упадок, ветшать. Это заметил и поставленный у оцепления охранник, строго проинспектированный ни в коем случае за ограждение не заходить.

"Съедят-с" — ласково сказал ему высокий человек с седыми волосами и на этом объяснения кончились. Впрочем, большего охраннику и не требовалось, нельзя так нельзя, хоть и не понятно, кто его может съесть? И почему оно все еще в доме, разве нельзя вытащить и арестовать, посадить под замок, зачем все это веселье с оцеплением? Но когда вопросы появились задавать их было уже некому.

Служба была простой, знай себе ходи вдоль оцепления, отпугивай мелкую шушеру. Тихо все было, а потом что-то случилось.

Охранника звали Артем и он даже не успел понять толком что происходит. Перед глазами потемнело и душа наполнилась таким кромешным ужасом, что Артем упал на колени, ослепший, всей душой страхась неизвестно чего. Как будто мир мог вот-вот рухнуть.

Потом все прошло, как рукой сняли. Артем, дрожа встал, осветил вокруг фонариком и увидел, что лента ограждения в паре метром от него порвана и развеивается на ветру.

Кто-то покинул Дом.

***

Театр выглядел как прежде мрачным, заброшенным, старым. Алиса и Матвей смотрели на него из машины и думали, должно быть, об одном и том же.

— Все пропавшие за все годы люди демонстрировали признаки тревоги, паранойи, фобий, — сказал Матвей. — Как и сказал твой отец, исчезают те, у кого есть талант бояться.

— И как давно это продолжается? — спросила Алиса, наблюдая, как в сумрачном небе поднимается серп луны.

— Я нашел свидетельства еще с тех пор, когда здесь был глухой лес. Скорее всего, Перекресток существует сотни лет.

— А периодичность?

Матвей покачал головой:

— Ее нет. Я искал связь с фазами луны, солнцестояниями, по часам, и не нашел ничего, все хаотично. В Перекресток можно попасть утром и ночью, на новолуние и на затмение, когда угодно. Надо только уметь бояться.

Алиса взялась за ручку машины:

— Пойдем?

— С ума сошла?

Она пожала плечами:

— Получается у нас нет других ниточек. Все ведет сюда, к Перекрестку. Или мы узнаем, что он из себя представляет или так и будем ковыряться в следствиях.

— Есть еще свидетель, медиум, которого мы не допросили. — напомнил Матвей.

— Не уверена, что он скажет что-то новое, — ответила Алиса и вышла из машины. Матвею пришлось последовать за ней.

— И что ты собираешься делать? Мы уже были здесь и никаких дверей не открылось.

— А в этот раз может что-то изменится, — ответила Алиса, — Я просто чувствую, что надо идти туда, вот и все.

Дерево на холсте было на месте и сам театр, казалось, выглядел так же как и в прошлый раз... но что-то изменилось. Матвей чувствовал кожей какой-то гаденький холодок.

Они шли к сцене, Алиса прибавляла шаг, а Матвей, думал что здесь что-то не так.

Алиса рассказала ему, что помогло ей сбросить иллюзию Морфея: тот, кто вернул ей синюю бабочку. Она была свято уверена, что это Джентльмен нашел способ ей помочь, но Матвей видел другую картинку.

Он считал, что кто-то намеренно манипулирует ею, затягивает в ловушку и конечно делает все, чтобы она не сбилась с пути, разбрасывая подсказки: видения и улики, приманки. Теперь Алиса "чувствовала", что нужно прийти сюда, прямо на порог западни и Матвей не сомневался — и это чувство тоже ей внушено.

Но он понимал, что и она права: они узнают больше только если будут рисковать. И да поможет им Белый, которому Матвей уже успел украдкой сообщить куда они отправились.

Алиса коснулась нарисованного дерева кончиками пальцев.

— Дверь открывает только очень сильный страх, — проговорила она вслух. — Так Хозяин Перекрестка отсеивает тех, кто ему нужен, тех, кто умеет бояться, забыв себя. Но мы с тобой знаем, что в попавшей в ловушку группе не все были таковыми, значит он пошел на компромисс, уступку. Зачем?

— При том что сам, скорее всего является тем, кто дергает за ниточки, — добавил Матвей.

Почему-то становилось все холодней.

— Но что ему может быть нужно?

— Может посмотрим? Твоим особенным зрением? — подсказал Матвей, протягивая руку.

Алиса медленно протянула свою и одернула, будто обжегшись.

— Мне почему-то кажется, — прошептала она, — Что когда мы это сделаем случится что-то плохое.

— Затем мы и здесь, чтобы рискнуть, верно? К тому же — ну какой у нас выход?

Алиса кивнула и взяла его за руку одновременно уводя свой взгляд на изнанку, туда, где вещи обретали двойное и тройное дно, туда где все чувства становились написаны у человека на лице, туда где обитали духи и паразиты.

Туда где их уже ждали.

Волна крошечного ужаса выбила из легких Матвея весь воздух, мышцы одеревенели, мысли в голове напротив металась, как бешеные. Даже тень присутствия Гостя в Доме почти лишила его рассудка, а теперь он был здесь сам, во плоти.

Темная, неестественно вытянутая фигура наблюдала за ними из темноты за сценой, выглядывая из под нее, как чудовищный суфлер. Черты лица невозможно было разглядеть, только горели мертвенным светом глаза без зрачков. Длинные пальцы с острыми когтями цапнули сцену: Гость понял, что его заметили.

Алиса вжалась в стену, пытаясь унять сердце, рвущееся из груди. Она могла думать и даже побежала бы если бы захотела, но никогда в жизни она ничего так не боялась как это чудовищной фигуры, медленно поднимающейся на сцену.

"Ответ на твой вопрос, Алиса, очень прост: ему нужна ты". - голос, скорее женский, чем мужской, звучал сразу отовсюду, мерзкий, как паук на лице. Алису передернуло.

"И весь этот план нужен для того, чтобы похитить тебя. Вот так все просто."

Фигура остановилась в паре метров от них. Паника захлестывала волнами и спиной Алиса почувствовала, как начала вибрировать под ней стена. Дверь открывалась.

"Теперь дело сделано и скоро я буду свободна".

"Черта с два", — подумала про себя Алиса и сказала это вслух:

— Черта с два! — и ее голос звучал куда храбрее, чем она была на самом деле. — Обойдешься.

Гостя покачала головой и протянула к Алисе руку. Ужас, доселе неведомый, пробирался в кровь, сковывал тело. Ужас перед всеми опасностями человеческой жизни был не сравним с тем, что излучало это существо, само воплощение кошмара. У этого чувства не было имени, не было объяснения, отчего оно становилось всеильным, всевластным, захватывало и разум, и тело, обездвживало и сама личность казалось, расплзалась по швам от близости этого чудовищного создания.

Только крохотный островок сознания уцелел в голове Алисы. И этот островок вопил со всех сил: не дай ей закончить дело. Ты попадешь в Перекресток на правах пленника и никогда оттуда не выберешься. Найди другой выход Алиса! Найди!

И Алиса нашла. Схватив Матвея покрепче за руку и наклонив голову, как испанский бык, она побежала прямо на Гостю.

Уже через пару шагов разум от страха угас окончательно, но сила инерции несла их вперед, ее уже было не остановить. От удивления Гостя не успела ни отойти в сторону, ни отскочить и двое врезались в нее, но не почувствовали удара. Вместо этого они падали, падали, падали...

***

— Алиса! Алиса!

Она с трудом разлепила глаза услышав свое имя. Голова гудела, все тело мучительно ныло. Над ней склонился Матвей с перекошенным от ужаса лицом.

— Что ты сделала? Где мы? Куда нас занесло?

Ничего не понимая Алиса приподнялась на локтях. Они больше не были в театре, но в

полуразрушенном каменном доме, сложенном из цельных гигантских серых плит. В пролом обвалившейся стены, насколько хватало глаз, простиралась пустошь разрушенного города, наполовину занесенного багровым песком. Сухой ветер гнал воздух горячий и настолько жесткий, что легкие саднило. Свод неба был низким и твердым. По нему тут и там бежали трещины, сквозь которые сочился лимонный свет.

Алиса никогда здесь не была, никогда не видела этого места во сне, но сразу догадалась, куда они попали:

— Мы в антимире, — сказала она, ничего не понимая.

— В той самой тюрьме куда попадают страшные грешники? Откуда с таким трудом выбрался твой отец? Откуда теперь пытается вырваться наша новая подружка? Блеск. Отлично. Не могла места поскверней Ада выдумать?!

Алиса хотела ответить ему резко, но взглянув на Матвея поняла, что с ним не все ладно. Его трясло, черты лица болезненно заострились, глаза горели. Воздух антимира не шел ему на пользу.

— Они рядом. И сожрут нас. Разорвут на мелкие кусочки, тебя и меня. Надеюсь теперь ты довольна, когда окончательно все испортила!

Алиса медленно отодвинулась, соображая, что Матвей гораздо сильнее нее, вырубить его у нее не получится, бросить его она не может, и при всем при этом, обезумевший он для нее опасен. Она попыталась его успокоить:

— Это не твое настроение, это антимир так на тебя действует. Пожалуйста, возьми себя в руки.

— Ошибаешься, — холодно ответил Матвей, — Эти страхи мои и чувства тоже мои. Да, может антимир их усиливает, но я даже благодарен. Теперь я точно знаю, что у меня в душе творится.

— И... что? — спросила Алиса медленно поднимаясь на ноги.

Матвей ласково улыбнулся, схватил ее за плечи и со всего размаху впечатал в стену. Она ударилась затылком так, что перед глазами у нее засияли звезды.

— Это все твоя вина, — сказал Матвей. — Я не придушу тебя только потому, что иначе никак отсюда не выберешь. Выведи меня отсюда, слышишь?!

Он встряхнул ее, как мешок с картошкой.

— Хорошо это моя вина. Но если ты меня прибьешь, мой труп вряд ли сумеет найти выход из антимира.

— А можно ли в Аду умереть? — спросил Матвей, странно улыбаясь. — Можно ли по-настоящему умереть там, где уже покоятся худшие из мертвецов?

Алиса услышала какой-то звук снаружи и напряглась всем телом.

— Если не хочешь лично столкнуться с худшими из мертвецов, нам надо убираться отсюда, — сказала она.

Матвей и сам почувствовал приближение других и выпустил ее. В его глазах плескался ужас.

— Сожрут и разорвут на кусочки живьем. Очень мелкие кусочки, — забормотал он, отступая, пока его спина не уперлась в стену. Алиса потянула его за рукав:

— Нужно идти!

Он покачал головой. Маниакальная одержимость сменилась апатией.

— Нет смысла. Мы на их территории. Рано или поздно, нас найдут. Что толку мучиться, надеяться на счастливое спасение, бояться, если кончится все одинаково?

Алиса жжала его плечо и посмотрела ему в глаза:

— Послушай меня, послушай внимательно. Когда-то давным давно ты доверял мне. Вспомни это. Вспомни через что мы успели уже пройти, и доверься мне еще раз. Мы должны спастись и спасемся, чтобы не случилось, верь мне.

— Как я могу верить той, чье появление разрушило все что у меня было в жизни до этого? Как мне тебе верить, безумная сумасшедшая дочь чудовища, любовница фокусника, подружка призрака? Как мне, черт побери, тебе верить?!

— Выбора у тебя нет, — ответила Алиса и потащила его за собой. Они выбрались из дома через какую-то щель и побежали, низко пригибаясь и прижимаясь к стенам. Раз оглянувшись, Алиса увидела существ окруживших дом из которого они выскочили.

Все они были разной формы, отдаленно напоминали собак, скорпионов, насекомых. У них не было ни глаз ни ноздрей, и Алису это насторожило, но мысль ей додумать не дали: Матвея снова затрясло:

— Там кто-то впереди, ты в стоворе что-ли с этими тварями?!

— погоди, — Алиса пробралась вперед и увидела тень, однозначно человеческую. Кто-то стоял на пороге разрушенного дома, к ним спиной.

— Я думаю это человек, — сказала она с сомнением.

— Ага, со свиной мордой. Я не готов проверять, а ты? Валим отсюда.

Он бесцеремонно схватил Алису за шиворот и поволок прочь, обходя все сколько-нибудь подозрительное. А подозрительным Матвею казалось все. Не раз и не два он останавливался на ровном месте, борясь с приступами паники, которые случались все чаще, и все чаще им приходилось прятаться от тварей.

— Их становится больше, — сказала Алиса. И правда, в самом начале к тому дому в который они попали, приперлось не более трех-четырёх существ и нигде не было видно больше. Теперь они собирались целыми толпами, как будто искали что-то.

— Они знают, что я здесь, — сказал глухо Матвей, забившейся в какую-то щель, пока Алиса пыталась понять куда им пробираться дальше. Зброшенный город тянулся и тянулся, как лабиринт, улицы то становились уже, то расширялись, дома были одинаковыми и черт знает, может они ходят кругами.

— Они чувствуют мой страх, слышишь. Как акула чувствует оброненную каплю крови в милях от себя. Они идут за мной.

Слепая башка какой-то твари повернулась в их сторону, будто что-то почуяв. Алиса мигом присела и подползла к Матвею. Самое страшное, что она точно знала, что он прав — его страх притягивал чудовищ.

— Я тебя вытащу. — сказала она без особой уверенности. Ей было совсем худо. Голова кружилась, легкие горели огнем, каждое движение отнимало куда больше сил чем обычно. Она понимала, что не протянет долго, если не отыщет выхода, а с таким балластом, как Матвей, магнитом притягивающий к себе монстров...

Какой вывод напрашивается, когда на чаше весов возможность спасти Джентльмена стоит ли рисковать собой из-за напарника, которого она знает совсем немного?

Он ведь опасен. Совсем потерял разум и не прочь ее придушить. Надо спастись самой пока можно.

Матвей схватил ее за плечо и притянул ее к себе. Его глаза безумно сверкали:

— Думаешь о том чтобы бросить меня? Я знаю. Я все вижу. Затащила меня сюда, а теперь бросишь? Если бы не ты, я бы до сих пор работал в полиции, горя бы не знал.

Джентльмен или этот сумасшедший? Кого ты выберешь?

— Если ты меня бросишь, я клянусь, я найду способ отсюда выбраться. И тогда я тебя отыщу, поняла?!

— Да, — зло ответила Алиса. Вдруг ее лицо посветлело и она повторила: — Да! Да, ну конечно!

— Чего ты так вопишь? — зашипел Матвей, — так радуешься, что твари придут нас сожрать?!

— Нет, — ответила Алиса, — Я радуюсь потому, что поняла что не ненавижу тебя, это антимир и тебя, и меня путает. А значит что-то еще можно сделать.

— Это верно, — сказал кто-то и Матвей с Алисой от неожиданности отшатнулась к стене. В проеме перед ними, заслоняя свет, стоял высокий человек в офисном костюме. Лица его не было видно и Матвей весело подумал: вот и Слендер. В Аду ему, конечно, самое место!

— Вы человек? — Алиса привстала. — настоящий живой человек? Тоже застряли как и мы?

— Я конечно человек, но не застрял, спасибо, мне еще нужно вернуться на работу до конца обеда, — ответил он, шагнул вперед и Алиса увидела не старое, но усталое и строгое лицо, какое могло принадлежать ректору квантовой физики.

Матвей его не особо разглядывал: раз ни горящих глаз ни зубов до пояса не видно, значит бояться нечего.

— Мой патрон очень попросил вам помочь, и так случилось, что возражать я не могу. А то бы вы меня тут не увидели, — уныло хмыкнул он, как будто ему велели делать что-то ужасно скучное вроде мытья полов. — Как я уже сказал я очень спешу, а за вами открыли настоящую охоту. Мы здорово ускоримся если вы перестанете бояться и возьмете себя в руки, — сказал он Матвею.

— Ты самый умный что ли? Да если бы я мог!.. — взорвался было Матвей, но человек в сером костюме не стал его слушать, только небрежно провел по его голове ладонью.

— Я разве сказал, что вы должны это мочь? Ну все, пошли, пока они растеряны.

Алиса подхватила Матвея под локоть, внимательно вглядываясь в его прояснившееся лицо.

— Порядок?

Он кивнул, потом сказал совершенно нормальным голосом:

— Есть идеи, кто послал нам это чудо?

— Пока никаких, — призналась Алиса, — Но чудо это точно.

— Вы идете? Давайте, я же сказал надо бы поторопится.

Алиса с Матвеем вышли в проем и замерли, прижавшись друг к другу. Крохотный пятючок перед домом и улица впереди были до отказа забиты монстрами всех мастей. Они не двигались, водя головами, словно прислушиваясь. Алиса с Матвеем перестали дышать, а мужик в сером сердито сказал:

— Ну и компанию вы сюда собрали. Ваши бы таланты да в дело. Ну, чего встали, пойдете.

— Куда? — спросил Матвей.

— Но они же... — одновременно с ним заговорила Алиса.

И оба сделали маленький шагок назад.

— Боже, дай мне сил, — пробормотал человек в сером и взял Алису за руку. — Идите

прямо за мной. Если хотите, закройте глаза, так даже лучше будет. И запомните — они вас не видят, пока вы не боитесь.

— Я боюсь! — сказала Алиса.

— Вы недостаточно боитесь. Куда вам до коллеги. А теперь захлопните говорильню и глазки тоже. Пойдем.

Алиса послушно закрыла глаза и по тому как Матвей покрепче перехватил ее локоть, поняла, что он поступил так же. Маленькими шажками они последовали за направляющей их рукой загадочного мужчины в сером.

Спустя вечность Алиса осторожно приоткрыла глаз и увидела, что монстры расступаются перед ним: совсем ненамного, их разномастные, но одинаково уродливые морды проплывали совсем близко. Если бы они их почуяли, от них троих за мгновение не осталось бы ни клочка.

Алиса обернулась и увидела, что Матвей тоже их внимательно разглядывает. Он подмигнул ей, поймав ее взгляд:

— Порядок, с ума не схожу. Ну да, уроды. Но не такие уж страшные. Да и граница города близко уже, да?

— Да, — сказал человек в сером. — Скоро это веселье кончится и мы с вами пойдем к ближайшему колодцу. А оттуда проскочим в земли моего патрона где я вас оставлю: там вам уже ничего не будет угрожать.

— А кто ваш патрон, если это не секрет? — спросила Алиса.

— Не секрет, но я вам не скажу. Интересно до чего вы сами догадаетесь, — хмыкнул он.

Город наконец закончился. Под тяжелым каменным сводом небес простирались горы и долины, в которых теснились разрушенные замки, города и деревни, горели, чадя черным, высокие, во много человеческих ростов костры. Алиса сразу поняла, что туда ей идти не хочется.

Человек в сером выпустил ее руку и замер в задумчивости, как будто прислушивался.

— Мы ищем выход наверх? — спросила она.

— Наверх? Барышня, вы что-то революционное предлагаете. Из антимира наверх никто не проходит. Это технически невозможно.

— Тем не менее двое уже прошли, — заметил Матвей. — Первый — много лет назад, и результат этого у вас перед глазами.

— Ну спасибо, результатом меня в лицо еще никто не называл, — буркнула Алиса.

— Надо же какая самоотверженность, выбраться из вечной тюрьмы и сразу приняться размножаться, — фыркнул человек в сером и пожал плечами, — Мне все это можно не рассказывать. А если будете упорствовать — заткну уши. Эти ваши дела метафизически и я — параллельные прямые и они не пересекаются.

Алиса с Матвеем удивленно переглянулись.

— Но ведь вы тут с нами, в месте где невозможно быть...

— Не пересекаются! — с нажимом перебил их человек в сером. — Мало ли что приснится тому, кто задремал в машине посреди обеденного перерыва. Я много раз говорил патрону, что хочу жить нормальной жизнью и он уважает мое желание. Мы договорились, что он не станет прибегать к моей помощи, когда сможет без нее обойтись. Я не смог ему отказать в этот раз, но это не значит, что после этого в моей голове должны крутиться ваши дела. Идемте. Нам с вами вон в ту разваленную румынскую деревню. Прямо посреди неснакручен прекрасный колодец, туда и рванем.

Алиса думала, что деревня окажется пустой, но ошиблась еще издали было видно, что она полна людей. А в ее середине тускло мерцало что-то, похожее на застывший смерч.

Человек в сером нахмурился:

— Похоже вы правы. Этот колодец очевидно выходит наверх. Никогда такого не видел.

— А что такое колодец? — спросил Матвей.

— Колодец возникает тогда, когда сюда попадает новая душа, настолько сильная, что ее не размазывает в ничто сразу. — сказал человек в сером. — Механизм через который души падают сюда, построен так, что подавляющее большинство Грешников теряют свои личности и становятся частью этого мира, безликой массой. Кто-то — частью чудовищ, кто-то — песком под вашими ногами или камнями. Но примерно сотая часть грешников обладает сильным эго, настолько могучим, что оно не уничтожается сразу. Тогда происходит любопытная вещь — одновременно с душой возникает колодец — как ее отражение.

— Что это значит? — спросила Алиса.

— Колодец это воплощение всего чего в такой душе нет — смирения, храбрости и боли. Боль это ведь знаете ли, сигнал о том что что-то пошло не так, что-то ранено. Те кто попадают сюда не чувствуют боли, поскольку лишены сопереживания как такового. Нечему болеть. Колодец выстраивает вокруг себя картинку — вы видели эти разрушенные города. Эта картинка заполнена людьми и все они говорят, рассказывают какие муки им причинил тот, чьи грехи они отражают. А колодец в центре всего этого излучает такую мощь, которая не позволяет душе Грешника приблизиться, пока она такова, какая есть. Да, это выход наверх, но чтобы приблизиться к нему, душе нужно стать совершенно другой.

— И?

— Обычно души сдаются. По крайней мере, я еще никогда не видел ни одного колодца развернутого наверх. Для этого этим душам нужно выслушать каждого, кто пришел в их ад. И вывернуть себя наизнанку, впустить в себя то, чего у них никогда не было.

— Раскаяться?

— Можно и так это назвать, но это просто слово, к тому же, весьма истрепанное. Нужно прожить столько зла, сколько ты причинил. Боль и муки каждого, кого ранили твои поступки. Никому это не по силам. Внутри этих душ нет такой мощи, которая поддержала бы их в этом, ведь они привыкли ходить простыми путями. И они сдаются, оставляя за собой пустоши. А этот, как ни странно, не сдался.

— Это она, — сказала Алиса, — Это Гостья. Я чувствую.

Матвей кивнул, соглашаясь.

Граница деревни была совсем близко. Люди стояли на пороге своих домов и говорили, говорили. Алиса подбежала к первой из них, молодой девушке, низко опустившей голову. Она бормотала себе под нос, совсем тихо.

— Я бы не рекомендовал лезть в чужой Ад, — сказал человек в сером, но поздно: Алиса наклонилась, чтобы расслышать слова.

Глава 14: Ступени Чистилища

Девушка подняла голову. У нее не было глаз.

"За тринадцать дней с нами было кончено лучшие из нас грешили и мучили других, худшие из нас бесновались, одержимые дьяволами. Горели костры, разгорались пожары, а она все смеялась, захлебываясь рыданиями, если бы мы только знали на что она способна"...

"Когда пришло знамение, с нас со всех спала пелена и мы пошли в заброшенную церковь и нашли ее оскверненной, она не пыталась бежать или прятаться, молчала, когда мы избивали ее за все зло что она нам причинила, потом мы четвертовали ее, а все что от нее осталось, сожрали свиньи. Опомнившись на следующий день мы отловили всех тех свиней, перебили и сожгли за оковицей."

— Вы знаете, у нас не так много времени, — раздраженно напомнил мужчина в сером. Алиса подняла руку, прося еще минутку и шла дальше, прислушиваясь к шепоту жертв. Они говорили и перед глазами Алисы разворачивались жуткие картинки, достойные кисти Босха, настоящий ад на земле, устроенный одним человеком, девушкой, обратившейся к темным силам, чтобы отомстить жителям деревни, но за что, почему?

"Только той девушке она не причинила никаких страданий, той немой, мы так и не поняли почему", — шептал священник. У него не было рук и пустые рукава его рясы были кроваво-красными от спекшейся крови. — "Не ждали найти девочку живой, но она ее не тронула ни пальцем".

Церковь стояла на окраине деревне, покосившаяся башня, разрушенное левое крыло. Внутри было пусто и никого вокруг. Алиса подумала что это что-то значит, но не успела додумать мысль — человек в сером настороженно прислушался и сказал:

— Теперь нам пора уходить. Плохо что мы так далеко от центра.

— Я еще не... — попыталась возразить Алиса, но сама почувствовала что-то в воздухе: в нем отчетливо запахло тревогой. Что-то приближалось.

— Нет времени спорить, — сквозь зубы сказал Матвей. Его глаза снова начали блестеть, как тогда в начале пути. Он тряхнул головой и подтвердил опасения Алисы:

— Страх возвращается. А значит и монстры нас почуют.

— Пока я не могу вам помочь, когда хозяин этого места рядом, я бессилен, — сказал человек в сером.

— Хозяйка, — поправила Алиса упавшим голосом, устремив взгляд куда-то вдаль. Матвей посмотрел туда же и увидел ее.

Высокая фигура, оставалась во мраке, даже на залитой горячным светом равнине. Распушенные волосы висели космами, длинные руки сжимались в кулаки. Секунду она стояла, глядя на них, а потом сорвалась с места и побежала на них со сверхъестественной скоростью.

— Бегом! — закричал человек в сером и схватил Алису. Матвея подгонять не надо было. Они бежали через деревню так, будто за ним гнался сам дьявол.

Монстры уже были здесь, и заполонили деревню. Они выскакивали из придорожных канав, высывались из окон, рычали и улюлюкали, пытаясь схватить беглецов, но каждый раз им чудом удавалось увернуться. Алиса думала, что чудом, пока не посмотрела в лицо человека в сером, которое стало одного цвета с его костюмом от напряжения. Он отводил от них удар за ударом, но долго не продержался бы.

Впереди сиял колодец, серебряный столб застывшего смерча. От него исходило жуткое, неземное сияние и в другое время Алиса бы двадцать раз подумала, прежде чем приближаться к нему, но сейчас они влетели в колодец на полной скорости, понукаемые человеком в сером. Сила подхватила их, грозя разорвать на части. Алиса обернулась и успела увидеть рядом со своим лицом горящие яростью глаза Гостыи, перед тем как все исчезло.

***

Сделать вдох было невозможно. Матвей схватился за грудь, чувствуя как стало останавливаться сердце.

"Вот и все", — подумал он, — "Попались".

— Простите за неудобства. Это ненадолго. — кто-то небрежно дотронулся до его плеча и Матвей смог наконец вздохнуть полной грудью.

Рядом закашлялась Алиса, лицо у нее успело посинеть от недостатка кислорода.

— Вот мы и пришли. Это земли моего патрона. Вам нужно пройти совсем немного, чтобы вернуться в свой мир. — сказал человек в сером.

Матвей поднялся на ноги. Земля под ним была серой и безжизненной, по сухой поверхности бежали глубокие трещины. Ни жучка ни червяка не было видно, хотя кое-где через землю пробивалась сухая бесцветная трава. Мертвые черные деревья торчали тут и там, искривленные как разум безумца. Небеса были укутаны серебряными облаками, закручивающимися в гигантскую, во весь небосвод, спираль, в центре которой сиял призрачный свет. Воздух не пах ничем, а в двух шагах от них текла широкая река, такая черная, что дна не было видно и на самом мелководье.

— Это смерть, — сказала Алиса. — Мир мертвых.

— Ну вот видите, а вы думали не догадаетесь, — сказал человек в сером. — Смотрите внимательно, ваш путь лежит до вон тех скал. Здесь вам ничего не угрожает, но я искренне не советую вам здесь ни с кем разговаривать и... искать никого тоже не надо. Это никому не на пользу. Дойдете до скал — попадете домой. А я откланяюсь.

— Вы уходите? — огорчилась Алиса.

— Как и обещал. Уверен, ваше путешествие закончится благополучно. — ответил человек в сером, пожал на прощание руку Матвею и задержал в своей руке ладонь Алисы.

— Будь я обычным человеком, я бы вам позавидовал. Пройти через Ад и мир Мертвых при жизни и благополучно вернуться не каждому дано.

— Вы так и не назвали своего имени, — заметила Алиса.

— И не назову! Не хватало еще чтобы вы меня нашли наяву и ввязали в свои странные дела! Нет уж, увольте, — проворчал человек в сером, крутанулся на месте и исчез.

— По моему не так уж он был и против, — пожал плечами Алиса.

— Я тоже так думаю. Ну что, пошли?

Алиса взяла Матвея под локоть и они пошли вперед, к двум скалам, где по словам человека в сером, лежал проход обратно в их мир.

Хотя отравленный воздух мира мертвых больше не имел над ними власти, вид унылой равнины внушил обоим печальные настроения.

— Мы так ничего и не узнали, — глухо сказала Алиса, — Все впустую.

Матвей был с ней согласен, но промолчал, не желая усиливать и без того неприятное положение. Они ни на шаг не приблизились к разгадке тайны, не узнали имя смертного, который помог гостье выйти наружу, не узнали как вызволить людей из Дома, не поняли что же на самом деле нужно было Хозяину Перекрестка. По возвращении все придется начинать

сначала.

— Колодец в подвале той заброшки и колодец в... подмире. Это скорее всего один путь. — заметил Матвей. — Нужно его перекрыть.

— Нужно было сделать это самого начала, — горько ответила Алиса, — если бы я не отвлекала вас странными идеями влезть в подмир, допросить гостью, вломиться в Перекресток, вы бы уже давно прикрыли его. От меня только суета и ничего больше.

Они взобрались на холм дум сказам и оттуда им открылось пугающее и чудовищное зрелище.

Равнина под холмом была заполнена людьми, морем, океаном людей, простиравшемся до самой серой черты горизонта.

Алиса и Матвей застыли, держась за руки как сироты, оказавшиеся в толпе незнакомцев. Зрелище орды мертвецов напугало их до самого нутра.

Это были же не люди. Серые безликие тени, чаще всего замершие без движения, некоторые переходили с места на место шатающимся старческим шагом, никого не видя, ни на кого не обращая внимания, равнодушные ко всему, в том числе и к своему положению.

Матвей перевел взгляд вверх где между скалами посверкивал проход: должно быть портал как в подмире. Мысль о доме придала ему сил и он потянул за собой Алису:

— Пойдем. Не нужно на них смотреть.

Алиса кивнула и последовала за ним, часто оглядываясь. Матвей шагнул в портал первым, и в момент когда он исчез за чертой, Алиса вдруг увидела что-то и от неожиданности выпустила его руку:

— Мама! — закричала она и побежала вниз с холма, что есть духу, молясь про себя чтобы ей не показалось и там внизу она действительно видела девушку с фотографий, единственного что осталось у Алисы от матери, не считая пары- тройки смутных воспоминаний.

— Мама! — кричала она что есть силы, расталкивая серые тени, вяло оборачивающиеся на ее крики. Казалось, она бежала целую вечность, прежде чем снова увидела этот силуэт.

— Мама! — тень обернулась и Алиса увидела донельзя удивленное лицо, в обрамлении волос таких же черных и вьющихся как и у нее.

— Алиса? — голос прозвучал несколько не радостно, но напугано. — Как это случилось? Что произошло?

Едва не потерявшая голову от счастья Алиса поняла что мама подумала: в мир мертвых обычно попадают предварительно умерев. Она замотала головой:

— Нет-нет, я не умерла, я здесь проездом, ненадолго, надо было выбраться из подмира.

— Подмира? — растерянно повторила женщина так похожая на нее саму. Потом она улыбнулась и коснулась лица дочери, — Как же ты выросла... Нет, тебе нельзя здесь долго быть, как бы ни был добр хозяин этого места, не нужно испытывать его терпение, раз уж он позволил тебе пройти по его земле и покинуть ее

— Всего минутку! — взмолилась Алиса.

— Хорошо. Я сама провожу тебя. Расскажи, что тебя сюда привело?

И Алиса заговорила, ничего не скрывая, взхлеб. Она рассказала про свою дружбу с призраком, о том как потеряла его и стала искать, о Гостье и о том что творится в ее Аду, о Морфее и его обмане, об отце.

Пока она рассказывала о нем, мама помрачнела.

— Он так плох, что демоны антимира уже пробрались в его дом? — переспросила она.

— Ему трудно без тебя, — ответила Алиса. — Нам обоим трудно, но ему — совсем.

Она кивнула, ничего не ответив, сведя брови так, что Алиса узнала собственное лицо: такое у нее было, когда она искала решение беспокоящей ее проблемы. У самого выхода из царства Мертвых, мама сказала ей:

— Во всей твоей истории концы не сходятся с концами. Почему вы обыскали всех членов группы, но не допросили единственного оставшегося в нашем мире? Почему не подумала о том, зачем Хозяину перекрестка ты? Это все важно. Обязательно выясни это.

— От меня в этом деле больше вреда чем пользы, — пробормотала Алиса.

— Ну уж нет. От нас с отцом ты должна была научиться не сдаваться никогда, — строго сказала мама. — Раз уж ты начала дело — тебе по силам его и закончить. Найди своего друга.

Алиса замерла у самой черты, колеблясь. В какой-то момент все что не получилось там стало давить на нее с такой силой что она подумала о том, чтобы остаться здесь, с мамой. Найдут какнибудь ребят без нее, в конце концов. А маму она больше никогда не увидит.

— Алиса, — позвала она. Дочь с трудом подняла глаза на мать.

— Мы возвращаемся. Люди умирают, чтобы вернуться. Не нужно скорбеть обо мне. Смотри вперед.

Алиса кивнула, все еще не в силах сделать шаг, который навсегда разлучит ее с мамой.

— А я всегда буду внутри тебя. Пора идти, Алиса. Пора спасти людей.

И подтолкнула ее вперед.

***

На несколько мгновение Алиса ничего не видела. Когда мир перестал кружиться, а тело снова стало ощущаться ее собственным, она услышала голос Матвея:

— Слава богу, я уж думал что больше тебя не увижу, — и на Алису обрушилась тяжесть телесная оказавшаяся объятиями.

— Где мы? — спросила она, с трудом пытаясь сфокусироваться.

— Ну узнаешь? В родном отделении. Я чуть на стол шефа не приземлился, тебе повезло больше.

Алиса наконец увидела знакомые стены и тихо рассмеялась осознав иронию происходящего — выбрались из передраги и сразу на ковер. Как будто почувствовав их появление, Белый распахнул дверь кабинета и оценивающе посмотрел на обоих.

— Так. — значительно сказал он, зашел в кабинет и сел за стол. — И где вас носило две недели подряд?

— Сколько?

— Две недели?! — хором вскричали Матвей с Алисой.

— Лучше начинайте рассказывать, — ласково улыбнулся Белый. — Мне очень интересно.

Когда они закончили говорить, Белый надолго задумался. Алиса воспользовавшись паузой жадно жевала заказанные в офис пирожки, Матвей цедил чай, ожидая что скажет Белый. Желательно конечно было бы чтобы он сразу сообщил что все понял, понятно кого арестовывать и как все прекратить.

— Первым делом мы запечатаем проход в доме. Все это время он был оцеплен, теперь ясно что медлить больше нельзя. — решительно сказал Белый. — Касательно же того как спасти ребят, пока известно слишком мало. Но сдаваться я не намерен, — сказал он, заметив выражения лиц ребят. — Просто нужно узнать побольше. Рад что ты не стала задерживаться

у Морфея, Алиса. Жаль было бы потерять тебя сейчас.

— Вы знали что так получится? — вспыхнула Алиса, готовая разозлиться как следует. Ладно отец, но Белый как мог послать ее пройти через такое?

— Нет, не знал. — ответил Белый. — Действительно не знал. Про друзей твоего отца известно еще меньше чем про него. Я подозревал что Чародей не так прост, но не ожидал что настолько. Но ты справилась и это сделало тебя сильнее. Теперь ты знаешь как сладки могут быть лживые иллюзии.

— Ведь не вся группа на самом деле исчезла, верно? — сказала Алиса, — Вы говорили что остался медиум.

— Он был в больнице, в тяжелом состоянии, — кивнул Белый.

— Был?

— Его выписали вчера. Не сказал бы, что он в форме, да и он сам о себе этого сказать не может.

— А мы можем с ним поговорить? — невинно спросила Алиса.

— Конечно. Сразу после того как мы убедимся, что проход в Доме на самом деле закрыт. Вы оба пойдете со мной.

***

Если существовало в мире зрелище прекраснее, чем закрытие колодца в антимир, Матвей его еще не видел.

Как он понял, Белый взял их с собой ради формальности и чтобы убедиться что дело действительно сделано — в этом ему помогало особенное зрение Алисы.

На входе в Дом Белый сотворил в своих руках сферу чистого света. Там, где он проходил, освещая каждый уголок дома, уходила скверна, отползла черная муть, а исковерканные души, которых касались целительные лучи, освобождались с заметным вздохом облегчения. Они ликовали и их ликование заражало.

Когда Белый спустился к колодцу в подвале, весь дом уже тепетал от света, черным оставалась только вода в колодце. Белый уронил шар прямо в колодец и черная вода поглотила его. А несколько долгих томительных секунд спустя взорвалась белым столбом. Когда он иссяк, дыра в полу бесследно исчезла вместе с колодцем.

***

Алиса присутствовала при уничтожении колодца и своими глазами видела — проход в антимир закрыт, у Гости больше нет шанса выбраться наружу. Но чувствовала что не все еще кончено.

— Слишком все очевидно, слишком просто.

— Может у тебя паранойя? — спросил Матвей. — Или ты пересмотрела сериалов? Поверь моему горькому опыту, большинство громких дел раскрываются безо всякой загадки, просто и прозаично.

— Это не то дело, — ворчала она.

— Хорошо. Наверняка медиум что-то знает. Замучаем его до смерти? Иголки брала под ногти совать? — усмехнулся Матвей, открывая перед ней дверцу машины.

Этот адрес был им знаком. Здесь жили Кира и Сергей, и сюда вернулся после больницы штатный медиум отдела, единственный уцелевший в том странном событии.

Он открыл им не сразу.

— Кто вы такие? — спросил выглянув в щель. У него были ярко-голубые глаза, каштановые волосы и рыжая щетина. Его можно было бы назвать очень симпатичным если

бы не крайне мрачный и недружелюбный видок.

— А вы просканируйте, — улыбнулась Алиса, невольно начавшая видеть в нем соперника. Зачем в конце концов отделу два медиума?

— Ясно, — сказал Сергей, почесал бороду и, продолжая держать их на пороге сказал: — Вряд ли я буду вам полезен. Я почти ничего не помню и долго провалялся в коме.

— Это не допрос, коллега. Просто хотим поговорить. Вы и сами знаете, какими значимыми бывают, казалось бы мелкие детали, — мягко сказал Матвей.

Сергей казалось смирился с вторжением. Махнул рукой и широко распахнул дверь:

— Заходите.

Бардак в квартире усилился и расплзся туда, где его раньше не было. Алиса внимательно оглядывалась по сторонам, не стесняясь рассматривать и изнанку.

Ничего подозрительного, но все же, что-то изменилось. Когда Алиса была здесь раньше, она успела составить какое-то мнение о жившем здесь человеке и ясно видела — он сильно изменился.

Сергей был открытым, живым, восторженным. Сейчас он явно зажимался, даже просканировав его, Алиса почувствовала что он тщательно скрывает свои эмоции.

Заметив застывший взгляд Алисы, Матвей понял, чем она занимается и постарался отвести внимание хозяина дома о того, что его тщательно препарируют:

— Как вы себя чувствуете?

— Как будто меня прожевали, выплюнули, прожевали снова, а затем извергли то что осталось из мистического заднего прохода. — ядовито ответил Сергей закуривая сигарету.

— Что все-так произошло? — ничуть не смутившись спросил Матвей.

— Я уже все рассказал Белому.

— А нам — нет.

Сергей зло хмыкнул.

— Ты сказал это не допрос? А очень похоже.

Матвей развел руками:

— А то ты не знаешь Белого? Он даже не упомянул о чем с тобой говорил. Все что можете узнать сами узнавайте сами — таков его тайный девиз по-моему.

— Да, похоже на него. — Сергей стряхнул пепел, и задержал взгляд на Алисе, — Это ведь ты новый медиум? Расскажи что ты видела в театре.

— Следу крошечного ужаса, — не моргнув глазом ответила Алиса. — А еще дверь в Перекресток. И гостью, которая их туда отправила.

— Ты с ней встречалась?! — на мгновение с Сергей слетела и напускная раздражительность и мрачность. Он резко побледнел, и Алиса почувствовала такую волну страха, от которой перехватывало дыхание. Хорошо, что к этому моменту она научилась держать лицо и ничем не показала того что почувствовала.

— Да. Пару раз, как раз перед тем как мы закрыли ее проход в той заброшке.

Сергей почему-то показался ей разочарованным, но таким он был всего секунду.

— Вот как. Ясно. Тогда ты знаешь про нее чуть больше чем я. Я видел ее один раз в жизни, как раз перед тем, как все мои друзья исчезли. Вы хотели знать что случилось, я могу рассказать, эта печальная повесть уместится в двух предложениях: мы пришли в театр, и почти сразу появилась она. Помню ужас такой, что наложить в штаны не стыдно. Смутно помню как открывалась дверь, потом меня вырубил. Очнулся спустя несколько недель комы, с Белым держащим меня за ручку — неизвестно что страшнее. Вот и весь рассказ.

Вряд ли вам он кажется полезней, чем мне.

— Ясно. Спасибо. Не будем вас больше беспокоить, — неожиданно для Матвея заулыбалась Алиса.

Сергей явственно обрадовался их уходу и закрыл за ними дверь чуть ли не со вздохом облегчения.

Алиса молча улыбалась всю дорогу вниз до автомобиля.

— Ну? — спросил Матвей. — Ты что-то знаешь и вероломно молчишь.

— Потому что я была права, — сказала Алиса. — Едем к Белому. Я знаю как Гостья собирается выбраться из антимира, плевать она хотела на закрытие колодца.

***

— Сергей не попал в Перекресток вместе со всеми не случайно. Гостья оставила его намеренно, а группа была взята в роли заложников. Все то время пока Сергей лежал в коме, она ломала его, вынуждая его сделать то что она от него хочет — открыть портал для нее. Думаю, взамен она обещала выпустить его друзей и девушку из Перекрестка. — объявила Алиса, сидя на столе Белого и болтая ногами. Она сияла как начищенный пятак.

— В этом есть смысл, — пробормотал Белый.

— То есть он и есть тот человек, которого Гостья использует? И почему мы его выпустили, позвольте спросить?!

— Потому что если мы его арестуем сейчас, то так и не узнаем как Гостья связана с Перекрестом и его хозяином — сказала Алиса.

— Больше всего в этом во всем меня радует, что ты Алиса не побежала все делать сама, и вляпываться в неприятности, а поняла, что с коллегами надо делиться до того как в голову пришло решение которое непременно сработает. — обаятельно улыбнулся Белый.

Алиса ответила на его улыбку еще более ласковой гримаской и хлопнула в ладоши:

— Ну что ж! Слежка за медиумом начинается!

Глава 15: Одержимость

У него не было выбора и все же он сомневался.

Вокруг был хаос, а порядка больше не было. Ни дома ни где-либо еще он не мог скрыться от того, что его преследовало.

— Прости, — сказал Сергей, Кире. Она сдержанно улыбалась ему с фото, бесконечно далекая теперь, в аду еще более худшем, чем тот который перенес он.

Гостья не оставила его в покое. Она проникла в его сны и держала в коме, пока он не согласился на ее условия. Врачи сказали что он пролежал без сознания несколько недель. Для него пытка длилась годы.

"Ты хорошо постарался?" — спросил гадкий шепот, самое мерзкое из всего, что он слышал. Сергей резко опустил фото. Не хотел, чтобы Кира видела бы его таким. Узнай она, на что он идет, она бы первая крикнула: пропадай сам, дай мне пропасть, но не предавай!

Только потому, что он хорошо ее знал, он и не сдался сразу, когда в первый момент едва не сошел с ума, поняв, куда попала Кира.

— Они ничего не подозревают, а даже если бы и подозревали, они не знают, что у них нет времени. — сказал Сергей.

"Тогда начинай. Нечего тянуть".

Он кивнул. Но перед тем, как начать ритуал, который приведет в мир дьявольское отродье, он зарядил и положил на видное место обрез. Он не ждал, что ему могут помешать, и все же перестраховался.

***

— И как же мы узнаем, что все началось? — спросил Матвей Алису.

— Я тебе обязательно сообщу, — сквозь зубы сказала она. Они несколько дней дежурили у дома Сергея, и Алиса, почти не отрываясь смотрела на дом, чтобы отследить самые первые малейшие признаки разрыва реальности, через который в наш мир должна была проникнуть Гостья.

Силы Алисы были уже на исходе. Еще никогда ей не приходилось так долго смотреть в изнанку.

— Если он протянет еще неделю, я сама приду и вызову все что там требуется, — прошипела Алиса, не глядя принимая от Матвея термос с кофе. — Ненавижу ждать!

— Можешь озвучить свое предложение Белому.

— Как только я его увижу, — буркнула Алиса, — Хотя говорю честно — еще пара дней и я сама...

— Увидишь ты его как раз очень скоро. — тоном пророка сказал Матвей и оказался прав: Белый постучал в окно костяшками пальцев и приветливо улыбнулся:

— В засаде сидите?

— Сидим, — мрачно ответила Алиса, мельком взглянув на шефа и сразу перевела взгляд обратно на дом. — Может он передумал? Проявил силу воли и не стал вызывать в наш мир чудовище. Или как раз делает это на другом конце Москвы в еще одной симпатичной заброшке.

— Думаю очень скоро мы это узнаем, — сказал Белый, поглядывая на часы. — С минуты на минуту буквально.

Алиса хотела уточнить с какой это стати, но не успела сказать и слова: в унылой и

скучной картине обыкновенного панельного дома что-то начало меняться.

На уровне третьего этажа, где располагался квартира Сергея и Киры, изнанка задрожала, натягиваясь, как простыня на шквалистом ветру. Напряжение пробежало по всему дому, заставив многих жильцов тревожно вздрогнуть.

В самом сердце этого напряжения появилась маленькая черная спираль, закручивающая ткань реальности на себя. Долго она не выдержит.

— Нам пора, — сказал Белый и с безмятежной улыбкой потопал в сторону подъезда. Матвей с Алисой, не верящей в то, что можно перестать пляться в одну точку, выскочили следом за ним.

Изнанка в доме низко вибрировала, издавая гул почти слышимый ухом.

— Слишком быстро! Оно прорвется раньше, чем мы там будем! — воскликнула Алиса, перепрыгивая через несколько ступенек.

— Прорвется. Но не раньше, а вовремя, — сказал Белый и оказался прав: жуткий треск с которым открылся портал, Алиса услышала в ту секунду, когда они ворвались в квартиру.

Сергей, изможденный, с отросшей бородой и дикими глазами стоял в шаге от черного круга, нарисованного на полу копотью. Круг сиял всеми цветами радуги, потрескивая как неисправная розетка.

— Я бы не стал туда заходить Сергей, — мягко сказал Белый. Его глаза уже приобрели янтарно-желтый цвет, показывая что с минуты на минуту дракон начнет выдыхать пламя. Сергей бросил взгляд на обрез, лежавший на расстоянии вытянутой руки, и это не укрылось от Матвея:

— Стой смирно, — посоветовал он, держа Сергея на прицеле. Табельное оружие он носил с собой по старой привычке, и вот, наконец пригодилось.

Круг чадил и бесновался. В нем уже существовала другая реальность, призывавшая Гостью, но покинуть круга сама она не могла.

— Вы не понимаете, — сказал Сергей. — Если этого не сделать, они навсегда останутся в Перекрестке. А это хуже, чем ад.

— В аду мы уже были, — сказала Алиса, — и ничего, выбрались как-то.

Сергей перевел взгляд на нее и она поняла что от него мало что осталось. Его волю долго ломали, и теперь управляли ею. Ждать от него взвешенных решений не приходилось.

Также думал и Белый, осторожно двигаясь вперед, чтобы отрезать Сергея от круга.

Алису пробрал азарт — она поняла что все кончено, гостя будет поймана, а дело — наполовину сделано.

— И это все?

Алиса не поверила своим ушам. Обернулась и увидела в центре круга Джентльмена.

— Ты говорила, что придешь за мной. — сказал он.

Время как будто остановилось. Голоса не слышали ни Белый, ни Матвей — он звучал только для нее.

— И я приду, только...

— А сама отнимаешь у себя последний шанс это сделать, — отрезал он. — Как ты войдешь в Перекресток, Алиса? Ты храбрая — и в этом твой один большой недостаток перед перекрестком. Он тебя не пустит.

— Я найду способ, не может быть только одного входа...

Джентльмен покачал головой:

— Ты не слушаешь. Ты связалась с теми, кто с радостью уничтожить Перекресток

вместе со мной и ждешь, что они станут тебе помогать?

Алиса почувствовала что все внутри у нее сковывает льдом отчаяния.

— Я не знаю что мне делать. — прошептала она. — Я не знаю как...

— Этот круг создан для того чтобы выпустить ужас в этот мир. А знаешь ли ты, как? Ужас заполнила бы тело человека, который ей помог, уничтожила бы остатки его личности и употребила бы всю свою силу, чтобы остаться в мире. Известно ли тебе, что ужас не так сильна как кажется? Она бы одержала слабого, а тебя — не сможет.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Алиса.

— Что она — твой единственный ключ в Перекресток. И другого не будет. У нее есть то, чего у тебя нет — ужас, страх. А ты способна этому противостоять. Если позволишь ей сейчас пасть, ты никогда не проникнешь в Перекресток, а твои "друзья", когда поймут что не могут вытащить своих людей, просто захлопнут последнюю дверь. И на этом все кончится, Алиса, для меня и для тебя.

— Должен быть другой способ.

— Его нет. И уже слишком поздно чтобы цепляться за иллюзии. Делай выбор. — сказал Джентльмен и исчез. Время вернулось в свое обычное течение. Сергей попытался схватить обрез, увернулся от огня Белого, и выстрелил в Матвея, к счастью, лишь оцарапав бок.

Он полностью захватил внимание обоих и Алиса взглянула в круг, сиявший совсем рядом.

Она сильнее страха? А остался ли выбор?

Если другого пути нет, то пусть будет так, — подумала Алиса и сделала шаг. Белый, почувствовавший неладное, крикнул страшным голосом "Нет", — но было уже поздно.

Секунду ничего не происходило и Алиса подумала, что все обошлось, она действительно сильнее ужаса и сможет ему противостоять.

Повисшую тишину разорвал ее крик.

Три дня спустя

Сергей вошел в отделение с намерение простым и прямым: отлежавшись несколько дней в больнице, на этот раз под внимательным и неусыпным контролем Белого, он пришел в себя достаточно, чтобы понять что натворил.

Сергей пришел просить об отставке. В общем зале никого не было, но дверь в кабинет Белого была приоткрыта. Сергей зашел и увидел вместе с Матвеем: судя по выражению их лиц, в разговоре который они вели повисла тяжелая пауза.

Сергей поздоровался, обозначая свое присутствие, поскольку ему показалось что двое его просто не заметили.

— Привет, — кивнул Матвей. Трехдневная щетина на щеках и утомленный донельзя вид говорили о том, что домой Матвей так и не собрался.

— Как рана?

— Да брось ты, — махнул рукой Матвей, — Царапина. Нет так уж хорошо ты и стреляешь.

— К счастью, — криво улыбнулся Сергей и обратился к Белому, — Я мог бы...?

— Нет, — не дослушав ответил Белый. Его хриплый голос за последние дни как будто стал еще ниже, а прежде беззаботный вид уступил место мрачной меланхолии. Белый больше не казался ни забавным, ни веселым.

Сергей запнулся. Он хотел попросить Белого о возможности поговорить наедине, и не ожидал, что он его перебьет с ходу.

Белый потер виски и заговорил. Как оказалось он с самого начала прекрасно знал о чем Сергей хочет его попросит:

— Твою отставку я не приму ни при каких условиях. Не вижу состава преступления.

Сергей вспыхнул.

— Если вы вспомните все как следует, вы его непременно увидите. Из-за меня в мир прорвалось...

— Из-за тебя? — Белый поднял брови, — Откуда у тебя столько чувства собственной значимости? Ты берешь больше, чем тянешь.

Сергей молчал, не понимая к чему он клонит. чувство вины и стыда выжало из него все силы за эти дни, и все что говорил Белый теперь звучало дико.

— Ну сам подумай, — сказала Белый, — за что мне давать тебе отставку? За то что ты проиграл битву с одним из сильнейших демонов подмира, профессионалом по части выноса мозгов? У тебя в контракте нигде не прописано такое условие, перечитай на досуге и запомни: на твоём месте мог оказаться кто угодно из членов группы. И ни у кого из вас не было бы ни единого шанса. Тебе не за что себя корить, как не за что корить себя человеку, который не смог в одиночку противостоять цунами. Так что выкинь весь этот бред про отставку из своей головы.

Сергей кивнул, шокированный его тирадой. Так посмотреть на ситуацию ему не приходило в голову.

— Но что... что мне теперь делать? — спросил он.

— Помогать нам придумывать, что делать дальше, конечно. — сказал Белый, снова складывая рук на груди. Пока я не имею ни малейшего понятия.

"У тебя слишком высока текучка, Белый. Медиумы у тебя нарочно что ли выводят соперников из строя?" — голос звучал будто отовсюду. Матвей поморщился, а Сергея будто холодной водой облили, он даже подумал что...

Но в двери стояла не Гостья, а другое существо. Оно было выше, мощнее, потолок едва не царапали надломанные рога, и от него не исходило тех волн ужаса... автоматически настроившись на него Сергей почувствовал только глухую скорбь.

— Слишком высока концентрация верховных демонов на квадратный километр, — проворчал Белый и вдруг приветливо улыбнулся: — Здравствуй, Падший. Сейчас я рад даже твоему появлению, глядишь хоть что-то сдвинется с мертвой точки.

"Слова "верховный демон" по отношению к нам в корне ошибочны. Они подразумевают власть, а у нас нет власти в этом мире и никакой силы нет." — ответил Падший.

— Тем не менее твоя столь же бессильная подружка по несчастью умудрилась навести у нас беспорядок. Так что будь снисходителен, когда я скажу что с тобой трудно согласиться.

"Да. Я опоздал. Со мной это случается все чаще". - мрачно сказал он.

— Вы знаете, как помочь Алисе? — спросил Матвей.

"Я не смогу взмахом руки показать место моей зарвавшейся коллеге по несчастью, если ты хочешь спросить об этом. Более того, меня она скорее всего и не услышит. Ей нужно что-то что сделало бы ее сильнее захватившего ее разума. Страсть, что сильнее страха, сильнее боли, сильнее любых видений. У меня таких слов нет".

— У меня тоже. — мрачно ответил Матвей.

— Вы хотите сказать что ей можно помочь если просто с ней поговорить? — недоверчиво спросил Сергей.

"И никак иначе. Магия на нас не действует. Но просто слова до нее не дойдут. Нужно

что-то что проникнет вглубь, что-то что тронет сердце. А найти такие слова непросто".

— Я бы хотел сначала попробовать, потом судить, — сказал Сергей.

Белый с любопытством посмотрел на него:

— Хочешь поговорить с ней? Сейчас в ее теле твоя давняя знакомая, уверен что хочешь встретиться с ней сейчас?

— Однажды я сумел не потерять разум окончательно рядом с ней, — твердо сказал Сергей, — Если мой опыт может помочь исправить то, что случилось при моем участии, думаю я должен попробовать.

Если бы внутри он был так же уверен как на словах!

***

Алису держали в подвале. Маленькая комната три на три метра была отделена от коридора решеткой, и была пожалуй, самым безопасным местом в столице, учитывая, что охранял ее Белый Дракон. Но Алисе так не казалось.

Ее заживо пожирал ужас.

Опасность была повсюду, тьма пожирала ее тело, растворяя его как сахар в чашке кофе, из под ногтей лезли пауки и осы, из нутра прогрызали себе путь наружу чудовища и демоны. Ей мерещились все люди, которых она когда-либо знала: тетя сперва ласково улыбалась ей, гладила по голове, выслушивая сбивчивые жалобы, а затем достала нож. Она отрезала от Алисы по кусочку и готовила обед, ужин, завтрак, много долгих дней, пока видение не исчерпало себя и обессиленная, измученная страшной болью и ужасом, Алиса снова не просыпалась в своей камере. Следующее видение приходило сразу за предыдущим и было столь же реально.

Кровь была горячей и солоноватой, когда Алиса слизывала ее с разбитых губ, а мальчик, который нравился ей в школе, размахивался, чтобы снова ударить ее в лицо тяжелым ботинком. Сломанные кости болели как настоящие, содранная на локтях и коленях кожа горела, ничего реальней этой боли и отчаяния не было. Все доходило до апогея, до конца, заканчивалось, чтобы начаться снова.

Гостья не говорила с ней, но Алиса чувствовала, что она все глубже и глубже проникает в ее разум захватывая его, как крепость, комнату за комнатой, ломая ее волю. Что случится, когда за Алисой не останется ни одной комнаты, она страшилась даже думать.

***

Сергей спустился в подвал, сухой и светлый. Раньше здесь были камеры предварительного заключения, а когда отдела перевели в это здание, они в основном, пустовали.

Он прошел до конца коридора, туда где было темно: Матвей сказал что меняет лампочку почти каждый день, но она исправно перегорает.

Сергей помнил, как Гостья любит темноту.

Мрак за решеткой был таким непроглядным, что Сергей сперва не увидел Алису. Он хотел позвать ее, но осекся, когда совсем рядом, по другую сторону решетки зажглись призрачные глаза.

— А я все думала, придешь ты или нет, — сказала Гостья голосом Алисы, придвигаясь ближе к решетке. Сергей понял, что дело плохо: девочка сдается, раз Гостья с такой легкостью управляет ее телом. Он хорошо понимал что сейчас делает Гостья. Выворачивает разум наизнанку, вынимая самые потаенные страхи, самые жуткие ужасы. С ним она делала тоже самое, только тогда она была призраком, тенью, а в девочку она забралась целиком.

— Я пришел не к тебе, — сказал он.

— О, — Гостья округлила рот, издевательски изображая удивление и обиду. — А мы ведь были так близки!

— Я буду говорить с Алисой, не с тобой.

Гостья вдруг зашипела, ее лицо искривилось.

— Не с кем тут говорить, — сказала она. — Девчонка почти кончилась. День-два — и совсем не будет.

Но ее голос звучал вовсе не так уверенно, как слова.

— А я думаю Алисе еще далеко до конца.

Гостья зашипела громче. На мгновение потустороннее сияние глаз погасло, проступила тусклая зелень, но это длилось недолго. Сергей понял, что девочка слышит свое имя, и еще борется. От сочувствия и гордости за нее сердце у него забилось быстрее.

— Уходи, дурак! — зашипела гостья. — Уходи, брось ее, своих ты ведь бросил. Или, теперь когда понял что твоих друзей не спасти, спешишь завести новых?

— Я знаю ты меня слышишь, Алиса, — заговорил Сергей. — Я был на твоём месте... не совсем на твоём, мне было проще, но я верю что ты сильнее меня.

Гостья откатилась в угол камеры и заткнула уши, гудя под нос и раскачиваясь. Сергей заговорил громче:

— Я знаю тебе страшно, знаю что она находит в тебе такое, чего ты не можешь не бояться, она подло бьет в самые слабые места, обесценивает все, что было для тебя важно, но я знаю что есть то, чего она так и не смогла у меня отобрать. Алиса, твоё спасение есть у тебя в душе.

— Нет никакого спасения! Заткнись! — заорала Гостья, но было поздно — Сергей почувствовал что ненадолго, но ее власть ослабевает, Алиса слышит его.

— Вспомни время, когда ты была по-настоящему счастлива. Вспомни, кого любила без оглядки и неважно сколько это длилось — мгновение или годы. Вспомни, и это тебя спасет. Она не сможет этого отнять. Вспомни.

***

"Вспомни".

— Ты ведь знаешь, это не сработает, — пропел лже-Матвей, держа ее подбородок двумя пальцами. — Все это чушь. Ты никого никогда не любила, девочка, тебе негде прятаться.

И Алиса почти верила. Но что это бьется внутри? Отчего теплеет в груди?

— Ты помнишь что это было. Вранье, иллюзия, обман, — зашептал в ухо Матвей, в голосе которого стали просачиваться чужие, визгливые нотки. Он вывернул ее руку так, что хрустели кости, но было поздно — Алиса уже вспоминала.

Кофе. Пахло кофе.

Алиса сбежала в это воспоминание, как дети сбегают в свою комнату, под одеяло, прижимая к груди любимую игрушку: в бесконечном доверии что одеяло спасет от монстров, а мягкий пушистый друг защитит.

Алиса вспоминала Морфея и иллюзию, которую он подарил. Вспоминала, как сжималось ее сердце от счастья — каждый иллюзорный день, когда он смотрел на нее глазами влюбленного. Вспоминала, прячась за воспоминанием от страха.

***

Сергей увидел, что она затихла и почувствовал перемену в ней. Теперь Гостья ходила кругами вокруг потайного места, в котором пряталась от нее Алиса. Это не победа, не бог

весть что, но это поможет Алисе не сойти с ума, пока они не придумают что-то получше.

Так ободрял себя Сергей, покидая подвал. Но он сделал гораздо больше, чем думал, потому что стоило ему уйти и в камере появился гость.

Исправно перегоравшая каждый день лампочка зажглась и засияла как солнце.

— Вот оно что, — пробормотал Морфей, садясь на колени рядом с Алисой. У нее был пустой взгляд человека, ничего перед собой не видящего.

— Бедная моя девочка. Я почувствовал, что ты думаешь обо мне, но не понял сперва что это призыв о помощи. Вот оно что. — сказал он и ласково притянул ее к себе.

— Я не стану вмешиваться в твою жизнь, как и обещал. Я очень гордый, прости, — усмехнулся он, понимая, что она его не слышит. — Но я сделаю тебе один подарок. Такой какой могу сделать только я. Уверен, ты оценишь.

Морфей погладил ее по голове, поцеловал в бледный лоб и заговорил, а его медовые глаза сияли изнутри:

— Я освобождаю тебя от власти любых наваждений и иллюзий. Кроме моих. Идет?

Он рассмеялся и выпустил ее, растворяясь в воздухе, а его смех долго еще отражался от стен, так что Алиса, успела услышать его эхо. Она вздохнула, и неуверенно поднялась на ноги, настороженно прислушиваясь к себе. Еще одна иллюзия? И сейчас появится еще кто-то горячо любимый и выпустит ей кишки напевая чтонибудь ласковое? Нет, мысли слишком связные, похоже Гостья и правда почему-то отступила. Неужели Алиса оказалась сильнее и теперь она подавлена?

"Мечтай!" — отчетливо услышала она в голове и вздрогнула, озираясь по сторонам. Но голос шел изнутри.

"Я все еще здесь", — сказала Гостья. — "И хоть какой-то урод лишил меня возможности тебя немного помучить, я все еще могу говорить, и какая-то власть над твоим телом у меня есть. Вот гляди, как я могу".

Алиса почувствовала, что ее руки задвигались без ее воли и вцепились в волосы, со всей силы дергая их. От неожиданности Алиса закричала и усилием воли смогла хотя бы заставить руки не двигаться.

"Занимательно, правда? Интересно, как долго ты сможешь держать свое тело в своих руках и противостоять мне, прежде чем добровольно бросишься например с семнадцатого этажа?".

— Тогда ты сдохнешь со мной, верно? И вернешься туда, откуда вернулась. — прошипела Алиса, пытаясь опустить руки. Получалось как будто она играла в армреслинг с собственным телом.

Гостья замолчала и наконец отпустила ее тело. Алиса поняла что нашла нужный тон:

— Мы обе в ловушке, правильно? Если будем противостоять друг другу, доведем до того, что обе погибнем. А это нам не нужно.

"Почему же, меня очень даже устроит смерть твоего сознания. Осталось придумать как бы этот фокус провести".

— Предлагаю другой выход. Нас здесь двое. А значит, мы с тобой можем больше чем одна я или одна ты.

Гостья молчала и Алиса продолжила:

— Предлагаю договор. Не мешать друг другу. Ты поможешь мне, а я помогу тебе.

"И как же ты можешь мне помочь, интересно? Попросить своих могущественных друзей низвергнуть меня обратно в ад?!".

Руки снова двинулись, намереваясь впиться ей в глаза, но Алиса к этому была готова и остановила их в паре сантиметров от лица:

— Я не собиралась тебя возвращать в ад. Ты в моей голове и знаешь, что я не вру.

Руки опустились. Гостья молчала.

— Я помогу тебе отыскать возможность жить в этом мире. И обещаю не пытаться тебя низвергнуть или уничтожить.

"А взамен?"

Алиса выдохнула. Она точно знала что потребует.

— А взамен ты сможешь мне пройти Перекресток и вернуться оттуда.

Глава 16: Извлечение смертности

Шел дождь. Осень обложила небо свинцовыми тучами из которых подобно вдовьим слезам, неостановимо, извергались потоки воды. Капли стучали по оконному стеклу напряженным стакатто.

Отец внимательно рассматривал Алису больше минуты. Остальные смотрели то на нее, то на него, как родственники тяжелого пациента на приеме врача. Наконец, он отвел взгляд:

"Их силы равны. Алиса права: с таким сопровождением она сможет войти в Перекресток и пройти его. К тому же, какой-то щедрый бог лишил ее возможности подвергаться чьи-либо иллюзиям. Сейчас у нее больше шансов справиться с Перекрестком, чем у кого бы то ни было."

— Одна она туда все равно не пойдет, — нахмурился Матвей.

— Не пойдет, — согласился Белый. — Но с тобой нужно будет как следует поработать, прежде чем пускать в такое веселое путешествия. Алиса защищена, а ты можешь быстро стать для нее там обузой. Мы этого не хотим.

— Если и раньше существовали способы проапгрейдить человека для Перекрестка, почему мы раньше этого не сделали? — возмутился Матвей.

— Наверное потому что тогда у меня не было под рукой двух архидемонов страха, которые вдвоем наверняка могут что-нибудь придумать. — ответил Белый и обаятельно улыбнулся Алисе и Фобосу: — Как думаете, что мы можем сделать с этим храбрецом, чтобы он сумел пройти перекресток.

"Посадите в него Фобоса", — чужим голосом Гостья сказала Алиса.

"Мне в моем теле больше нравится", — возразил он.

— Предлагаю не рассматривать идеи кого-то куда-то подсаживать, — проворчал Матвей, — я вам не яблонька, прививку делать, нам и одного подселенца хватает.

Алиса жутко оскалилась и тут же нахмурилась.

— Прости, — извинилась, — Трудно контролировать выражение лица, когда оно начинает двигаться само по себе.

— Тем лучше, распугаешь всех чудовищ Перекрестка мне и бояться будет нечего!

"В Перекрестке страшны не чудовища, а то, что разум начинает вытворять с тобой. Пространство Перекрестка натравливает на тебя твои и чужие ужасы. И в отличие от моих иллюзий, он убивают по-настоящему" — сказала Гостья. — "Представь, что самое страшное чего ты боишься, самый жуткий, нерациональный страх, встает перед тобой живьем и гонит тебя по лабиринту, в котором тупиков больше, чем выходов, и в каждом тупике отражение еще одного страха и нет никакой возможности взять себя в руки и ни единого шанса убежать".

— Ты говоришь, как кто-то, кто хорошо знает, что такое Перекресток, — сказала Алиса.

"Я действительно знаю. Хозяин Перекрестка гостеприимно показал мне свои уголья перед тем, как заключить сделку. Признаться, многие из методов устрашения я переняла у него, но куда мне до его профессионализма. Он оттачивал мастерство сотни лет."

— Раз ты знаешь, что такое Перекресток, то ты можешь помочь нам сделать что-то, чтобы его пройти, — напомнил Матвей.

"Если бы все было так просто!" — огрызнулась Гостья.

"На самом деле есть довольно простое решение", — сказал Фобос, — "Странное, но в

этой ситуации вполне уместное".

— Надеюсь оно не включает никаких подселений, — проворчал Матвей.

"Наоборот. Мы вынем из тебя твою смерть".

Матвей поперхнулся от неожиданности, Алиса нахмурилась, а Белый посмотрел на Фобоса с любопытством.

— Как это — вынем? И я стану бессмертный Маклауд? И как это поможет сохранить разум в Перекрестке?

"Вместе со смертью тело покидает страх. Не весь, а только самая инстинктивная его часть. В перекрестке самые опасные чудовища рождаются из подсознательных страхов, а удаление смерти позволит тебе о них забыть. Со всем остальным ты справишься."

— А про бессмертие ничего не сказал, — проворчал Матвей.

"Просто я не специалист" — пожал плечами Фобос, — "Знаю, что это возможно и пару раз присутствовал при таком, возможно смог бы даже повторить процедуру, но сейчас я — не более, чем видение. Моих сил не хватило бы чтобы явиться в Москву самому, пришлось посылать свой призрак, а он не способен особенно ни на что. Но я знаю того, кто такие вещи проделывает и как его найти. Когда я понял что вы двое умудрились провалиться в антимир, я обратился к одному своему побратиму и попросил его о помощи. Думаю, именно его человек вытащил вас оттуда".

— А человек в сером! — воскликнула Алиса. — Тот смешной дядя, который вытворял совершенно невероятные вещи и при этом все ворчал что мы затащили его в наши мистические дела.

"Он вам и нужен. Он сможет дать вам возможность поговорить с моим побратимом, и попросить его об услуге".

— Ты не можешь просто попросить его выйти с нами на связь? — нахмурилась Алиса.

Фобос покачал головой:

"Способы, которыми общаемся мы, вам недоступны".

— Я бы хотел поднять еще один вопрос, если никто не против, — сказал Сергей, впервые за весь разговор подав голос. Когда все взгляды обратились на него он спросил Алису:

— Правильно ли я понимаю, что вы... с Гостьей пришли к какому-то соглашению?

Алиса кивнула.

— Да. Она не мешает мне и...

— Прости, — перебил ее Сергей. — Но я бы хотел услышать условия из ее уст.

Ее глаза засияли изнутри. Мертвые огни ослепляли, но не светили.

"Я не мешаю ей и помогаю пройти Перекресток, не пытаюсь захватить тело, которое мне нужно. Взамен, она не пытается воспользоваться помощью своих могущественных друзей, чтобы низвергнуть меня и, после того как пройдет Перекресток она поможет мне утвердиться здесь, в Мире. Таковы условия".

— Я хочу выступить в роли арбитра, — сказал Сергей. — Прости Матвей, твоей интуиции не хватит, чтобы заметить, что Алиса потеряла контроль или действует не совсем по своей воле.

Матвей развел руками, всем своим видом показывая что это правда.

— Поэтому я хочу быть третьим участником вашей экспедиции и беру на себя обязательство следить за соблюдением Гостьей правил.

Белый кивнул в ответ на это:

— Хорошо, что ты сам это предложил. Не имею возражений.

— Значит, нам осталось только найти человека, который очень не хочет чтобы его нашли именно мы, — хлопнул в ладоши Матвей. — Прекрасная задача!

"Где его найти я подскажу. А уговаривать его вам придется самим". - сказал Фобос.

***

Первый выход на улицу дался Алисе непросто — в помещении легко было разделять я и не я, которым являлась Гостья, но на открытом пространстве ее воля как будто стала сильнее, Алисе стало очень тяжело сохранять контроль над телом, голова вертелась совершенно без ее ведома.

"Я очень давно не жила", — сказала Гостья в ее голове, — "Забыла, как выглядит мир".

Алиса вспомнила безликие багровые пустоши подмира, жесткие небесный свод, покрытый трещинами и невольно ощутила сочувствие к существу, которое не видело ничего кроме этого.

"Как тебе удалось выбраться оттуда?" — спросила она мысленно, не открывая рта.

Гостья молчала так долго, что Алиса успела решить, что она не станет отвечать на вопрос. Они ехали в машине, Сергей с Матвеем о чем-то переговаривались, Алиса смотрела в окно, как будто ей передалось любопытство существа внутри нее: мир выглядел иначе.

Она не замечала раньше сколько в нем цветов, форм, фактур. Запыленные фуры на кольцевой дороге пахли выхлопным газом и бензином, разноцветные кучи листьев в парке пахли осенью и мокрым перегином, люди одевались в пальто и куртки всех цветов радуги, раскрывали над головами разноцветные зонтики, когда шел дождь и все люди были разные, одновременно и похожие и непохожие друг на друга. Мир был полон разных деталей и каждая имела значение, как в очень сложной игре. Как Алиса всего этого не замечала раньше?

"Я выбралась из антимира, потому что прошла до конца". - зазвучал голос Гостьи. — "Я выслушала каждого, кому причинила боль. Эта боль прошла через меня. Так я сумела выцарапать себе путь вверх, но этого было недостаточно, что закрепиться. Я могла вылезти только ненадолго и только в местах, которые сами по себе были близки подмиру. Я как раз изобретала способ обрести хоть что-то похожее на тело, когда появился Хозяин Перекрестка со своим предложением. Он пришел сперва и сообщил, что в Мире существуют люди, которые следят за границами, и они не позволят мне оставаться в Мире, пока я нарушаю их правила. Я питалась ужасом людей, которые попадались в мои ловушки и он сказал что мне этого не простят. Ему нельзя было не поверить: Хозяева Перекрестков знают все, и слишком безразличны ко всему чтобы врать. Меня удивило что он сразу же предложил свою помощь: когда на меня выйдут охотники, открыть двери Перекрестка и поймать их. Он подсказал мне как использовать одного из охотников, чтобы занять его тело и сбежать. За всю свою помощь он просил только одного: привести в Перекресток тебя".

Алиса почувствовала как по коже побежали мурашки, а внутри поселился холод.

"Зачем ему я?".

"Он мне этого не сказал и я не догадываюсь. Я думала что пойму больше, когда увижу тебя изнутри, но ошиблась. Я вижу, что ты уже однажды имела дело с Перекрестком, но не понимаю что это значит для него. Ты не тот тип людей, которых он там ждет".

"В детстве я подружилась с призраком, пленником Перекрестка. Ему удавалось как-то покидать это место, чтобы увидеться со мной. Потом он спас меня, и Перекресток заметил его побеги и прекратил их. Я приехала в Москву и ввязалась во все это дело, чтобы отыскать

и спасти моего друга".

— Приехали, — сказал Сергей и обернулся к Алисе, — Все в порядке?

Она кивнула. Сергей еще секунду вглядывался в нее: просканировал, и не заметил ничего подозрительного.

Алиса вышла из машины, а Гостья сказала:

"Ты не врешь, но то, что ты рассказываешь, невозможно. Перекресток невозможно покинуть никаким образом. Это тюрьма внутри разума".

"Но ведь Джентльмен мог его покидать. Значит все-таки есть способ".

"Ты никогда не видела Перекрестка, а я знаю, о чем говорю. Покинуть его может только его хозяин. Прекратим этот разговор. Я чувствую, что к нам прислушивается что-то, чего я не могу распознать. Лучше молчать о таких вещах, даже не думать. Если спросишь еще что-то, я сделаю вид, что не слышала".

Алиса попыталась настаивать, но Гостья держала слово и молчала. От досады Алиса наконец обратила внимание, куда они приехали.

Перед ней небеса устремлялись небоскребы "Москва-Сити". Ощущение как будто неожиданно перенесся в Нью-Йорк или Токио: концентрация стекла, бетона и бегущей по экранам яркой рекламы сильно разнилась от районов промзоны Мокворечья и Нагатино.

— Похоже наш парень большая шишка, — пробормотал Матвей, — Бывал я в этих офисах, такое там творится...

— Кем бы он ни был, раз он имеет отношение к таким существам как Фобос и его приятели, значит он маг. А маги народ любопытный, он нам поможет, — уверенно заявил Сергей.

Матвей в ответ саркастически фыркнул:

— Слышал бы ты его, так бы не говорил. Идемте.

Благодаря Матвею они достаточно просто нашли путь: и Алиса и Сергей оробели непривычки в минималистичных, но очевидно дорогих интерьерах, а Матвей вел себя совершенно естественно и привычно. Он быстро выяснил где нужный офис и затолкал своих растерянных коллег в лифт.

— То-то он нам обрадуется, — с предвкушением сказал он.

Им повезло — человека в сером они встретили почти сразу: как только открылись двери лифта.

Он медленно перевел взгляд с Алисы с неестественно побелскивающими глазами, на сияющего улыбкой Матвея.

— Черт бы вас побрал, — от души выругался он. — Зачем бы вы ни пришли: идите к черту.

Сказал и развернулся, чтобы уйти.

Алиса с Матвеем переглянулись. Человек в сером разозлился куда сильнее, чем они ожидали.

— Подождите пожалуйста! — первой бросилась за ним Алиса. — Нам очень неловко, но вы нам правда нужны...

— Неловко?! — прошипел он, резко оборачиваясь. Глаза у него горели, ноздри раздувались, скулы побелели от злости. — Вам — неловко? Вы не просто за каким-то чертом отыскиали меня, хотя я просил вас этого не делать, вы еще и вломились ко мне на работу. И вам после этого неловко?!

Алиса замолкла от растерянности не зная, что сказать. Матвей выступил вперед,

выбирая самый спокойный тон, на какой был способен:

— Послушай, парень, верю, что ситуация тебе неприятна, но и мы не по пустякам тебя бесить пришли. Давай поговорим?

— Вы не отстанете, да? — очень спокойно спросил человек в сером, обвел взглядом их лица и кивнул, — Я так и понял. Ума не приложу, как вы меня нашли, но и черт с этим. У меня сейчас будет обеденный перерыв. Вы снйчас перестанете привлекать внимание моих коллег, уйдете и будете ждать меня в кафе на соседней улице. Я приду через полчаса и сделаю все возможное чтобы быстрее от вас отвязаться. До скорой встречи. Уходите.

***

— А что если он не придет? — спросила Алиса.

— Он и сам понимает, что тогда мы вернемся, — сказал Матвей.

В кафе, которое назвал человек в сером, пахло сыром, базиликом и пиццей. Алиса уплетала "большую морскую", и не слишком склонна была продолжать спорить. Матвей с Сергеем заказали одну гигантскую тарелку жареных сырных равиоли на двоих.

— Может сейчас он собирает все самое необходимое и садится на самолет в Канаду. — предположил Сергей, неприятно удивленный поведением человека в сером.

— И там мы его тоже найдем, — Матвей с хрустом впечатал равиоли в соус и отправил в рот. — Рано или поздно. А не мы, так призвание найдет. Люди, рождающиеся с такими способностями к магии, как у этого поца, без дела сидеть не будут и от нее сбежать не получится. Судьба рано или поздно предъявляет счет любому, кто закапывает в землю свой талант, каким бы он ни был.

Алиса ничего не сказала, но бросила на Матвея удивленный взгляд, который он заметил.

— Ничего удивительно-эзотерического я не говорю, — проворчал он, — Это не какое-то секретное знание, а просто сумма жизненных наблюдений. Бывало, есть у тебя приятель, работает безликим менеджером в безликом офисе, ненавидит свою работу, да еще и гордится этим, серый с зеленцой, веселый, но больно уж замордованный человек. Знаешь, почему Москве люди в двадцать пять выглядят на заплывшие сорок? Я про себя это называл "печать забанности". Вот едешь ты с таким залюбленным жизнью на шашлыки с компанией, и там, потеплев и расслабившись все начинают в охотку петь. И выясняется что у замухрышки, твоего приятеля, голос такой, что белок можно диапазоном сбивать, да и фиг с ним с голосом. Смотришь на человека: а он на глазах хорошеет, светится изнутри, сияет. Он замолкает, и ты спрашиваешь его: почему же ты не поешь, раз так любишь это, видно что прет тебя. Он отмахивается и лепечет что-то, мол, где петь, да чтобы серьезно этим заниматься деньги нужны, а несерьезно — зачем? И даже когда говоришь ему зачем — да для себя же, отмахивается. А смотришь на него через годик два и видишь — затухает человек, глаза гаснут, и стареют такие совсем быстро, душа из них уходит, а почему — не понимают. И сколько раз я такое видел. Человек, на все плюнувший и занимавшийся на досуге каким-нибудь выпиливанием лобзиком зверюшек, куда счастливее того, кто говорит что нет на это ни времени ни условий. Отмазки все это, глупости. А дар задушенный внутри становится отравой. С магией, уверен, еще серьезней дела обстоят.

— Ты прав, — кивнул Сергей, — Куда серьезней. Зарытый талант к магии это минимум — сумасшедший дом, а максимум бывает всякий. Вот кстати и он, наш зарытый талант.

Человек в сером не обманул их и никуда не уехал, а то что вид имел безрадостный, то все трое ему простили.

— Первым делом, давайте познакомимся, раз встретились наяву. Скрываться нет смысла — сказал он и обвел троих требовательным взглядом, означающим что их имена он желает выслушать первыми.

Когда они по очереди назвались, человек в сером кивнул и сказал:

— Меня зовут Виктор. Я человек, через которого хозяин мира смерти предпочитает смотреть на мир жизни.

Произнес он это буднично и скучно, так что стало ясно, что титул не вызывает в нем ни капли трепета.

— Раз уж вы нашли меня, я готов выслушать вашу просьбу, — сказал он, — хотя заранее не обещаю, что смогу помочь.

— Этого никто обещать не может. — успокоил его Сергей. — Стопроцентные гарантии дают только идиоты.

— Ты знаешь, что такое Дом на Перекрестке? — спросил Матвей. Виктор пожал плечами.

— Слышал там, слышал тут, — ответил он. — Так что скорее нет, чем да. Не рассчитывайте, что мне известно все о ваших делах, я всегда старался держаться от них подальше.

— Почему? — не удержался Сергей. — Тебе выпала необыкновенная, чудесная судьба, за которую многие в этом Мире бы отдали все. Я никак не могу понять почему ты так горячо отрицаешь причастность ко всему этому.

— Мне нравится моя жизнь. Она простая и сложная одновременно, но ее я могу понять и контролировать. Как только в мою жизнь приходит магия, все переворачивается с ног на голову. Я перестаю понимать очевидное, все может быть подвергнуто сомнению. Я начинаю узнавать вещи, которые навсегда меняют мое отношение к жизни. В магии мне не на что опереться, ничему нельзя доверять. Поэтому я держусь от нее подальше, — ответил Виктор. Его аж перекосило, пока он это говорил и Алиса с сочувствием подумала, что ему нелегко приходится. Когда дар настолько не в дружбе с внутренней природой, с ним нелегко примириться.

— Но тебе придется повернуться к магии лицом, — сказала Алиса, вслух, хотя собиралась промолчать. — Рано или поздно. Наше появление сегодня в твоём мире, только один из первых сигналов.

— Это я уже понял, — с досадой сказал Виктор. — Хватит обсуждать меня, времени не так много.

— Время, — сказал кто-то, бесконечно тихо, но так, что каждый четко услышал каждую букву. — Есть.

Наступила сверхъестественная тишина и Алиса почувствовала себя так, будто оказалась в космосе, одна на много миль вокруг. Исчезли не только звуки, но и ощущения от других людей, то, что мы чувствуем фоном, все время. Стол под локтями стал ощущаться, как сквозь вату. Кофе во рту потерял вкус, став пресным, как слюна, горячая чашка в руках остыла, цвета стали тусклыми, свет — как луч солнца в пыльной комнате

На плечо Виктор легла рука, будто высеченная из обсидиана. Таким же темным, каменным, было лицо существа, птичье, очень красивое и опасное. Глаза, лишённые и зрачков и белков, как у статуи, были расплавленным золотом.

Алиса почувствовала сильное желание склонить голову в поклоне, явственно ощутив, кто перед ней. Матвей и Сергей, пришибленно глядящие на Хозяина мира смерти

испытывали сходные чувства.

Один Виктор оглянулся на него и спокойно сказал:

— А, ты уже здесь. Кофе будешь?

— Буду, — ответил он и сел с краю стола, оглядывая собравшихся.

— Мне надо оставаться? — уточнил Виктор. — Для этих ребят я думаю сделал все что мог, позвав тебя.

— Я все же хотел бы, чтобы ты остался. — ответил Смерть, — если ты не против.

— А у меня есть выбор? — проворчал он в ответ.

— Пока — есть.

Виктор больше не делал попыток улизнуть, а Смерть глотнул кофе и улыбнулся троице:

— Ваши имена мне известны и ваша просьба тоже. Рад сообщить вам, что ни у меня, ни у Мира нет причин вам отказывать в этом.

Сергей с Матвеем кивнули, поскольку выговорить хоть слово в присутствии Смерти — задача непростая. Это Виктор мог трепаться с ним как со старым приятелем, благодаря каким-то своим привилегиям, а у нормальных людей близость сверхъестественного существа такой силы лишает способности не то что говорить, но и мыслить связно крайне трудно, когда все инстинкты обреченно шепчут о тщете всего сущего и близости общего для всех, неизбежного конца.

Хорошо, в общем, что не пришлось что-то объяснять. Дипломаты из перепуганных мужиков те еще.

— А что с ними будет, когда вы извлечете их смерть? — тихо спросила Алиса. Смерть посмотрел на нее ясными золотистыми глазами и она невольно почему-то вспомнила Морфея и его веселый взгляд. От этой мысли на сердце потеплело и даже гибельный страх отступил куда-то на задний план, что очень ее смутило. Хорошие девушки не вспоминают подлых обманщиков с такой теплотой.

— Они будут жить как прежде. Болезни не смогут убить их, но несчастные случаи и насилие оборвет их жизнь если такое случится. Они будут чувствовать мир немного иначе. По правде сказать, различий между тем, чья смерть извлечена из тела, и тем, кто носит ее в себе, бесконечно много и описать их все человеческим языком чрезвычайно трудно. Но вы всегда можете спросить Виктора. Думаю, он хорошо помнит как ему жилось, когда смерть еще была внутри.

Виктор пожал плечами, никак не отреагировав на сообщение своего патрона, которое троица восприняла, как сенсационные. Они уставились на Виктора так, будто у него выросли рога.

— В любом случае нам это не для радости, а для дела, — выдавил из себя Матвей. — Сделайте то, что требуется, пожалуйста.

— Все уже сделано, — ответил Смерть и встал со своего места. На прощание он снова положил руку Виктору на плечо. — Отдай им их, пожалуйста.

Виктор кивнул, одновременно снова пожав плечами. Хотя Алиса смотрела Смерти вслед, она не поймала момента, когда он исчез. Сбоку раздался какой-то звук, и удар, который отвлек ее. Алиса обернулась и увидела женщину с коляской, толкнувшую ее стул. Она очень смутилась и покраснела.

— Простите пожалуйста, мы зацепились... вот так, спасибо вам за помощь.

Алиса проводила ее взглядом. В мир вернулись краски, запахи, звуки. Он стал таким объемным и полным, что в первый момент Алиса почувствовала себя оглушенной

обрушившимися на нее подробностями.

Матвей с Сергеем тоже выглядели только что проснувшимися, а Виктор хмурился, закрыв глаза.

— Ты что-нибудь почувствовал? — спросил Матвей Сергея.

Он покачал головой:

— Столько всего происходило, что я уже и не знаю что я почувствовал. Энергия смерти зашкаливала, как будто мы уже в лимбе были, а что в процессе было, я не отследил.

— Сразу вы и не поймете, — подал голос Виктор. — Разница через какое-то время начинает ощущаться. Вы потеряли смерть в тот момент, когда перестали его бояться и заговорили. — сказал он Матвею, — Теперь я вам ее возвращаю.

Он что-то держал на коленях и, наклонившись вперед Матвей увидел крошечное пушистое существо. Тело, собиравшееся содрогнуться от отвращения при виде собственной смерти, замерло от удивления.

Пушистое существо подняло ушастую головку и мяукнуло.

— Это же... котенок?

— Тебе досталась очень ласковая смерть, — пожал плечами Виктор. — И в тебе ее было очень мало, поэтому он мал. Возьми.

Матвей протянул руки и взял котенка, который помещался ему в ладонь. Он был черный с густым серебристым подшерстком. Смерть свернулась калачиком в его руках и затихла.

— Будет лучше если ты будешь носить ее при себе, — сказал Виктор. — Хотя, это личный опыт. Свою я просто не люблю упускать из виду. Теперь твоя очередь, — обратился он к Сергею.

Тот кивнул, с трудом оторвав взгляд от потустороннего Матвеева котенка. Смерть Сергея оказалась большой сонной птицей, черной, как ночь.

— Это значит что во мне смерти было... много?

— Да. Это неважно. Смерть легко спрятать. — сказал Виктор, — обычные люди не замечают ее.

Матвей бережно пристроил котенка во внутренний карман пиджака, чувствуя что зверек не может ни задохнуться, ни жаловаться на голод. Он почти ничего не весил и никак не ощущался.

Птица Сергея спряталась под полый его пальто, как будто уменьшившись. Алиса смотрела на друзей во все глаза, не зная, завидовать им или жалеть их.

— А как выглядит ваша смерть? — спросила она Виктора, не подумав, что вопрос может показаться бестактным. Хотя, какая бестактность, когда такие вещи вокруг творятся.

Виктор повел рукавом и оттуда медленно выползла длинная черная змея. Она меланхолично обвила его руку, изредка вытаскивая угольно-черный язык.

— Мне было семь лет и я умирал от вирусного гепатита, — сказал он, глядя в глаза змее. — Долго умирал. Так долго, что за месяц до настоящей смерти я стал видеть мир смерти, Лимб, серые пустоши, черную реку. Признаться, я успел влюбиться в те места. Там было спокойно и не было ни температуры, ни боли. Там я познакомился с хозяином этого места. Я считал его воображаемым другом с которым приятно было побеседовать. Однажды, он пришел ко мне во сне и подарил мне ручную змею. Подарок не испугал меня, хотя я никогда не любил змей. Я знал что из сна ничего не удастся протащить и был очень счастлив, когда проснулся, а змея была со мной в больничной палате, куда меня привезли после неудачной операции. Они ждали моей смерти, но я так и не умер.

Виктор погладил клиновидную голову змеи и она прикрыла глаза.

— Дело сделано, — сказал он. — Я желаю вам удачи в вашем путешествии.

— Может быть вы хотите пойти с нами? — спросила вдруг Алиса, сама от себя не ожидавшая такого вопроса, но оно того стоило: увидеть мимолетное сомнение, на лице вечно сопротивляющегося всякой мистике Виктора.

— Не стоит. — сказал он. — Но, может, в другой раз?

И улыбнулся им на прощание.

Глава 17: Я так ждал тебя

Новый поворот и новый узкий коридор: весь в потеках багровой ржавчины, а может и крови, трубы оплетали бетонные стены. Троица забилась в крохотную очень грязную комнату, где стены были покрыты мелкой квадратной плиткой, отбитой кое-где сильными ударами, под низким потолком болталась одинокая лампочка накаливания.

— Нам нужно держаться вместе, — в сотый раз повторила Кира, отбрасывая со лба мокрую от пота отросшую челку. В Перекрестке не было ни парикмахерских, ни комнат отдыха. Все трое не знали, сколько они уже здесь, передышки занимали все меньше времени, рано или поздно их страхи находили их и старались развести в разные стороны.

Тим наклонился к Кате:

— В порядке? — серьезно спросил он. — Не ранена?

Всегда аккуратная белокурая Катенька, пуще холеры боявшаяся запачкать свое белое в цветочек платье, села прямо на пол, обхватив колени. Она замотала головой, не поднимая лица.

Ее дар, на который они так полагались в Мире, здесь не работал. Они были равны, одинаково запуганные, одинаково уязвимые.

— Нам нужно передохнуть, — обратился Тим к Кире, как к главной. — Мы бродим уже много часов, вечно это продолжаться не может.

— Мы должны найти Сережу, — отрицательно мотнула она головой. — Он должен быть где-то здесь.

Тим сжал зубы так, что у него побелели скулы. Кира знала этот жест: Тим с ней не согласен и будет спорить.

— Этот лабиринт живой. Все это место наделено каким-то сознанием. Если оно не захочет, чтобы мы нашли его...

— Оно уже много часов хочет разделить нас, — перебила его Кира. Она никогда не повышала голос, выработав у себя тон, который и тихо звучал внушительно. — И ему до сих пор это не удалось. Если мы можем противостоять ему в малом, мы можем и отыскать потерявшегося. Он — член группы, и одному ему в сотню раз тяжелее чем нам троим. Мы должны его отыскать.

Издали раздавался тихий звук: жалобный, берущий за душу детский плач. Катя горько заплакала, закрывая уши ладонями:

— Пусть оно перестанет, пусть перестанет, пожалуйста...

Тим посмотрел на нее с такой мукой, словно хотел бы забрать всю ее боль себе, помочь хоть как-то. Сострадание делало Тима хорошим врачом, но терзало его душу: он умирал с каждым, кого был не в силах спасти.

— Оно приближается, а мы здесь, как крысы в бочке, — сказал он. — Нужно уходить.

Кира согласно кивнула и поднялась на ноги. Плач усиливался. Тим бережно помог Кате подняться и повел ее к выходу.

В узкий дверной проем Кира вышла первой, не заметив упавшей ей на плечо струйки бетонной крошки. Зато ее заметил Тим и толкнул Катю вперед прежде чем стена сдвинулась резко как гильотина. Он оказался в ловушке.

— Уходите! — крикнул он в стену, не зная, что они его не слышат: стена отрезала все звуки.

Раздался протяжный шорох, скрип камня о камень. Закачалась под потолком лампочка, приближаясь к полу. Тима затрясло: как в самых жутких его кошмарах, потолок медленно-медленно опускался, и жить ему осталось не больше пяти минут.

***

Черное дерево танцевало. Алисе казалось что она чувствует его настроение: волнение, азарт. Дерево знало, зачем они пришли, и ничуть не было напугано.

Напротив, оно их подгоняло.

Серегей с Матвеем за ее спиной не волновались ничуть и Алисе это чувство было в новинку: когда кто-то полностью полагается на тебя. Она не может их подвести.

"Что дальше?" — спросила она Гостью

"Дверь открывает сильный страх. И здесь есть маленькая загвоздка: твои друзья теперь неуязвимы к моим иллюзиям. Как и ты".

Еще несколько недель назад Алиса бы решила, что все пропало. Ноги перестали бы ее держать, мозг отказался бы думать, эмоции захватили бы тело и понесли бы его в пучину отчаяния. Потом она бы наделала кучу глупостей.

Теперь Алиса ощутила только холодок на шее и с некоторым волнением спросила:

"Но?"

"Но твои особенности подчиняются твоим желаниям. В отличии от твоих приятелей, ты до сих пор носишь в себе источник страха. И если ты захочешь поддаться ужасу, ты его испытаешь. Осталось только проверить, хватит ли твоего, весьма посредственного таланта к ужасу, чтобы открыть эту дверь. Хозяин Перекрестка гурман. К нему не зайдешь с посредственным угощением".

"Мы попробуем".

Алиса пояснила для ребят, не оборачиваясь:

— Сейчас я позволю Гостье меня напугать, очень сильно. Должно быть достаточно, чтобы дверь открылась, поэтому... вы не вмешивайтесь ладно, а то придется начинать все сначала.

Они ничего не сказали, к счастью и Алиса была им за это благодарна: их поддержка только помешала бы ей испугаться как следует.

"Начинай".

"Мне нужен доступ к твоим самым сокровенным страхам. Лучше сразу начать с того, что принесет наилучший эффект, чтобы не длить пытку".

Алиса почувствовала как воля Гостьи проникает глубже в ее разум и постаралась не сопротивляться, хотя ее трясло от омерзения. Это было почти физическое ощущение, будто кто-то пальцами перебирает извилины, но это было бы можно перетерпеть, если не возникший осадок: такой остается, когда кто-то чужой прочел твой дневник, предназначенный для самых сокровенных и отнюдь не лучших мыслей.

Это длилось и длилось, а потом как будто что-то щелкнуло и Алиса осталась одна в темноте. Она обернулась, не увидела ребят, закрутилась на месте, чувствуя подступающую тревогу и почувствовала что двигаться все тяжелее, как будто что-то связывает ее. Алиса забилась, ее руки плотно прижались к телу, которое не слушалось ее, в глаза брызнул свет и она поняла что не стоит, а сидит, прижавшись виском к чему-то мягкому, но продавленному. В нос забрался отвратительный запах, и она поняла что исходит он от нее. По подбородку что-то текло и Алиса с ужасом поняла что это ее собственные слюни.

— Давай вытаскивай ее, — сказал неприятный женский голос. — Пора освобождать

номер, милочка.

Незнакомый мужчина с каменным лицом подошел к ней и Алиса попыталась отшатнуться, чувствуя, что ничего хорошего у него во мыслях нет. Тело не слушалось ее: она хотела отскочить, но оно, как пьяное, завалилось набок, ноги едва дернулись. Как будто она отлежала все тело.

Мужчина схватил ее за шиворот и поволол. От него сильно разило потом. Алиса попыталась что-то скачать и не сумела: у нее во рту не было большей части языка. Из рта вырвалось только смутное мычание.

Паника внутри росла. Алиса снова попыталась вырваться, но получила только затрещину от краснолицей толстой женщины, которая стояла у выхода с ключами:

— Утихни, вонючка. Не то снова пойдешь в карцер.

Мужик затащил Алису в грязную серую комнатку и стащил с нее смирительную рубашку. Плотно поглядев на ее тощее тело, он грубо потрепал ее по щеке и сказал что вернется к ночи — как обычно.

Когда Алиса поняла что он имеет ввиду, она была уже на грани помешательства от ужаса, ведь она начала понимать, что происходит...

Ей снились сны, о том, как она была свободна. Сны про магию, приключения, часто очень страшные, но жизнь была страшнее. Алиса помнила, как здесь оказалась и помнила, как потеряла язык: его ей вырезали те, кто отрезал ей руки, чтобы ее унижить ее отца. Он был убийцей, он отсидел свое, завязал, пытался начать новую жизнь, почти справлялся с приступами гнева. но эти ублюдки нашли их.

Алиса отняла руки от тела и посмотрел на уродливые культы на месте костей. Мама мертва. Отец мертв — покончил с собой после того как зверски расправился с теми, кто изувечил ее. Он и Алису хотел убить, чтобы она не страдала больше, но она, дура, зачем-то сбежала.

И сошла с ума.

Ужас поднялся из глубины души, змеей обвил ее грудь и вонзил клыки в сердце. Алиса села на пол, обнимая обрубками рук колени и завывала от боли.

Вдалеке раздались шаги. И Алиса увидела обеспокоенное, но знакомое лицо.

— Пожалуйста, перестань кричать, не то тебя снова запрут, — на грани слышимости прошептал Джентльмен.

Алиса хотела воскликнуть его имя, но из горла вырвался только невнятный возглас. Она прижалась к решетке, чтобы получше рассмотреть его лицо: очень юное, неумело выбритое, с юношескими прыщами на щеках и подбородке, но полное жалости и сострадания, родное.

Он был одет в форму уборщика и сжимал в руках мокрую швабру.

Алисе было все равно. Хоть кусочек видений оказался правдой — он был ее другом, он был рядом. Она смотрела на него восторженными глазами, не в силах сказать все это.

— Я должен сказать. Меня отсюда переведут завтра. Полтавский понял, что это я последнюю неделю делал все, чтобы он до тебя не добрался. Мне не дадут вернуться, ты знаешь, закрытый режим. Прости.

Алиса с ужасом поняла что он ее бросает. А еще почувствовала всем сердцем — что он чувствует облегчение. Она увидела себя его глазами: вонючая, безязыкая сумасшедшая, дочь убийцы, жалкое создание, убегающее в свои шизофренические фантазии. Ему было ее жаль, но она была ему отвратительна.

Это ее жизнь. Алиса посмотрела вперед, в будущее и почувствовала как черная пучина

ужаса и отчаяния накрывает ее с головой. Она кричала, но не слышала ее крика и едва слышала как мальчик-уборщик умолял ее прекратить кричать, угрожая всеми муками ада.

Алиса не слышала. Она превратилась в пульсирующий от муки нерв.

— Достаточно. — сказал кто-то. Алиса знала, что это голос Джентльмена, но лицо за решеткой перестало быть лицом уборщика.

Это был тот Джентльмен, которого Алиса впервые встретила на детской площадке, вечность назад. Таким он спас ее от пожара. Таким Алиса видела его теперь.

— Больше не нужно. Спасибо, что пришла, я очень тебя ждал, — сказал он и шагнул назад, растворяясь в темноте. Решетка исчезла и Алиса инстинктивно рванулась за ним, чувствуя все равно почему-то что протискивается в ужасно узкую щель, шагая прямо в живую, клубящуюся тьму.

Две пары рук удержали ее.

— Стой!

— Тише-тише, — услышала она голос Матвея над ухом, и чуть не умерла от облегчения.

Они стояли посреди камеры, в которую ее затащили, но теперь Алиса точно помнила кто она и где правда. Она пошевелила языком во рту, сжала и разжала пальцы и обернулась к ребятам.

— Получилось?

— Едва-едва, — сказал Сергей.

— Дверь открылась совсем немного, мы испугались, что ты уйдешь одна, без нас, — сказал Матвей. — Но как будто в последний момент дверь придержали и мы успели влезть. Чудом, хочу сказать, прошли. Ты как?

— Как это выглядело? — спросила Алиса, не переставая перебирать пальцами.

Матвей с Сергеем переглянулись.

— Я видел, что Гостья берет над тобой верх. Ты села, и стало очень похоже как тогда, когда она только тебя захватила, ты была далеко и никого не слышала, во власти иллюзии.

— Ты кричала, — сказал Матвей. — Сидела на полу и плакала и кричала, так страшно, будто все кончено. Я хотел помешать, не мог это слушать, Сережа удержал.

— Потому что в другом случае ей пришлось бы переживать все это заново, — сказал Сергей. — Это было бы слишком.

Нет, второй раз она бы точно отказалась через это проходить. Упиралась бы руками и ногами — достаточно вспомнить тот момент, когда она верила, что ее реальность оказалась бредовой иллюзией сумасшедшей.

"Выходит, это и есть мой самый глубокий страх — что на самом деле я сумасшедшая, — подумала она, и почувствовала что еще немного и с нее хватит. Все внутри итак было сжато в дьявольский комок, еще немного и она или расплчется, либо рассмеется.

Вслух она сказала:

— Спасибо, что не стали останавливать.

Матвей явно хотел спросить ее, что ей мерещилось, но не стал приставать расспросами. Алиса была ему за это очень благодарна.

— Ну что же, мы идем искать! — сказала она и уверенно зашагала прочь из камеры. В ее горячем бреду здесь простирался коридор больницы, но Перекресток менял ландшафты по своему усмотрению: выйдя из камеры они оказались в очень большом помещении вроде самолетного ангара.

— Кто-нибудь из вас боялся летать? — спросила на всякий случай Алиса, — Или

попасть в турбину самолета?

— Нет. Мне кажется это место должно производить больше трепета? — спросил Матвей, — иллюзия ведь должна быть реальной, чтобы страх работал. А меня не оставляет ощущение, что все вокруг...

— Фальшивое, как декорации в театре. — продолжил за него Сергей, — думал я один это чувствую... Выходит, так работает извлечение смерти, мы должны уже потерять голову от ужаса, а вместо этого видим реальное положение вещей, что все это просто фальшивка, театр, игра...

— Поэтому в Перекресток всегда входили только те, кто умеет бояться. — печально сказал тихий женский голос. Троица завертела головами. Пытаясь вычислить источник звука, но в большом помещении голос отражался от металлических стен и потолка и раздавался будто бы отовсюду сразу.

— Страх это не сколько пища, сколько клей, который склеивает эту реальность. Страх это само вещество, из которого состоит Перекресток. Такие как вы, наносят Перекрестку глубокие раны. Поэтому он всегда был разборчив. — продолжал голос.

— Что же он нас тогда пропустил? — сощурился Матвей.

— Покажитесь, — предложил Сергей, — Кто вы? Если жертва Перекрестка, то мы вам не враги, и ничего плохого не сделаем.

— Я была жертвой, — сказала девушка неожиданно оказываясь рядом с ними, как будто соткалась из темноты. У нее была бледно-молочная кожа, старомодно уложенные ярко-рыжие волосы, очень яркий, будто театральный, грим. Черное с кружевами платье, черные кружевные перчатки и гипнотические темные глаза. — Когда-то была. Теперь я и есть Перекресток. Одно из его множества лиц.

Поняв что враг вышел встретить их на пороге все трое напряглись. Матвей бессознательно сделал шаг вперед, заслоняя Алису, Сергей изготавился колдовать какую-то свою магию.

— Вы — Хозяйка Перекрестка? — спросила Алиса, пытаясь посмотреть на девушку своим особенным зрением, но в кои-то веки ничего не выходило. Изнанка Перекрестка выглядела точно так же как и то, что они видели.

Девушка печально рассмеялась.

— Хозяин Перекрестка это просто слова, Алиса. У этого места есть душа и воля, то что управляет мной и другими его лицами. Перекресток сам себе хозяин.

— Тогда Перекресток уже понял, что мы не ведемся на его игры. Значит он послал тебя, чтобы разобраться с нами? — воинственно нахмурился Матвей.

— Именно так, — девушка улыбнулась, — разобраться. Вы пришли за своими друзьями. Первого из них вы найдете, повернув налево и пройдя вперед совсем немного. Будьте осторожны: в отличие от вас, ваши коллеги подвержены влиянию Перекрестка. Их страхи так сильны, что сумеют навредить даже вам. Берегите головы. — она исчезла так же неожиданно как и появилась.

Оглядываясь по сторонам, чтобы не упустить появления новых сюрпризов, Матвей спросил Алису:

— Думаешь, нам следует ее послушать?

— Все равно мы не выбрали куда идти. Попробуем, — сказала Алиса, бросив взгляд на Сергея. Новость о его коллегах придала ему сил, хоть вслух он ничего и не говорил, но душой рвался вперед.

Они пошли налево. Самолетный ангар сменился заброшенным зданием пребывающей в упадке оперы. Сцена и разваленные кресла выглядели бы зловеще, если бы не смутное чувство что их не пугают, а дешево пытаются напугать, что портило все впечатление.

— Если этого кого-то пугает, то истеричек, — буркнул Матвей, как будто разочарованный. — Обещанный дворец кошмаров не тянет даже на комнату страха.

— Она сказала что Перекресток соткан из страха. То есть на нас с тобой он не действует, потому что мы больше не можем бояться. Для обычных людей здесь все излучает страх. — заметил Сергей.

— Вот чего я не понимаю, так это почему она нам помогает. Если она сказала что она и есть Перекресток и наше присутствие его ранит, почему помогает найти коллег?

— Может понимает, что мы не отвяжемся, пока не отыщем их.

Алиса пожала плечами. Все-таки нестыковка. Если так, почему Перекресток просто не выплюнул коллег им в лицо? Почему заставляет идти дальше и дальше, хотя каждая секунда и каждый взгляд их должен разрушать его?

И зачем Перекрестку все это время нужна была она?

"Успокойся, Алиса", — сказала она себе. — "Ты почти у цели. Джентльмен где-то здесь и мы его найдем и все вместе вернемся домой".

Но тревога все не утихала.

Заброшенную оперу сменили бесконечные грязные коридоры, с лампами дневного света, как в морге. Стены покрыты какой-то грязно-белой мозаикой тут и там сколотой, повсюду ржавые потеки.

— Однажды я бывал в подвале больницы, который соединял корпуса между собой, — сказал Матвей, — Так вот, даже там было страшнее.

От его слов мертвенный свет мигающих ламп как будто поблек. Алиса заметила это, потому что смотрела внимательно — вместе со словами Матвея жизнь ушла из этого кусочка реальности. Вдруг из широкой щели в стене прямо под ноги Алисе выкатился молодой мужчина. Она едва успела отскочить, чтобы не наступить ему в лицо: грязнущее, заросшее бородой, с безумными ошалевшими глазами.

Он вскочил на ноги и встал наизготовку как дикий зверь. Матвей привычно заслонил Сергея с Алисой, но Сережа стал вырываться вперед:

— Тим! — воскликнул он, — Тим, это же я, лошара ты живучий!

Робинзон растерянно моргнул, увидев Сергея и превратился из опасного безумца в меру молодого человека, просто давно небритого.

— Не ждал тебя уже видеть, — сказал он и крепко обнял Сергея и тут же отпрянул чтобы заглянуть ему в лицо:

— Как ты уцелел? Мы искали тебя, думали ты без нас пропадешь. Кто это люди? Или... Или это еще одна шутка лабиринта? — Тим схватился за голову, — Невозможно проверить. Тебя здесь не может быть в полном здравии, глаза мне одно говорят, разум другое, чему верить?

— Верь мне! — горячо ответил Сергей. — Я настоящий, ребята настоящие. Мы вернулись за вами.

Алиса услышала краем уха какой-то смутный шорох, но не придала ему значения. Тим, напротив, весь присел, дрожа от ужаса.

— Снова началось. Ищите! Ищите щели.

Алиса подняла голову и увидела, что потолок опускается, грозя раздавить их. Ребята

озирались и стали делать то же что и Тимофей — отыскивать любую дверь или щель, в стене, которая выпустит их в другое помещение.

Самым большим страхом Тимофея было остаться в одиночестве в замкнутом пространстве, где стены сдавят его, а потолок упадет на голову. В реальном мире это был ничем не обоснованный панический страх, который он научился контролировать никогда не оставаясь один. В Перекрестке любой страх осуществлялся, превращал мнимые угрозы в реальные. Тимофея этот страх гнал по лабиринту, и куда бы он ни пошел, рано или поздно потолок начинал медленно опускаться ему на голову, пока, в самый последний момент, обезумевший от ужаса, он не находил какой-нибудь выход, намеренно оставленный для него лабиринтом. Он не собирался убивать своего пленника быстро.

Все это Алиса понимала. И вместе с тем знала, что не должна допустить чтобы сценарий шел так, как он шел до этого. Она решительным шагом подошла к Тимофею и взяла его за грудки, вынуждая оторваться от поисков выхода.

— Это не взаправду, — сказала она. — Лабиринт обманывает тебя. Не верь ему.

Тимофей попытался вырваться, чтобы не слушать ее, но Алиса держала крепко.

— Это иллюзия. Просто злая шутка, не более того, — повторила она, и ее лицо оставалось таким пугающе спокойным, даже скучающим, что Тим невольно засмотрелся и перестал думать о падающем потолке.

Сергей помотал головой, стряхивая чужой страх и поднял голову.

— А и правда. Потолок как картонный.

— Нет, как из папье маше. — добавил Матвей.

— Видишь? Это все ненастоящее. И твой страх не настоящий, — повторяла Алиса, глядя Тимофею в глаза. — Он пользуется тем, чего ты боишься. У него нет своей силы, и он пользуется твоей. Но ты сильнее. Ты можешь остановить это. Ты не один. Я с тобой.

И потолок перестал падать. Услышав тишину, Тимофей удивленно поднял голову, выпрямился и опасно потрогал грязную серую поверхность.

— И правда, — пробормотал он, — выглядит как настоящий, а на самом деле..., - с жутким хрустом Тим ударил потолок кулаком. Посыпались куски целлюлозы и пенопласта. Тим посмотрел на свой кулак и рассмеялся:

— И кого это может убить?! Ха! — он ударил снова и снова, смеясь и расцветая на глазах. Где тот издерганный распрощавшийся мужчина, которого они встретили всего десяток минут назад? Исчез, а на место ему пришел настоящий Тим.

— Смотрите! — воскликнул он. — Тут какой-то люк!

— Значит нам туда, — сказала Алиса, — открывай его Тим!

Тим влез в люк первым, за ним подтянулся Сергей. Пока он забирался, Матвей тихо спросил Алису:

— Как ты узнала что потолок не настоящий? С первого взгляда было не отличить, потому мы с Сережей и засуетились. Но откуда ты знала?

— Потолок и был настоящий, — ответила она. — Пока он в это верил. В этом месте вера сильнее законов физики. Нужно только перестать бояться.

Как только они вылезли из люка, на них на полном ходу кто-то врезался. Маленькая женщина оказалась таким хорошим снарядом, что растолкала всех как кегли, пока ее не остановили объятия Сергея, в которых она забилась, как дикая кошка.

— Пусти, тварь! — прорычала она, целясь ногой в причинное место, но Сергей увернулся.

— Всегда знал, что ты умеешь достойно встретить мужчину после долгой разлуки, — рассмеялся он, — Это же я, Кир.

Женщина вскинула голову, пронзила его лицо острым, как бритва взглядом и со всего размаху засветила ему кулаком в плечо. От этого удара он увернуться не успел.

— Ах это ты?! И где тебя черти носили? — воскликнула она. В глазах заблестели слезы, она занесла второй кулак для удара, но неожиданно прижалась к нему и разрыдалась.

Тимофей потупился и отвернулся, всем своим видом показывая, что желал бы оказаться где-нибудь подальше, когда его железный босс плачет, как девочка. Сергей ничего не говорил, позволяя ей дать волю чувствам, только гладил по спине, слегка покачивая ее. Взрыв эмоций она миновала очень быстро: минуты не прошло, а всхлипы затихли, и Кира сердито вытерла непрошенные слезы краем Сережиной рубашки.

— Рада видеть тебя живым, Тим, — сказала она. — Простите за фонтан. Могу я узнать кто вы такие?

Матвей с Алисой представились.

— Нас отправили искать вас, — сказала Алиса.

— В этом вы преуспели. Осталось только найти отсюда выход и Катерину.

— Катя не с тобой? — встревожился Тим.

— А похоже, что я прячу ее за пазухой? Она сбежала от меня. — огрызнулась Кира, но было видно что это от того что она ужасно расстроена и злится на себя, за то что упустила ее. — Услышала плач. Оттолкнула меня и побежала на него. Я — за ней, но не успела догнать, лабиринт стал меняться, путать меня, я бежала, надеясь что куда-нибудь меня выведет и наткнулась на вас. Раз и вы ее не видели, значит лабиринт забрал ее и сейчас где-то сводит с ума.

Глава 18: Всему наступает конец

Катя лежала на полу, свернувшись в клубочек и плакала. Она знала, что все еще находится в Перекрестке, но эта очередная комната была неотличимо похожа на ее собственную квартиру: шкафы "стенкой", фарфоровые фигурки за стеклом серванта, занавески гармонируют с пледом на постели: любовно устроенное уютное гнездышко, где Катя надеялась стать счастливой.

Детский плач сводил ее с ума.

Катя так и не смогла поверить в то, что это случилось, хотя каждая секунда того дня отпечаталась у нее в памяти, как шаги по жидкому бетону, навеки задокументированные холодным камнем. Свекровь взяла их малышку из рук мужа, неловко повернулась и уронила ее. Девочка ударилась головой о плитку и потеряла сознание. Она не кричала и не плакала, пока Катя бежала с ней на руках по улице, когда скорая попала в пробку, а до больницы оставалось два километра.

Гематома быстро распространилась и убила ее девочку за два дня. Катя помнила все. Услужливая память раз за разом проматывала те секунды перед ее взглядом: руки мужа, лицо свекрови, сонную улыбку дочки. Какой-то звук, который отвлек свекровь, реклама по телевизору. Она поворачивается, ее рука скользит, и от неожиданности она не схватила малышку крепче, а выпустила. Длинное, как в замедленной съемке падение.

Удар. Глухой и гулкий. И тишина.

Катя заревела в голос, хватаясь за голову, не чувствуя, что вырывает клоки волос с кровью.

Она не справилась. Не могла даже смотреть на свекровь, первые дни мечтала ее убить, хотя потом поняла: ей было не легче, чем Кате. Все ее жалели, родня, знакомые, друзья. Жалели и мучили, не давая забыть. Катя спешно развелась с мужем, настолько оглушенным произошедшим, что он не сказал ни слова против. Она сбежала из города, где все знали о ее беде, переезжала три раза, пока не осела в Москве. Здесь было адски трудно выжить и это пошло ей на пользу: много работы, поиски нормального жилья без клопов и назойливых соседей, еще больше работы и постоянная нехватка денег выматывали ее так, что на муки не хватало сил. Всего пару раз в неделю, гораздо реже, чем дома, она останавливалась посреди улицы не понимая, что здесь делает, ведь мир рухнул, и жизни больше нет. И справлялась она теперь быстрее. Горсть успокоительных с антидепрессантами и хороший долгий сон, творили чудеса — наутро Катя просыпалась бездушным зомби с ватой вместо тела, зато этот зомби мог выполнять простую работу и не умел страдать.

Когда для нее нашлась работа в Отделе, Катя сперва обрадовалась, тому что ее странным навыкам нашлось развитие и применение, но позже поняла, что переход туда был ошибкой. Работа там нравилась ей и давалась легче, чем любая другая, а значит, у разума оставались силы думать.

Теперь она просыпалась по ночам от горя, которое накрывало ее черной удушливой волной. А за горем приходило ощущение, что жизнь опустела, смысла нет и сама она слишком сломана чтобы продолжать. У нее не было сил продолжать жить бороться и выкарабкиваться из этого ужаса.

Катя стала планировать собственную смерть. Сначала это были просто идеи, которые она взвешивала и отбрасывала, затем стали появляться целые цепочки планов. Катя

обдумывала способ, время и место, детали. Очень скоро идеальный план был готов, но принес ей не облегчение, а ужас. Он был настолько реален и осуществим, что в тяжелые моменты, Катю тянуло к нему как магнитом, и пришел страх — страх что однажды, она не выдержит, сдаться под ужасом горя и сделает это.

Смелостью для нее было не покончить с собой, а сопротивляться этому, но даже в самые лучшие дни, когда горе отступало и она чувствовала себя почти живым человеком, у нее не хватало смелости избавиться от бутылочки с таблетками, которая была важной частью ее плана. Даже в лучшие дни у нее не поднималась рука ее выбросить, как будто она боялась, что станет сожалеть об этом, однажды, когда станет совсем тяжело.

Страх умереть от собственной руки не уходил. Ночные приступы стали чаще. Катя просыпалась и долго ходила по коридору туда-сюда, ожидая пока закипит чайник, пила зеленый чай, который должен бы был успокаивать, и уже даже не плакала, отчетливо чувствуя, что внутри воцаряется пустота. Она боялась той себя, которая может все это прекратить.

В Перекрестке страх стал осуществляться. Она слышала жалобный плач, в котором ей отчетливо мерещился упрек: почему ты не спасла меня? Почему сама не взяла меня на руки, почему не успела поймать, почему, в конце концов, не постелила коврик на плитку? Почему дала мне умереть?

Плачущий ребенок заходил от боли и страха, и сколько Катя ни затыкала уши, она продолжала ее слышать и это рвало ее сердце на куски.

Кто-то коснулся ее плеча и Катя открыла глаза, вздрогнув, но никого не увидела. А бутылочка с таблетками каким-то образом выбралась из шкафчика и теперь стояла на столе.

"Нет", — подумала Катя, закрывая глаза. — "Нет, так нельзя".

"А что еще остается?" — зашептал ей внутренний голос, хорошо ей знакомый. С ним она вела долгие беседы теми тяжелыми ночами, когда она изо всех сил боролась за свою жизнь. — "Смысла нет и сил тоже нет. Зачем мучаться, если все это можно просто прекратить? Соскочить с поезда, который следует в никуда? Пусть другие остаются и борются. Тебе-то что, ты уже будешь далеко".

Катя села на полу, глядя на баночку. Все внутри нее сопротивлялось голосу, но глаз от таблеток за стеклом она отвести не могла. Так просто взять и прекратить все. Как закрываешь книгу, которую надоело читать. Как выключаешь наскучивший фильм. Почему не поступить так с жизнью?

Катя торопливо протянула руку к баночке. Сейчас она не хотела ни думать, ни сомневаться, просто сделать уже дело.

"Вместе с жизнью ты не прекратишься", — вмешался другой, незнакомый Кате голос, — "Тебе придется жить следующую жизнь, и проигрыш вроде этого умеет мстить. Ты даже не вспомнишь о том, что ты с собой сделала, но тебе придется пройти через эту задачку снова — только условия будут намного хуже. Окажи себе услугу, Катя — справишься с этим".

"Пусть с этим справляется кто угодно, но только не я. Я пыталась, правда пыталась, теперь с меня хватит. Я хочу чтобы это прекратилось".

"Так прекрати это сама. Смерть за тебя этого не сделает. Забвение не облегчит твоей боли. В этой жизни ты потеряла дочь — а в следующей потеряешь двоих детей. Думаешь, тебе будет проще с этим справиться?"

"Может. В следующей жизни я буду сильнее и справлюсь", — ответила Катя, начиная сомневаться. Одна только мысль о повторе всего этого ужаса, пугала ее.

"С чего тебе становится сильной, если в этой жизни ты не стала сильней? Ни с чего, Катя. Если ты проиграешь сегодня, завтра ты будешь еще слабей".

"Но у меня нет больше сил. Я не хочу пытаться". - жалобно ответила Катя, но взгляд от бутылочки наконец-то отвела.

"Задай себе вопрос Катя, в который раз ты ведешь с собой этот разговор? Сколько уроков ты проиграла, что жизнь привела тебя сюда? Сколько ты позволила себе потерять и сдаться в прошлых жизнях, как ты думаешь?".

Почему-то именно этот вопрос заставил Катю замереть на месте и напугал ее больше, чем угроза смерти. Сколько раз она проиграла в прошлых жизнях? Чем завела себя сюда? И если она проиграет, в будущем она окажется в еще более худшей ситуации и снова будет отвечать на тот же вопрос. Сбежать или жить?

Катя поднялась на ноги и отвернулась от баночки. Потом она передумала, схватила бутылочку с таблетками, открыла ее, высыпала все до единой белые сладковатые пилюли в унитаз, и спустила воду.

— Тебе не будет так трудно, как ты думаешь. Ты не одна. — вслух сказал кто-то, кого она слышала в своей голове. Катя обернулась и увидела в дверях девушку с черными волосами и яркими зелеными глазами. Сразу же ей стало понятно, что она вовсе не дома, а в месте, неумело загримированном под ее дом.

— Ты все еще в лабиринте, — пояснила девушка, — Но теперь он потерял свою власть над тобой.

За ее спиной появились знакомые Кате лица: Сережа, Тим, Кира. Поняв что они видели, Катя закрыла лицо руками вне себя от стыда.

— Ты зря нам не рассказала. Понимаю, почему, но все равно зря. — сказал Сергей.

— Эх ты, шляпа. Ты что думала мы тебя презирать за это будем, считать слабой? Да ничего подобного! — Кира подошла к ней и крепко обняла. Катя сразу почувствовала себя лучше, как будто камень с души свалился.

— А вы не будете? — робко спросила она.

— Нет, — ответил Тим, глядя на нее так, что будущая жизнь стала казаться более чем выносимым действием. — Не будем.

— Теперь когда все в сборе, нам осталось решить последнюю задачку. — напомнила им Кира. — Нужно найти отсюда выход.

— Есть еще один пленник, которого нужно освободить, — возразила Алиса. — И за тем и за другим предлагаю обратиться прямо к Хозяину этого места.

Рыжая девушка появилась из тени так быстро, будто все время была где-то рядом. С ней было что-то не так, Алиса сразу это почувствовала. Левая рука девушки безжизненно висела вдоль тела. Шея и лицо потрескались, как лицо старой фарфоровой куклы. Один уголок рта неестественно улыбался, как нарисованный, другой пока выглядел живым.

— Выход из Перекрестка там же где вы и вошли. — сказала она. — Теперь, когда пленников в нем больше нет, я больше не имею над вами никакой власти.

Сердца Алисы коснулась ледяная рука страха.

— Нет, — сказала она решительно, отказываясь принимать эту правду, — Здесь остался по крайней мере один пленник. Он здесь так давно, что даже имя свое забыл, но он точно должен быть здесь!

— Ты говоришь о Джентльмене, Алиса? Ты помнишь его? — спросила девушка, внимательно посмотрев на нее.

— Конечно я помню его! Я прошла все это для него, чтобы его спасти, потому что он спас меня! Он мой друг, и ты его прячешь!

Повисла странная мучительная тишина. Она звенела в голове Алисы, а пустота в груди подсказала ей — сейчас случится что-то очень плохое.

Рыжеволосая девушка смотрела на нее с удивлением и жалостью, потом ее лицо изменилось. Сквозь рябь перемены, похожей на "шум" неисправного телевизора проступили знакомые Алисе черты, серые глаза, прямой точеный профиль, галстук-бабочка цвета индиго.

Воздух застрял у Алисы в груди.

— Джентльмен — это я, — сказал Хозяин Перекрестка. — Все это время это был я.

Нет. Алиса отказывалась в это верить.

— Этого не может быть. Ты был как живой, ты верил в то, что был живой!

— Я был частью Перекрестка. — покачал головой Джентльмен, — и всегда возвращался сюда.

— Но почему? Зачем ты это делал, зачем подружился со мной, зачем спас, зачем привел сюда?

Джентльмен шагнул к Алисе. Положил руки ей на плечи, внимательно глядя ей в глаза. Алиса вспомнила годы и годы, что не могла коснуться его. Их дни, начинавшиеся у ивы, их игры. Обжигающий холод весенней реки, где она чуть не утонула. Горечь во рту от дыма, в том пожаре, от которого он ее спас. Поцелуй, сразу после которого она потеряла его, и вот, снова нашла, но больше не знает, кто он такой.

— Ты поймешь. Я знаю, ты поймешь. — Джентльмен улыбнулся печально, задумчивый и настоящий. И как она могла подумать будто он живой? Все в нем говорило о пришельце из другого времени, из другой эпохи.

— Я существую шестьсот три года. Питаюсь ужасом тех, кто проваливается в мою ловушку. Их память, их опыт и лица — мое достояние. Я знаю, как живут люди, как они любят и чего боятся. В вас во всех живет страх смерти. Страх, что вы исчезнете, кончитесь, как наспех сотворенное чудо. Вы проживаете жизнь, глядя в лицо своей смерти, что все время приближается, до самого последнего дня. Для вас время двигается в одну сторону. Для меня будущее настоящее и прошлое — едино. В моем времени нет направления. Мое существование — не река, а территория. Я родился с пониманием собственной конечности, я знал когда и как завершусь. И знал, что случится это только с твоей помощью, Алиса. Я хотел, чтобы ты положила мне конец.

— Я не хочу тебя убивать, чем бы ты ни был.

Он взял ее ладони в свои и покачал головой.

— Ты не хочешь убивать Джетльмена, а он только часть меня. Я создан ужасом, жил ужасом, соткан из него. Моя судьба не развлечение, а тюрьма. Ты не убиваешь меня, Алиса, ты даешь мне шанс прекратить все это. Вкус страха осточертел мне за шесть сотен лет.

Алиса не знала, что сказать. Мыслей не было в голове, а сердце колоколом отбивало набат: вот и все, вот и все, столько шла, а уйдешь ни с чем, потому что нельзя спасти того, кто хочет умереть.

— И что с тобой будет?

— Я перестану существовать. — любезно ответил он. — Как только первый из вас уйдут, я начну умирать. Потому я хочу, чтобы вы поспешили — если кто-то останется в момент, когда меня не станет, я не могу даже предположить, где он окажется после этого.

— Тогда нам нужно идти, — вмешалась Кира, — Мои ребята достаточно натерпелись, нужно пользоваться любой возможностью чтобы уйти.

Алиса беспомощно покачала головой. Нет, она не уйдет, не может уйти.

— Я не...

— Иди с ними, — мягко перебил ее Джентльмен, отпуская ее руки. — Я знаю все, что ты хочешь сказать, Алиса. Мне было очень приятно быть твоим другом, я впечатлен тем, что ты сумела пройти весь этот путь — даже несмотря на то, что я знал с самого начала, что ты сможешь. Прощай.

Он улыбался. И это было неправильно. Как можно улыбаться, когда все кончается? Когда мир рухнул? Алиса чувствовала себя обманутой. Маленькой девочкой, которая проснулась в своей комнате и поняла что волшебная жизнь, обещания, чудеса — все это оказалось сном, навеянным избытком сладкого за ужином. Невыносимо.

"Я не могу" — подумала она, но Матвей тянул за руку, а Джентльмен вежливо отвернулся, чтобы не смущать ее, не смотреть вслед. "Я не могу" — думала Алиса, пока они бежали куда-то вниз — быстрее, быстрее, а ужасный Перекресток казался обветшалым дворцом страха, таким старым и нелепым как фильмы ужасов тридцатилетней давности, ватные и пластилиновые.

Перекресток умирал и вместе с ним умирал Джентльмен, ее друг. Живой, всегда понимающий ее, лучший на свете друг-призрак. Она так мечтала спасти его в ответ, а оказалось, она ждал от нее ровно противоположного — чтобы она привела, к нему, бессмертному, смерть.

Она мечтала, что все будет по-прежнему, и даже лучше, но теперь не будет ничего. И зачем она так старалась, зачем рисковала своей и чужой жизнью, зачем? Алиса потерялась внутри себя.

— Это здесь? Тогда я пойду первой, — голос Киры вывел Алису из полусна. Камера психушки, казавшаяся ей такой жуткой, что она избегала ее разглядывать и оглядываться, когда они только попали в Перекресток, теперь выглядела обыкновенной грязной клетушкой, ничего зловещего, ничего пугающего.

Кира открыла решетку, сделала шаг и в тишине прозвучал отчетливый звук, как будто рвалась ткань. Под ногами Киры возникла светящаяся трещина, быстро выросшая в рост взрослого человека. Кира ухнула в нее, не успел издать ни звука.

Перекресток вокруг застонал. Алиса почувствовала животом этот низкий вибрирующий звук боли и покрылась холодным потом.

"Я не могу".

Перекресток рушился, терял краски. Предметы теряли очертания, словно в расфокусе, стены покрывались трещинами. Пол ходил ходуном, как от землетрясения, гул не замолкал.

Следом за Кирой в трещину вышли Катя и Тим, за ними пролез Сергей. Матвей шагнул вперед и потянул Алису за рукав.

"Там, дома, не будет ничего. Папа вернется домой, убедившись что со мной все в порядке, и по-прежнему будет загонять себя все ближе к подмиру, без мамы, а я ничем не смогу ему помочь. Потому что скорби во мне будет ровно столько же, как и в нем. Я никогда не забуду своего побега. Я себе его не прощу. С ума сойду от горя, а потом научусь прикрывать его отговорками, километрами слов, научусь жить со своим предательством, но не забуду. Я не подпущу к себе больше ни радости ни счастья, отравленная им. Жизни мне не будет".

Она дала Матвею войти в трещину больше, чем наполовину и вырвала свою руку из его руки.

Глядя в его лицо, она сказала:

— Я не довела дело до конца. Я не могу уйти.

Матвей рванулся обратно, но Алиса толкнула его что есть сил, убедилась что он исчез в рваной ране Перекрестка и со всех ног побежала по разрушающемуся миру наверх.

***

Хозяин Перекрестка исчерпал все ходы и дошел до границ своего времени. Больше он не знал ничего, и это было благом — не знать. Как будто зашел слишком глубоко в океан, потерял опору под ногами и висишь в холодной немой пустоте, один, несущественный по сравнению со стихией, которая вот-вот поглотит тебя.

Хозяину это нравилось. Ему нравилось все, что отличалось от его предыдущего существования.

Он слишком долго смотрел на людей и научился им завидовать. Жизни, непредсказуемые, полные красок и событий, таланты зарытые в землю, другие люди вокруг, тысячи возможностей и целый мир внутри — таковы люди, всемогущие и до смешного нелепые в своем неведении.

Если бы Хозяин Перекрестка родился человеком, он знал бы как распорядиться таким сокровищем. Жаль, что ему ничего подобного не светило.

Он умирал и ждал смерти со смирением, не делая ничего, что могло бы хоть на мгновение продлить его жизнь. Он чувствовал смутно, что его последние пленники, а на самом деле, искусно расставленная приманка, уже вышли за пределы его власти. А значит ждать осталось недолго. Смутное беспокойство поднялось из горла и затрепетало в груди — что — то мешало ему умирать. И это что-то издавало громкие приближающиеся шаги.

Увидев Алису Хозяин потерял дар речи.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. Хозяин Перекрестка знал что такое удивление — подсмотрел у людей, а теперь, перед смертью, довелось испытать его самому. Сильное чувство, повезло.

— Я верю, — сказала она, и ее глаза горели, а лицо светилось вдохновением. Она была необычайно хороша в тот момент, — Я верю, что если рядом с тобой будет друг, ты ни за что не исчезнешь навсегда. Ты обязательно станешь чем-то другим.

Она подошла близко близко, и доверчиво, как ребенок спросила:

— Кем ты хочешь стать больше всего?

— Ты не понимаешь, — осторожно сказал он, не зная чего от Алисы ждать в таком странном настроении, — Я убийца. Я мучитель. Я само олицетворения ужаса, паук. Я медленно высосал жизнь из сотен людей, перед этим подолгу их мучая. Я отобрал жизнь и у того, чье лицо ты принимаешь за лицо своего друга. Тебе нечего во мне любить.

Алиса взяла его за руку, настоящую, пусть и потрескавшуюся и уже потерявшую пару пальцев, рассыпавшихся сухим серым прахом. Она сказала:

— Если бы ты был человеком, я бы тебя возненавидела и обвинила бы в обмане, во всех грехах. Но ты не человек. Ты появился таким, какой есть. Нельзя ненавидеть ветер за то что он дует, нельзя ненавидеть дождь за то что он льет, потому что стихия не может изменить свою природу, у нее нет на то воли. И у тебя нет. Но твоей воли хватило на то чтобы себя прекратить. Я считаю, что это заслуживает награды, а не ненависти.

Хозяин Перекрестка впервые не знал, что ему ответить.

— Мальчик, которого я встретила на берегу у ивы не был злым и жестоким. Он был в тюрьме и стремился вырваться из нее, он стремился к тому, к чему стремятся все дети и люди — ему нужен был друг, любовь и свобода быть тем, кем он захочет. Я знаю, что это и был ты. Часть это целое в миниатюре.

— Итак, — снова спросила она, поднимая на него сияющий, волшебный взгляд зеленых глаз. — Кем ты хочешь стать теперь?

Хозяин Перекрестка понял, что не может исчезнуть и позволить этой безумной, прекрасной, лучшей на свете девушке исчезнуть вместе с ним.

И, словно все это время ожидавшее финальных слов, все кончилось.

Лето было солнечным и жарким, но, несмотря на то, что этот дом всегда оставался в тени, не находилось желающих укрыться около него от солнца.

Девушка наблюдала за домом из-за забора. Очень высокая и какая-то угловатая, с некрасивым лицом, но необычайной силы взглядом она невольно привлекала внимание. Составив мнение о доме, она решительно переступила невидимую границу между ним и нормальным миром.

Она поморщилась, обнаружив, что уродливые горгульи и монстры, хорошо знакомые ей, заполонили первый этаж, лестницу и почти подступили к единственной двери на втором этаже. Они неохотно расступались перед ней, не спуская с нее внимательных, голодных и жадных глаз-угольков.

Дверь она захлопнула у них перед носом, прежде чем встретиться с хозяином дома.

— Твои дела совсем плохи, Фобос, — сказала она низким для женщины бархатным голосом. Такой голос легко завладевает вниманием и сказанное им сложно подвергать сомнению. На людей он действовал, как гипноз, но Фобос человеком не был.

Он с минуту внимательно разглядывал незнакомку, проигнорировав ее слова.

"Тебе все же удалось вернуть себе тело, Гостья", — сказал он наконец.

— В этом нет моей заслуги, одна удача, — ответила она. — Я и не предполагала, что попав в Перекресток, окажусь запертой где-то на окраине мозгов этой сумасшедшей девчонки, без права голоса, беспомощная, наблюдателем за событиями, которые влияли и на мою жизнь тоже. Если бы я знала заранее, что так будет, черта с два я бы помогла этой девице влезть в ту дыру.

Фобос слушал ее внимательно, наклонив голову. Гостья не стояла на месте — все ее вытянутое тело испытывало жажду движения. Она ходила по комнате, разглядывая книги, мебель, выцветшие останки картин. На черный шар на подставке она посмотрела с уважением и трогать не стала.

— Она оказалась храбреей, чем я о ней думала, следует отдать ей должное. Храбрая, влюбленная и сумасшедшая — плохой коктейль и то, что она придумала, плохо кончилось. Я рвала и метала, когда поняла, какое изощренное самоубийство она задумала, но ничего не могла поделать. Я исчезала вместе с ней, хотела ли я того или нет.

"Но ты как-то вернулась".

Гостья кивнула.

— Мир потерял для нас обеих очертания и какое-то время я не помню ничего, только смутные отрывки, тревожные, как полузабытый по пробуждении кошмар. Память возвращается ко мне в тот момент, когда я открыла глаза и увидела мир, неудержимо зеленый и отчаянно голубой. Только этими двумя цветами он был раскрашен, когда я увидела его впервые в моей новой жизни: все оттенки зеленого от травяного до изумрудного и куполом вздымающаяся синь неба. Солнце было в зените, оно безраздельно правило на чистом, без единого пятнышка, небе. Стрекотали цикады. Мой нос наполнили ароматы нагретой земли, травы, и какого-то масличного куста. Голову горячей ладонью накрыл слепополуденный зной, а кожи на шее коснулся горячий ветер. Я смотрела и смотрела, сколько у меня хватало глаз, на опушку леса, трогала жесткую, выгоревшую на солнце траву дрожащими пальцами, вдыхала и вдыхала запахи, которые успела позабыть.

Я была жива и навсегда запомнила, как прекрасен и полон был мир в тот день, когда я вернулась.

Хозяин Перекрестка держал свое слово до конца и сумел вернуть мне тело, каким-то непостижимым образом. Должно быть, за шестьсот лет в Перекрестке накопилось какое-то количество годной для создания тела материи, а возможно сработал какой-то неведомый мне в магии закон — я не долго гадала на счет этого.

Я знаю, чего ты ждешь, Фобос. Мы с твоей дочерью были в одной лодке, но нас вынесло из нее в разные стороны. Я не знаю где она.

"Я ожидал чего-то такого". - сказал он. По голосу сложно было определить эмоции, как и по лицу, но Гостья поморщилась от волны его тоски.

— Не надоело тебе сидеть на этом чердаке и оплакивать умерших? — спросила она.

Фобос неопределенно покачал головой, не собираясь отвечать на вопрос, но Гостье не нужен был его ответ чтобы понять о чем он думает — достаточно взглянуть на демонов из подмира, подступающих почти к самой двери.

— Еще немного, Фобос и они заберут тебя обратно. И тогда все старания твоей любимой и ее жертва окажутся бессмысленными, — сказала она.

Взгляд, которым ее одарил Фобос относился к категории смертоносных, но ей было плевать. Новое тело Гостьи было не бессмертным, но покрепче человеческого.

— Кстати, я пришла сюда не для того чтобы хвастаться своей удачной судьбой, или отнимать у тебя надежду увидеть дочь, или отчитывать за саботаж. Ключевые слова были про чердак. Не обязательно сидеть здесь безвылазно.

По тому как Фобос безразлично дернул левым плечом, она догадалась, что смысл ее слов до него не дошел. Гостья глубоко вздохнула, чтобы набраться терпения и пообещать себе, что даже если и влюбится в кого-то без памяти, не позволит эмоциям сделать себя такой слепой.

— Когда я справилась с первым шоком, я отправилась к Стражу Москвы, чтобы убедиться что за мной не будет вестись какая-то дерьмовая охота. Я не для того столько положила выбираясь из антимира, чтобы потом отбиваться от желающих меня туда вернуть. И от Стража я узнала великолепную вещь, которой теперь пытаюсь поделиться с тобой: границы больше не имеют для таких как мы значения. Мы можем перемещаться между срединными мирами свободно, всем на нас плевать.

"И что с того?"

Гостья закатила глаза.

— Боже, дай мне сил. Фобос, мир смерти — тоже часть срединного мира, если до тебя еще не дошло.

Наконец-то на него стало приятно смотреть. Огоньки глаз разгорелись изнутри, все лицо, скинув печать уныния как будто помолодело лет на двести. Фобос выпрямился в полный рост.

"Ты уверена?" — спросил он и теперь в его голосе плескались эмоции — от надежды до угрозы.

— Я только что оттуда. У меня в Лимбе полно знакомых, как и у всех. — Гостья улыбнулась кривой, неприятной улыбкой. — Свою дочь там можешь не искать, она не мертва. Но, уверена, у тебя есть еще один веский повод туда наведаться.

Фобос исчез прямо с места, оставив после себя только слабый запах гари. Гостья снова ухмыльнулась, слушая шорох на лестнице: твари из подмира отступали, а значит выйти из

дома можно будет без неприятных препятствий.

Теперь, когда зов долга был исполнен, ее ждала огромная новая жизнь в мире людей. И пусть большая ее часть будет потрачена на то, чтобы стать достойной своего места здесь, эта жизнь будет прекрасной. Уж Гостя об этом позаботится.

***

Белый выглядел сурово, если не сказать: свирепо. Ноздри раздулись, бесцветные глаза метают молнии, того и гляди полы пальто начнут развиваться безо всякого ветра.

Кира с Сергеем, как и положено по роли смущенно разглядывали свои ботинки, украдкой держась за руки, но в глазах обоих плясали чертики.

— А и ладно, — сказал наконец Белый устав разыгрывать бессердечного босса, — идите в свой отпуск, хоть на все десять дней. Все равно в городе ничего не происходит. Все злодеи разбежались, увидев что у нас тут творилось осенью, ни одного завалившего портала не открыли. Да и ликвидатор наш со дня на день попросится в отпуск надолго.

Катя округлила глаза, Тим издал смущенный смешок, а Кира мгновенно сложила два и два.

— Ты беременна? Катя, ну ты молодец!

— Мы пока не собирались никому говорить, — пробормотала она, утонув в объятиях одновременно Киры и Сережи. — Вы могли бы тоже не выдавать! — обратилась она к Белому, который только с улыбкой пожал плечами: мол, нечего скрывать там, где все сыщики.

— Отдел все пустеет, — пророчески изрек он, — что ж, пора присматривать нового ликвидатора. А вы двое уматывайте в свой отпуск, но чтобы через неделю вернулись. У нас тут снова станет интересно.

Кира с Сергеем с любопытством переглянулись: Белый слов на ветер не бросал.

— Тогда предлагаю начать праздновать. Наш начавшийся отпуск и ваш приближающийся, — объявила Кира. — Куда пойдём?

— А зачем куда-то ходить, если почти все уже здесь? Дождемся только Матвея.

— Который, кстати где?

— Который единственный среди вас работает! — изрек виновник поисков, который только что пришел, — Не отдел расследований, а свадебный клуб какой-то! И я в нем старший менеджер!

— А почему Матвею нашли работу, а нам нет? — возмутилась Кира.

— У Матвея особая загрузка, — безмятежно улыбнулся Белый, как хочешь так и понимай.

Все, впрочем, и так все поняли. Матвей с осени собирал информацию о Перекрестке — он искал Алису.

В самом деле, Матвей в глубине души был уверен, что она не в беде. Его странная новая работа, которую он поначалу ненавидел, научила его доверять интуиции, но проверить он не поленился.

Даже с Виктором встретился чтобы убедиться, что Алисы нет среди мертвых, до ручки его почти довел, а вытряс точный ответ.

Иногда, она ему снилась — никогда лично, но во снах, Матвей чувствовал, что Алиса где-то рядом, и знал что ей там не плохо. Снам Матвей тоже верил, после того, как отыскал Морфея.

— Нет, ей не плохо. Просто очень странно и необычно, — сказал он и смешно

поморщился, как кот, которому плеснули в мордочку воды, — Я только это и могу сказать. Она не на моей территории, не во сне и не в иллюзии, и вытащить ее оттуда за шкуру, я не могу. Знал бы ты, как мне это бесит. И беспокоит конечно. Но я точно чувствую что ей не больно, не страшно и не плохо. И, знаешь что, дружище по несчастью — я уверен, что это не навсегда. Алиса вернется.

Матвей тоже в это верил. Алиса сделала то, к чему так стремилась, и хотя, поначалу он безумно разозлился на ее выходку, он понял, что она не смогла бы иначе: слишком честная с собой, она не сумела бы долго себя обманывать, убеждать что сделала все, что могла, если бы спаслась вместе с ними.

Она поступила неразумно, безумно, очень глупо, но так, как того требовала ее душа. Матвей гордился ее поступком, каким бы глупым его не считал. И потому он верил, что все кончится для нее хорошо, раз она поступила правильно.

Верил, что однажды, днем, который не станет предвещать ничего необыкновенного, он снова встретит ее: ее волосы станут длиннее, глаза глубже, как старые зеркала, а на лице будет улыбка и задумчивая и лукавая.

Матвей верил в этот день.

И ждал.

***

В середине июля Матвей обнаружил на своем столе смутно знакомую папку, которую он там точно не оставлял. Присмотревшись, с крепнувшей с каждой секундой уверенностью, он вспомнил ее: ну конечно, это была последняя папка того дела, которое он вел перед тем, как уйти их полиции в Отдел. Дела, которое сделало его полицейским.

Он пролистал ее, помня каждую бумажку оттуда и только потом удивился: папке следовало бы находиться в архиве полиции, никак не здесь. Пролистав ее до конца в поисках подсказок, он обнаружил пять листов бумаги исписанных черной ручкой от руки.

"Дорогой Матвей...", — прочитал он наверху и почувствовал, как сердце забилося быстрее. Он уже догадывался от кого было это послание.

Под приветствием он обнаружил длинный отчет о пробелах в расследовании, данные, каких не могло быть ни у кого кроме жертв и дословное свидетельство пропавшей без вести женщины о последних днях ее жизни. Матвей читал все это не веря своим глазам: теперь у него в руках было все, чтобы поймать преступника, все детали, весь пазл.

Эти данные можно было получить только побеседовав с пострадавшими. С мертвыми.

Он почувствовал, что ему срочно нужно выйти подышать, сел за руль и поехал куда глаза глядят, зная что в машине успокоится быстрее, чем в кабинете. Он чувствовал, что надо ждать знака, что папка, это еще не все.

"...это еще не все!" — прочитал он на рекламном щите, который словно вторил его мыслям. Он не колеблясь свернул на обочину. Щит висел над верандой кафе и Матвей решил, что кофе ему не помешает. Его преследовало ощущение словно им кто-то управляет, как будто во сне, поэтому он ни капли не удивился, столкнувшись нос с носом с бывшим сослуживцем. Его звали Игнат и он от ужасно удивился встрече, сердечно пожал его руку и убедил посидеть поболтать. Через несколько минут Матвей свернул разговор к оставленному им делу:

— Похитителя-то нашли? — спросил он, и сослуживец сразу понял о чем дело. Он сник и поморщился:

— Да нет. Гад ускользнул, в последний момент и больше мы на него не выходили. Дело

отправилось обратно на полку. Ужасно не вовремя тебя тогда перевели.

Матвей рассеянно кивнул, раздумывая, что делать дальше, пока Игнат, извинившись пошел в туалет. Матвей переводил взгляд с одного посетителя на другого, ни о чем особенно не думая. Обострившаяся интуиция вдруг словно подала сигнал тревоги и он вернулся взглядом к незаметному молодому мужчине в вытянутом свитере и куртке с капюшоном, глотающего кофе, как воду. Присмотревшись Матвей заметил что тот вовсе не неприметен, просто умеет быть незаметным. Из капюшона изредка показывались длинные пряди, выкрашенные в разноцветные цвета, на тонких, как у девушки пальцах посверкивали тяжелые кольца. Незнакомец носил темные круглые очки и со скоростью света щелкал что-то на телефоне. Обычный студент или младший сотрудник в какой-нибудь фирме поблизости.

С ботинками загаженными деревенской грязью и ключами от ленд-ровера на столе.

Полный набор примет из папки сидел прямо перед ним и Матвей не сомневался: это был он. Чувствовал.

Вернулся Игнат. Матвей начал прощаться, ссылаясь на дела, и как бы между делом протянул Игнату папку и сказал, тихо, внимательно глядя ему в глаза:

— Вы может и бросили это дело, а я нет. У тебя за спиной сидит человек, которого вы должны были поймать. Проследи за ним, и он приведет тебя к доказательствам. А в папке — все, что нужно для суда.

Мужчина напротив засобирался. Игнат бросил на него один только взгляд и кивнул Матвею. К счастью, он всегда быстро соображал.

Оставшись один, Матвей сел обратно за свой стул. Странное спокойствие отступило и он понял что все закончилось и он выполнил свою миссию. Должно было произойти что-то еще и оно произошло.

— Ты мог бы арестовать его сам, — сказал лукавый девичий голосок за его спиной. Матвей подавил кривую улыбку, которая получилась бы слишком горькой. Он знал. Знал что встретит ее снова.

— Тогда бы я упустил шанс поболтать с тобой. — ответил он, — Да и в целом... это больше не мое дело. Хоть я и рад, что приложил руку к его завершению.

— Вот и хорошо, что ты рад. Какой был бы во всем этом смысл, если бы ты был не рад, — сказала она и добавила чуть-чуть обиженно, — И ты не обернешься?

— А что я увижу? — спросил Матвей.

— Ничего, — вздохнула Алиса, — Но как я хотела посмотреть как ты будешь удивленно оглядываться по сторонам. Ты уже слишком бывалый для таких шуток, да?

Матвей кивнул, а потом спросил:

— Как ты?

Алиса улыбнулась: это он услышал по ее голосу.

— Странно. С уверенностью могу сказать только одно: я есть, где-то и как-то. Мы есть и это странно. Но не страшно. Скорее здорово. Да, очень здорово.

— И он тоже не исчез?

— Не исчез, — подтвердила Алиса с такой теплотой в голосе, что Матвею снова стало немного горько. — Все хорошо. Странно, но хорошо.

— Спасибо за подарок, — сказал он. — Если по правде, я понимаю что тебя здесь ничего не держит, но не хочу чтобы ты уходила. Вдруг ты никогда не вернешься?

Он почувствовал прикосновение руки к плечу, маленькой, узкой ладошки, но знал, что

если оглянется, то ничего не увидит. И он не стал.

— Может быть, я вернусь. — сказала Алиса. — Но только когда мы сможем вернуться вместе. А до тех пор... я могу тебя навещать, дружище.

Матвей улыбнулся: так смешно в ее устах звучало это слово.

— Тогда я не прощаюсь, — сказал он.

— Не прощайся, — согласилась Алиса и исчезла. Он сразу это почувствовал, но все равно оглянулся и убедился: вокруг никого нет и никто не пялится на него, как на сумасшедшего, только что говорившего с собой.

Матвей допил свой кофе и, сунув руки в карманы, медленно отправился обратно в Отдел.

Больше книг на сайте - Knigolub.net